

Забайкалье ИСТОРИЧЕСКОЕ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет

ЗАБАЙКАЛЬЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Материалы III Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции,
посвящённой памяти Т. А. Константиновой –
историка, исследователя и архивиста

28 ноября 2025 г.
г. Чита

Чита
ЗабГУ
2026

УДК 94(571.54/55)
ББК 63.3(253.5)
ББК Т 3(2Рос-4Чит)
3-12

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

И. Л. Дамешек, д-р ист. наук, профессор,
зав. кафедрой истории и методики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск
И. Н. Мамкина, д-р ист. наук, доцент,
вед. науч. сотрудник Отдела истории и востоковедения Забайкальского научного центра,
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), *Т. Г. Васильева*, *А. В. Волочаева*,
Н. Г. Дятчина, *Н. Н. Закаблукская*, *С. В. Кудрявцев*,
В. В. Кузнецов, *И. В. Куриленко*, *Ю. Н. Ланцова*, *Г. В. Мясникова*,
М. В. Пряженникова, *О. А. Яремчук*

3-12

Забайкалье историческое : материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвящённой памяти Т. А. Константиновой – историка, исследователя и архивиста / Забайкальский государственный университет; ответственный редактор Е. В. Дроботушенко. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2026. – 155 с.

ISBN 978-5-9293-3349-1

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений участников конференции по вопросам отечественной истории, культуры, науки и просвещения. Материалы сборника освещают вопросы изучения актуальных проблем истории Отечества. Особое внимание уделено Великой Отечественной войне, освоению и развитию Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья, задачам формирования и сохранения исторической памяти.

Издание будет полезно учёным, преподавателям вузов и ссузов, учителям школ, архивистам, краеведам, сотрудникам музеев, специалистам в области охраны объектов историко-культурного наследия и всем тем, кто интересуется историей.

УДК 94(571.54/55)
ББК 63.3(253.5)
ББК Т 3(2Рос-4Чит)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Награды, звания и учёная степень Т. А. Константиновой	7
Основные научные труды Т. А. Константиновой	7
Историко-архивные выставки, организованные Т. А. Константиновой	8

РАЗДЕЛ 1

Памяти Т. А. Константиновой – историка, исследователя и архивиста

<i>Гениатулин Р. Ф.</i> Профессия – Родину просвещать	10
<i>Баринев А. О.</i> Коллега, соратник, соавтор	11
<i>Куриленко И. В.</i> «Я – человек XIX века...»	13
<i>Балдано М. Н.</i> Навсегда в моей памяти	16
<i>Эйльбарт Н. В.</i> Старший товарищ и дорогой друг	18
<i>Яремчук О. А.</i> Т. А. Константинова – педагог и наставник студентов-историков Забайкальского государственного университета	19
<i>Карчанова Л. М.</i> Памяти архивиста Т. А. Константиновой	21
<i>Жеребцов Г. А.</i> Неожданным было известие... ..	22

РАЗДЕЛ 2

Мемориальные статьи

<i>Константинова Т. А.</i> Неизвестное письмо декабриста М. А. Бестужева	24
<i>Константинова Т. А.</i> Документы Г. Ц. Цыбикова в Государственном архиве Забайкальского края	26
<i>Константинова Т. А., Константинов М. В.</i> Содружество наук: архивистика и археология	28

РАЗДЕЛ 3

Актуальные вопросы отечественной истории

<i>Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А.</i> Присоединение Южной и Северо-Восточной Сибири к Русскому (Российскому) государству: особенности процесса	32
<i>Гребенкин А. Н.</i> Освещение дальневосточной политики России в учебниках для средней школы	35
<i>Баринев А. О.</i> Митрополит Хрисанф – первый россиянин, побывавший в Тибете и составивший его описание (к историографии вопроса)	38
<i>Кузнецов В. В.</i> «Промысел божий» протоиерея Василия Махова (по дневникам священника)	40
<i>Гавриков А. А.</i> Поездка протоиерея Иоанна Восторгова в Японию и его мнение об успехах Православия в этой стране	43
<i>Куйдин Н. В.</i> Политический аспект взаимоотношений патриарха Тихона с советской властью в её первые годы	46
<i>Карасёв С. В.</i> Некоторые страницы истории кортика как элемента оружия в Вооружённых силах СССР	50

РАЗДЕЛ 4

Проблемы истории Забайкалья.

Власть и общество. Генерал-губернаторы и военные губернаторы Восточной Сибири

<i>Верецагина И. В.</i> Церковное строительство в Забайкалье в начале XIX в.	52
<i>Сергеев М. А.</i> Забайкалье: отзвуки наполеоновских войн	53
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Учение игумена Селенгинского мужского Свято-Троицкого монастыря Израиля (Федорова) на рубеже 1820–1830-х годов: малоизвестная страница истории христианского сектантства в Забайкалье	57
<i>Паликова Т. В.</i> Отчёты военных губернаторов как источник по истории городов Забайкальской области	62
<i>Константинов А. В., Константинова Н. Н.</i> Забытый труд о забытой революции	66
<i>Кружалина А. А.</i> Избирательный процесс в Забайкальской области: военные губернаторы на страже законности и порядка	69
<i>Мясникова Г. В.</i> Военный губернатор А. И. Кияшко на страницах журнала «Забайкальские епархиальные ведомости»	73

Кальмина Л. В. Документы по дореволюционной истории еврейской общины Забайкалья в Государственном архиве Забайкальского края	76
Климов Г. Ф. Как осуществлялась подготовка Забайкальской области к Хабаровской выставке 1913 года	80
Таскин Д. А. Документы первого съезда забайкальских партизан как источник по истории развития партизанского движения в Восточном Забайкалье	83
Санжиева Т. Е. Бурят-Монгольская автономная область в составе ДВР: новый взгляд на историю образования	87
Косых В. И. Отношение сельского населения к культовым зданиям Забайкальской епархии в начале 1920-х годов	90
Шаповал Е. Ю. История представительства Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы в документах Государственного архива Российской Федерации	92
Ануфриев А. В., Южаков А. В. Оперативно-чекистская деятельность войск НКВД в Забайкалье в предвоенный период	94
Изосимов А. А. Сельская жизнь по материалам протоколов заседаний Хохотуйского сельского совета Петровск-Забайкальского района Читинской области за 1948 год	97
Бочков П. В. Забайкальское казачье войско: наградная символика эпохи возрождения 1990–2020-х годов	101
Васильев С. Г. История строительства Читинского участка БАМа в коллекциях Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова	104

РАЗДЕЛ 5

Сохранение исторической памяти. Актуальные проблемы изучения темы Великой Отечественной войны в вузе и школе. Забайкальцы на фронтах Великой Отечественной войны. Подвиг тружеников тыла

Николаева Л. В. Отношение к сохранению историко-культурного наследия и исторической памяти в Республике Беларусь в условиях вызовов современности	107
Сугако Н. А. Книга Л. М. Рейзиной «Рядовые Победы» как опыт сохранения исторической памяти об истории Великой Отечественной войны	109
Ковалёва Н. Н. Организация научно-исследовательской работы студентов как фактор формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне	112
Литвинова Л. Г. Воспоминания ветеранов как неоценимый источник сведений о войне 1941–1945 годов	115
Мерцалов В. И. Забайкальский тыл: завод № 117 в 1941–1943 годах	120
Васильева Т. Г. Письма с фронта и воспоминания ветеранов как исторический источник (по документам Государственного архива Забайкальского края)	123
Легун Е. П. Фронтовые треугольники (по письмам, воспоминаниям и документам Нерчинского краеведческого музея)	126
Бузов И. А. Техническое состояние колхозов Балейского района в годы Великой Отечественной войны по воспоминаниям сельских тружеников	128

РАЗДЕЛ 6

Культура, наука и просвещение

Храмова Л. В. Поваренная история декабристов: два столетия спустя	131
Карчанова Л. М. Бестужев Михаил Александрович – моряк, писатель, декабрист (к 225-летию со дня рождения)	133
Литвинцев А. Ю. Материалы к биографии и краткий анализ творческого наследия Александра Андреевича Зензинова-Фучана (1852–1911)	137
Верещагин С. Б. От инженеров Нерчинского горного округа до современных исследований каменных изваяний долины р. Урулунгуй	140
Резников В. В. В. А. Алмазов: художественно-педагогическое наследие в контексте становления высшей школы Забайкалья (1921–1923 годы)	143
Насибулин С. А. Курсы строителей в Чите в 1920-е годы	145
Пряженникова М. В. Деятельность первичной партийной организации Управления кинофикации Читинской области в 1949–1950 годы	148
Алкин С. В. А. С. Лукашкин – от гимназиста в г. Чите до создателя музея русской эмиграции в г. Сан-Франциско	151

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ноябре 2025 г. в городе Чите состоялась III Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Забайкалье историческое», посвящённая памяти Татьяны Андреевны Константиновой – видного историка, архивиста, педагога и краеведа. В организации и проведении конференции приняли участие кафедра истории историко-филологического факультета Гуманитарно-педагогического института имени Н. Г. Чернышевского Забайкальского государственного университета, а также сетевая научная лаборатория «Истории высшего образования и научных исследований Забайкалья» Забайкальского государственного университета и Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Государственный архив Забайкальского края, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Военно-исторический музей Военно-исторического центра «Дом офицеров Забайкальского края», отделение Российского исторического общества в Забайкальском крае, Байкальское региональное отделение Академии военных наук.

Конференция открылась в Госархиве Забайкальского края с представлением выставки, посвящённой жизни и научному творчеству Т. А. Константиновой. Выставку сформировала научный сотрудник архива И. В. Куриленко при содействии канд. ист. наук, доцента кафедры истории ЗабГУ Т. Г. Васильевой и О. М. Кочетковой, дочери Татьяны Андреевны, старшего преподавателя кафедры китайского языка ЗабГУ. На выставке представлены научные труды, государственные и краевые награды Т. А. Константиновой, копии выявленных ею уникальных архивных документов, в том числе автографы выдающихся деятелей России, старинные чертежи и карты. На открытии выставки выступили первый губернатор Забайкальского края, историк Р. Ф. Гениатулин, директор госархива С. В. Кудрявцев, канд. ист. наук, краевед А. О. Барин, канд. ист. наук, специалист комитета культуры городской администрации И. Г. Куренная, заместитель директора Нерчинского краеведческого музея А. Ю. Литвинцев, д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов.

Конференция продолжилась в форме творческой встречи в Военно-историческом центре «Дом офицеров Забайкальского края», где с приветственным словом и тёплыми воспоминаниями выступили заведующая музеем этого центра, канд. ист. наук Н. Н. Закаблукская, д-р ист. наук, профессор кафедры русской истории РГПУ, член ВАК Н. В. Эйльбарт (онлайн), Почётный гражданин г. Читы, краевед Г. А. Жеребцов и Заслуженный работник культуры РФ, режиссер Н. Н. Павленко. Были продемонстрированы отрывки из телефильмов, созданных с участием Т. А. Константиновой, в том числе из фильма о востоковеде Г. Ц. Цыбикове, получившего премию Всероссийского фестиваля.

Научные заседания состоялись на историко-филологическом факультете Гуманитарно-педагогического института им. Н. Г. Чернышевского Забайкальского государственного университета. Приветствовали участников конференции декан факультета, канд. ист. наук Е. В. Дроботушенко и заведующая кафедрой истории, канд. ист. наук О. А. Яремчук. С докладом о генерал-губернаторах Азиатской России выступил (онлайн) директор научно-исследовательского центра отечественной истории Байкальского государственного университета, д-р ист. наук Л. М. Дамешек. На заседаниях секций представили доклады более 80 учёных из научных центров Российской Федерации и Республики Беларусь, в том числе из таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Минск, Брест, Орел, Новосибирск, Иркутск, Улан-Удэ и др.

Активное участие в конференции приняли преподаватели высших и средних специальных учебных заведений Забайкальского края, студенты и аспиранты, представители общественности г. Читы и региона, а также учителя и ученики школ г. Читы.

В докладах рассматривались исторические проблемы по следующим научным направлениям:

Актуальные вопросы отечественной истории;

Забайкальцы на фронтах Второй мировой войны. Воспоминания, письма, документы участников войны;

Тема «Великая Отечественная война» в вузе и школе: сохранение исторической памяти;

Власть и общество. История образования Забайкальской области;

Генерал-губернаторы и военные губернаторы Сибири и Дальнего Востока;

История Нерчинского горного округа;

История сибирской каторги и ссылки декабристов;

Исследователи Восточной Сибири и Дальнего Востока;

Культура, наука и просвещение. История народного образования Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Программа конференции выполнена полностью. Участники выразили благодарность её организаторам и рекомендовали опубликовать тезисы докладов и выступлений. Конференция предложила увековечить память Татьяны Андреевны Константиновой в виде мемориального знака с установкой на фасаде главного здания Госархива Забайкальского края.

В настоящем сборнике представлены: актуальные статьи Т. А. Константиновой, отражающие важные направления ее архивного поиска и научного творчества; мемориальные выступления коллег Т. А. Константиновой как о видном историке, архивисте, педагоге и краеведе; тезисы докладов участников конференции.

Организаторы конференции

О. А. Яремчук, С. В. Кудрявцев, Н. Н. Закаблукская

Татьяна Андреевна Константинова

(1950–2025)

Награды, звания и учёная степень Т. А. Константиновой

Знак Министерства культуры РСФСР «За активное участие в культурном обслуживании строителей Байкало-Амурской магистрали» (1984)

Медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали» (1984)

Почётный знак Российского общества историков-архивистов (2003)

Почётное звание «Заслуженный работник культуры Читинской области» (2003)

Медаль Правительства Забайкальского края «За вклад в создание энциклопедии» (2006)

Учёная степень кандидата исторических наук (2006)

Знак отличия «За усердие на благо Забайкальского края» (2013)

Звание и нагрудный знак «Почётный архивист России» (2017)

Медаль «За заслуги перед городом» (2020)

Основные научные труды Т. А. Константиновой

Геологические исследования и горнопромышленный комплекс Забайкалья. История, современное состояние, проблемы, перспективы развития / отв. ред. Г. А. Юргенсон. Новосибирск: Наука, 1999. 574 с. (коллективное соавторство).

Константинова Т. А. Забайкалье в XIX – начале XX вв. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. Общий очерк. С. 159–175.

Константинова Т. А. Народное образование в XVIII – начале XX вв. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. Общий очерк. С. 175–182.

Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. Чита: Частная тип. Г. Г. Богданова, 2001. 91 с.

Нерчинское Забайкалье // Архивный вестник. № 6. Чита: Экспресс-изд-во, 2003. 135 с. (коллективное авторство).

Энергия поиска: науч. изд. Чита: Стиль, 2003. 152 с. (коллективное авторство).

Константинова Т. А. История Витимо-Олёкминского национального округа // Читинский архивный вестник. № 13. Чита: Поиск, 2007. С. 20–28.

Константинова Т. А. Забайкальская область Российской империи // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 2. А–З. С. 366–369.

Нерчинские заводы на службе России // Архивный вестник. № 9. Чита: Поиск, 2004. 147 с. (коллективное авторство).

Читинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: документы и материалы Чита: Экспресс-изд-во, 2005. 660 с. (коллективное авторство).

- Константинова Т. А. История Витимо-Олёкминского национального округа // Читинский архивный вестник. № 13. Чита: Поиск, 2007. С. 20–28.
- Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII–XIX вв.): хрестоматия. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2007. Т. 1. 450 с. (коллективное авторство).
- Край, устремлённый в будущее // Читинский архивный вестник. Вып. 15. Чита: Экспресс-изд-во, 2008. 196 с. (коллективное авторство).
- Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 2010. 167 с.
- Воспоминания. Письма. Документы участников Великой Отечественной войны: документы и материалы. Чита: Экспресс-изд-во, 2010. 160 с. (коллективное авторство).
- Забайкальский ракурс истории развития науки и образования // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1. А – М. С. 14–50 (коллективное авторство).
- Константинова Т. А. Административно-территориальное устройство Забайкальского края в историческом развитии (1655–2009 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (11–15 окт. 2011 г., г. Чита, г. Маньчжурия). Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 17–22.
- Власть и общество Забайкалья в историческом развитии // Малая энциклопедия Забайкалья. Власть и общество: в 2 ч. / под ред. Р. Ф. Гениатулина. Новосибирск: Наука, 2012. Ч. 1. А – Л. С. 14–51 (коллективное авторство).
- Государственный архив Забайкальского края: путеводитель по фондам Забайкальского края: в 2 т. Чита: Экспресс-изд-во, 2012–2014. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 160 с. (коллективное авторство).
- Константинова Т. А. Архивное дело в Забайкалье. 1918–2018. Чита: ЗабГУ, 2020. 260 с.
- Константинова Татьяна Андреевна: биобиблиогр. указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. 84 с.
- Баринов А., Константинова Т. Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917). Новосибирск: Деал, 2024. 224 с.
- Константинова Т. А., Куриленко И. В. Фёдор Иванович Соимонов // Даурская старина. Историко-краеведческий альманах. Улан-Удэ: НоваПринт, 2024. № 1. С. 23–29.

Историко-архивные выставки, организованные Т. А. Константиновой

1990 г.

- Выставка подлинных документов по истории Забайкалья в Художественном музее.

2005 г.

- Выставка к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем).

2006 г.

- Выставка историко-географических карт Забайкальской области, представленных на заседании Ассамблеи народов Забайкалья.

2007 г.

- Выставка к 100-летию газеты «Забайкальский рабочий» (совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем).

2008 г.

- Документы из личного фонда Е. Д. Петряева (к научно-практической конференции «Петряевские чтения», посвящённой 95-летию Е. Д. Петряева).
- Автографы государственных деятелей, путешественников, ученых, революционеров (к научно-практической конференции, посвящённой 90-летию государственной архивной службы).
- Судьба моя – комсомол (посвящена 90-летию комсомола).

2009 г.

- Люди. События: история Забайкалья в документах госархива.
- Преобразователь России (к 200-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского).

2010 г.

- Выставка, посвящённая 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

- Выставка, посвящённая 65-летию Победы над Японией.
- Вариант выставки «Люди. События. Документы».

2011 г.

- Забайкальский тыл в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.
- Выставка, посвящённая 160-летию Забайкальского казачьего войска.
- Книги, изданные архивом (для участников международной конференции «Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность»).

2012 г.

- Военное детство (В рамках мероприятий оргкомитета «Победа»).

2013 г.

- Олицетворение гуманизма, мужества и самоотверженности (история здравоохранения Читинской области в годы Великой Отечественной войны).
- «Не тщетно трудились мы, Амур сделался достоянием России» (посвящена генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву-Амурскому, совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем)
- Выставка документов по истории Нерчинского горного округа в с. Нерчинский Завод.

2014 г.

- Вторая Отечественная война (к 100-летию начала Первой мировой войны).

2015 г.

- Память, которой не будет забвения (о Чите в годы Великой Отечественной войны).
- Виртуальная выставка «Ветеран суровых сражений» (памяти фронтовика, учёного, педагога А. А. Недешева).

2016 г.

- «Я – русский, 1922 года рождения» (фронтовику, учёному А. А. Недешеву посвящается).
- «Признав полезным... образовать особую Забайкальскую область» (посвящена 165-летию образования Забайкальской области и присвоения Чите статуса города).

2017 г.

- «С войной покончили мы счёты» (к 72-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне).
- Народное образование на переломе эпох (посвящена революции 1917 г.).
- История Забайкалья в документах госархива (мини-выставка подлинных документов для посетителей архива).

2018 г.

- «Драгоценнейшее достояние государства...» (к 100-летию государственной архивной службы и 95-летию Забайкальской архивной службы).
- Выставка подлинных архивных документов (для участников конференции, посвящённой 100-летию государственной архивной службы).
- Состав и содержание документов Государственного архива Забайкальского края (экспресс-выставка для студентов Истфака ЗабГУ).

2019 г.

- Выставка плакатов «Читинское «Окно ТАСС» к 74-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (совместно с Военно-историческим музеем: ГАУ Военно-исторический центр «Дом офицеров Забайкальского края»).
- Подлинные архивные документы на выставке, посвящённой 80-летию Победы в боях на р. Халхин-Гол (совместно с Военно-историческим музеем: ГАУ Военно-исторический центр «Дом офицеров Забайкальского края»).
- Передвижная выставка документов «Освоение Дальнего Востока: Амурские сплавы» (совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем).

2021 г.

- Выставка «Если завтра война»: к 80-летию начала Великой Отечественной войны (совместно с Военно-историческим музеем: ГАУ Военно-исторический центр «Дом офицеров Забайкальского края»).

2023 г.

- История горнозаводского образования (совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем).
- Выставка, посвящённая 150-летию со дня рождения Г. Ц. Цыбикова (совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем).

РАЗДЕЛ 1

Памяти Т. А. Константиновой – историка, исследователя и архивиста

УДК 94 (571.5) + 001.32

Профессия – Родину просвещать

Равиль Фаритович Гениатулин

Почётный гражданин Забайкальского края, г. Чита, Россия
s_kudryavcev@mail.ru

Программы Татьяны Андреевны Константиновой на читинском радио об истории образования, первых школах и учителях, о видных исследователях и краеведах пользовались огромным успехом среди радиослушателей Забайкальского края. Сила её выступлений – в строгой научности, твердом следовании фактам, подкрепленным архивными документами.

Ключевые слова: учёный, педагог, просветительская деятельность, Т. А. Константинова, архивные документы, история Забайкалья

Константиновы – плеяда замечательных забайкальских учёных и педагогов, отдающих свои знания, свой труд во благо сохранения истории нашего края и воспитания юного поколения. Без малого пятьдесят лет назад, в 1976 г., на первом курсе историко-филологического факультета Читинского государственного педагогического института им Н. Г. Чернышевского состоялось моё знакомство и началось общение с представителями этой семьи. В начале в качестве студента, затем коллеги, а позже в совместной работе по созданию «Энциклопедии Забайкалья».

Я мог бы рассказывать о каждом из Константиновых...

Татьяна Андреевна Константинова. Наше активное сотрудничество началось благодаря радио. Так получилось, что в 2015 г. неожиданно для себя я стал ведущим радиопрограмм, в начале по истории литературы (2015 г. – был объявлен Годом литературы), а затем программ, посвящённых исследователям Забайкалья, историческим документам и связанным с ними событиями. Конечно, я хорошо знал научные интересы Татьяны Андреевны – история народного образования, военные губернаторы и многое другое [1]. Было интересно и хотелось, чтобы об этом знали наши ради-

ослушатели. Будучи человеком скромным, на предложение осветить несколько важных исторических тем был ответ – справлюсь ли? Мой аргумент был прост – научный руководитель государственного архива, автор монографий и научных статей не может не справиться. Помню добавил: «...у нас с Вами теперь одна профессия – Родину просвещать». Экспромт был оценен, и мы начали работать.

Уверен, что, слушая программы Татьяны Андреевны, например, об истории образования, первых школах и учителях, радиослушатели, в том числе и я, узнавали много нового. Сила её выступлений – в строгой научности, твёрдом следовании фактам, подкреплённым архивными документами. Я бы отметил её уважительное отношение к своим предшественникам, историкам и краеведам. Вспоминаю такой сюжет. Татьяна Андреевна обнаружила неточность в одной давней публикации о дате образования первого учебного заведения в крае. В радиопрограмме она очень деликатно внесла поправку, прокомментировав это так, что автор не имел возможности познакомиться с документами, которыми располагаем мы [1; 2]. Татьяна Андреевна с увлечением рассказывала о видных исследователях и краеведах, порой находя в архивных документах неизвестные

факты. Помню с какой любовью она рассказывала о судьбе Гомбожапа Цыбикова – учёного и путешественника, покорившего Тибет [3].

В последние годы, когда было видно, что Татьяне Андреевне уже трудно, я звонил и говорил: «Надо». Мы ведь из той советской системы, в которой слово «надо» было обязательным к исполнению. Ответ был один: «Если надо, значит надо». И мы работали. Я же, в свою очередь, понимал, что для Татьяны Андреевны работа – это и есть жизнь. Я искренне

радовался её преображению, как только началась запись. В студии вновь была молодая и энергичная Татьяна Константинова, увлечённая повествуя о событиях далёких лет и своих героях. За пределами студии мы много говорили об истории, политике, событиях дня, внуках, и могу с уверенностью сказать, что мы люди одной эпохи, жившие и работавшие в одной «системе координат».

Такой запомнится мне Татьяна Андреевна Константинова.

Список литературы

1. Баринов А. О. Наша история – это живая связь поколений // Читинское обозрение. 2020. 23 сент. № 39. С. 22.
2. Гаученов А. Г., Ульянова З. Читинский энциклопедист // Забайкальский рабочий. 2010. 20 сент. С. 7.
3. Константинова Т. А. Гомбожап Цыбиков: жизнь исследователя в архивных документах // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3: в 2 т. Улан-Батор: Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012. Т. 2. С. 553–557.

Сведения об авторе

Гениатулин Р. Ф. – первый Губернатор Забайкальского края, главный редактор «Энциклопедии Забайкалья» (до 2013 г.), Почётный гражданин Забайкальского края, г. Чита, Россия, s_kudryavcev@mail.ru

УДК 94 (571.5) + 001.32

Коллега, соратник, соавтор

Александр Олегович Баринов

Заслуженный работник культуры Читинской области
и Агинского Бурятского автономного округа, г. Чита, Россия
ao.barinov@yandex.ru

Татьяна Андреевна Константинова – замечательный историк-краевед и архивист, внёсшая заметный вклад в изучение истории края и популяризацию знаний о его прошлом. Автор и соавтор научных и научно-популярных изданий, участник проекта «Энциклопедия Забайкалья», редактор «Читинского архивного вестника», соавтор книги «Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917)».

Ключевые слова: биография Т. А. Константиновой, историк-краевед, архивист, исторические исследования, губернаторы Забайкалья

Начну с того, что мне довелось стать биографом Татьяны Андреевны Константиновой ещё при её жизни. В 2020 г. мной были написана биографическая справка для «Календаря знаменательных и памятных дат Забайкальского края», издаваемого ежегодно Пушкинской библиотекой [2, с. 203–210]. В развёрнутом виде жизненный путь Татьяны Андреевны мною изложен в её персональном биобиблиографическом указателе, опубликованном под грифом Забайкальского госуниверситета [3, с. 7–13]. Известны также «персоналии» Т. А. Константиновой, представленные в «Энциклопедии Забайкалья» [6, с. 116; 7, с. 381].

Мне приятно вспомнить историю наших творческих отношений с этим замечательным человеком, известным краеведом и архивистом. Мы оба были выпускниками отделения истории историко-филологического факультета Читинского пединститута имени Н. Г. Чернышевского, но учились в разные годы и познакомились только в 1984 г., когда я после окончания аспирантуры начал работать на кафедре истории КПСС и политэкономии Читинского мединститута (ЧГМИ). Тогда я начал регулярно приводить студентов в краеведческий музей, в котором работала Татьяна Андреевна. И буквально с первой, проведённой ею экскурсии, стало ясно, что мы не только коллеги

по образованию, но и по увлечению краеведением, историей нашего удивительного края. А также мы были коллегами в просветительской деятельности. Вместе нам неоднократно доводилось участвовать в теле- и радиопередачах о прошлом Забайкалья. Через некоторое время мы стали и соратниками. Так, в 1988 г. мы оба были среди участников создания Комитета памяти жертв политических репрессий при редакции газеты «Комсомолец Забайкалья». Потом на протяжении многих лет не раз возвращались к теме репрессий в своих публикациях. Во время первых выборов президента России в 1990 г. мы во взглядах разошлись. Татьяна Андреевна была среди сторонников Бориса Ельцина, а я был его убеждённым противником. Но в 1991 г. мы оба были против Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП). Со временем оба стали сторонниками президента В. В. Путина. Активно на всех выборах поддерживали другого нашего коллегу-историка Р. Ф. Гениатулина. И оба активно участвовали в реализации проекта «Энциклопедия Забайкалья», главным редактором которого был губернатор Р. Ф. Гениатулин, а научным редактором М. В. Константинов.

Татьяна Андреевна всегда помогала в моих исторических исследованиях. Благодаря её профессиональной поддержке мне при написании многих статей удалось познакомиться со многими архивными делами, у которых я зачастую был первым исследователем. Это касалось и судеб министра ДВР Я. К. Лукса, и члена II Государственной думы А. П. Вагжанова, и писателя Н. Ф. Олигера, и многих других имён, и тем. Во время встреч в архиве мы часто обсуждали и текущие политические дела, и новости, так сказать «сверяя часы». И, как правило, наши взгляды совпадали. Она всегда приглашала меня на открытие выставок, которые с её участием и часто под её руководством создавались в архиве к тем или иным историческим датам. Работая в газете «Забайкальский рабочий», писал об этом отдельные материалы. Татьяна Андреевна привлекала меня и для работы над отдельными выпусками «Архивного вестника». Благодаря её поддержке принял участие и подготовил статьи для таких знаменательных изданий, как сборники [5; 8].

В одном проекте мы на протяжении многих лет стали не просто соратниками, но соавторами. В 2001 г., когда я первый год работал главным редактором газеты «Забайкальский рабочий», мне повезло стать и первым редактором цикла статей Татьяны Андреевны о военных губернаторах Забайкалья в период с 1851 до 1917 гг. Тогда были открыты многие имена тех,

кто руководил нашим регионом. К слову сказать, мы сообща решали и задачу, поставленную Р. Ф. Гениатулиным. Ряд депутатов Читинской областной Думы резко выступали против замены названия высшего должностного лица Читинской области с «главы администрации» на «губернатора». Надо было их просветить, показать, что такая должность в истории края уже была, и занимали её достойные люди. Татьяна Андреевна блестяще справилась с этой задачей. Её статьи, а затем и изданная в тот же год её книга сыграли большую роль в преодолении депутатского сопротивления. И вскоре появилась должность сначала «губернатора – главы администрации», а затем и привычная сегодня «губернатор». Первым губернатором в истории современного Забайкалья (Читинской области, а затем и Забайкальского края) стал Равиль Фаритович Гениатулин.

Эта тема не оставляла нас с Татьяной Андреевной, и мы параллельно продолжали свои исследования. Итогом стала книга [1]. В ней были использованы не только сведения из книги Татьяны Андреевны [4], но и ряд её статей и выступлений на научно-практических конференциях, посвящённых истории Забайкальской области (1851–1917 гг.), биографиям таких выдающихся деятелей, как Н. Н. Муравьев-Амурский и М. С. Корсаков. Мной был подготовлен также большой объём статей, как о губернаторах, так и о генерал-губернаторах, которым они подчинялись.

Книга была задумана и создавалась в то время, когда Татьяна Андреевна ушла на заслуженный отдых и, к сожалению, начала серьёзно болеть. Мы договорились, что каждую главу книги я буду отправлять ей на электронную почту, после её одобрения, работа будет продолжаться. Таким стало наше соавторство над этим последним совместным проектом. Когда книга вышла, Татьяна Андреевна высоко её оценила. Она не смогла принять участие в её первой, несколько официальной, презентации, что проходила в муниципальном фольклорном театре «Забайкалье», но вот для презентации в своём родном краеведческом музее она собрала все силы и приняла участие, получив огромное удовольствие и явный прилив сил.

На протяжении тех месяцев, что ей оставалось ещё прожить, мы постоянно перезванивались. Тяжело было понимать, что силы её покидают, что уходит яркий и интересный человек. Татьяна Андреевна навсегда останется в истории края, как замечательный историк-краевед и архивист, внёсшая заметный вклад в изучение истории края и популяризации таких нужных всем нам знаний о его прошлом.

Список литературы

1. Баринов А. О., Константинова Т. А. Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917). Новосибирск: Деал, 2024. 224 с.
2. Баринов А. О. 70 лет со дня рождения Татьяны Андреевны Константиновой // Календарь знаменательных и памятных дат Забайкальского края на 2020 год: справ.-библ. изд. / сост. М. Ю. Позлутко; ред. В. В. Кругляк. Чита: Тип. «Палитра+» (ИП Пушкова Г. А.), 2020. С. 203–210.
3. Баринов А. О. Краткий биографический очерк жизни и деятельности Константиновой Татьяны Андреевны // Константинова Татьяна Андреевна: биобиблиогр. указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 7–13.
4. Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. Чита: Тип. Богданова Г. Г., 2001. 91 с.
5. Край, устремленный в будущее / сост. Т. П. Казакова, И. В. Куриленко [и др.]; ред. Т. А. Константинова // Читинский архивный вестник. Вып. 15. Чита: Экспресс-изд-во, 2008. 196 с.
6. Куренная И. Г. Константинова Т. А. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 116.
7. Куренная И. Г. Константинова Татьяна Андреевна // Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: в 2 ч. Ч. 2. М – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 381.
8. Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов. Чита: Экспресс-изд-во, 2005. 660 с.

Сведения об авторе

Баринов А. О. – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, г. Чита, Россия, ao.barinov@yandex.ru

УДК 94 (571.5) + 001.32

«Я – человек XIX века...»

Ирина Васильевна Куриленко

Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия
vasulik1989@mail.ru

На выставке «Я – человек XIX века...» представлены научные труды, государственные и краевые награды, фотографии и личные вещи Татьяны Андреевны Константиновой, а также ею выявленные уникальные архивные документы, в том числе автографы выдающихся деятелей России, введенные в научный и просветительский оборот.

Ключевые слова: выставка, личный архив семьи Макаровых – Константиновых, Государственный архив Забайкальского края, Т. А. Константинова

«Я – человек XIX века...», – так говорила о себе Татьяна Андреевна Константинова, и так называется посвященная её жизни и научному творчеству выставка, открывшаяся в Государственном архиве Забайкальского края 28 ноября 2025 г.

Первая часть выставки посвящена семье, друзьям, «доархивному» периоду жизни Татьяны Андреевны. Она родилась в посёлке Давенда Могочинского района Читинской области в 1950 г. в семье Макаровых Андрея Михайловича и Лидии Михайловны. Она всегда с большой теплотой вспоминала свой посёлок, маму, о которой она говорила, как об очень сильном учителе географии. Вспоминая папу, отмечала, что она и два её брата, Анатолий и Владимир, любили его так, что с радостью делали любую работу по дому и хозяйству вместе с ним, старались никогда его не огорчать. На выставке представлены фотографии маленькой Тани, родителей, всех членов се-

мьи, посёлка. Школу окончила Татьяна в той же Давенде. Всегда подчёркивала, что преподавательский состав школы был настолько профессионален, что выпускники школы могли поступать в любые ВУЗы страны. Её старший брат, Анатолий Андреевич, окончил институт в Томске, и многие годы работал на оборонном предприятии. На фотографии мы видим весь класс Татьяны на выпускном вечере.

После школы Татьяна поступила на исторический факультет Читинского государственного педагогического института, училась с удовольствием, окончила его в 1971 г., о чём свидетельствует полученный диплом. Направление получила в с. Гыршелун Хилокского района, но вышла замуж и вернулась в г. Читу. С 1972 г. Татьяна Андреевна работала в 42-й, 2-й и 3-й школах г. Читы. Всегда старалась прививать детям любовь к истории. И уже работая в архиве, продолжала встречаться со школьниками, проводить с ними занятия, чи-

тать лекции. Частым гостем она бывала в Забайкальском детско-юношеском центре, где выступала перед школьными учителями.

Татьяна Андреевна всегда гордилась своими детьми, Ольгой и Андреем, умными, образованными, интеллигентными, внимательными, не только к членам семьи, но и к окружающим их людям. И не было ни одного дня, чтобы Татьяна Андреевна не вспоминала любимых внуков Семёна, Мишу, Ваню. Их фотографии всегда находились на её рабочем столе, в телефоне, есть они и на выставке.

В 1979 г. Татьяна Андреевна перешла работать в Читинский областной краеведческий музей. Как сотрудник музея, она вместе с коллегами, несколько раз выезжала на БАМ. Приходилось ездить в Каларский район даже зимой, когда температура достигала минус 50 градусов. Они собирали материалы по истории и природе этого северного района, о жизни эвенков, строительстве Читинского участка БАМа и освоении Удокана. Самым интересным для неё в этих экспедициях было общение со строителями БАМа, их личные вещи, документы, награды. Медали «За строительство БАМа» и «Культурное обслуживание БАМа», которыми была награждена Татьяна Андреевна, также представлены на выставке. Татьяна Андреевна умела дружить. Дружба, зародившаяся в музее, продлилась в течение всей жизни. Фотография с музейными подругами всегда стояла в её комнате, и теперь она на выставке.

Татьяна Андреевна всегда с уважением и любовью относилась к музею, но главной её любовью стал Государственный архив Забайкальского края. Сюда она пришла работать в 1987 г., сначала заведующей отделом, затем зам. директора по научной работе. Ее служение архивному делу продолжалось более 35 лет. Об этом рассказывает вторая часть выставки. Несмотря на то, что Татьяна Андреевна ощущала себя человеком XIX в., она оставила «серьёзный след и в веке XVIII, и в веке XX». Множество хранящихся в архиве документов было введено ею в научный и просветительский оборот. Одним из наиболее интересных проектов Татьяна Андреевна считала сборник научных статей и документов «Нерчинское Забайкалье», подготовленный к 350-летию присоединения территории Забайкалья к Российскому государству. В нём у Татьяны Андреевны две статьи: «Нерчинское воеводство» и «Первые геодезические исследования в Забайкалье и Приамурье в 20–40-х годах XVIII века» [7]. Статьи дополнены документальным приложением, причём документы XVII, XVIII и XIX вв. опубликованы

впервые. К числу наиболее ценных относятся семь промеморий Г. Ф. Миллера нерчинскому воеводе Ф. Деревнину [1], а также промемории первых в Нерчинском воеводстве геодезистов П. Скобельцина и В. Шетилова [Там же]; ведомость расходов Нерчинской воеводской канцелярии на нужды Камчатских экспедиций 1725–1743 гг. [2], ведомости Ф. И. Соймонова о наборе учеников в Нерчинскую навигацкую школу за 1757 год [1]. Сборник этот по достоинству занял третье место во Всероссийском конкурсе журналистских и писательских произведений «Мы горды Отечеством своим». Сборник научных статей и документов «Край, устремлённый в будущее», посвящённый созданию Забайкальского края, вышел 29 февраля 2008 г. Сотрудники Государственного архива совместно с забайкальскими учеными опубликовали цикл статей по истории административно-территориального устройства края с 1655 по 2008 гг. Каждая статья сопровождается картой и комплексом архивных документов. Всего в сборнике 109 документов, и в их числе редкие фотографии, рисунки, планы, чертежи, документы, автографы. Четыре из десяти статей сборника принадлежат перу Татьяны Андреевны: «Нерчинское воеводство (1655–1783)», «Забайкалье в первой половине XIX века», «Забайкальская область (1851–1917)», «Витимо-Олекминский национальный округ (1931–1938)» [6].

В 2001 г. была издана книга «Губернаторы Забайкалья (1851–1917)», для которой Татьяна Андреевна по крупицам собирала сведения о военных губернаторах Забайкальской области, восстановила все фамилии. Книга быстро стала библиографической редкостью. Татьяна Андреевна и дальше продолжала собирать сведения о губернаторах, особенно много нового удалось найти во время работы над «Энциклопедией Забайкалья». Она надеялась, что существенно дополненную книгу когда-то удастся переиздать. Особой гордостью архивистов Татьяна Андреевна считала сборник документов «Читинская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945», подготовленный к 60-летию юбилею Победы совместно с учёными. Сборник состоит из пяти разделов: общая характеристика Читы и Читинской области, общественно-политическая жизнь, экономика, культура, народное образование и здравоохранение, солдаты Победы. Из шести обобщающих статей, представленных в сборнике, четыре были написаны архивистами, в том числе две Татьяной Андреевной: «Из истории народного образования Читинской области в 1937–1945 гг.», «Культурная жизнь области». В книгу включены 550 документов,

большая часть из которых опубликована впервые. В дополнение к сборнику к 65-летию Победы сотрудники архива подготовили книгу «Воспоминания, письма, документы участников Великой Отечественной войны». В книге опубликованы 52 воспоминания, 123 фотографии, 50 документов. По материалам книги Татьяна Андреевна выступала на международной научной конференции «Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность» [4].

Последней архивной работой Татьяны Андреевны стало исследование на тему: «Федор Иванович Соймонов», опубликованное в историко-краеведческом альманахе «Даурская старина» [5]. Ф. И. Соймонов – выдающийся государственный деятель XVIII века, гидрограф, картограф, навигатор, ученый. Он был не только сибирским губернатором, но и практическим руководителем Нерчинской секретной экспедиции, основал первое учебное заведение в Нерчинске – навигацкую школу. Автографы Ф. И. Соймонова, документы о работе экспедиции были выявлены в фонде «Нерчинская воеводская канцелярия» [3]. Она осталась очень довольна этой работой. На презентации альманаха Татьяна Андреевна, как всегда, выступила содержательно, с глубоким знанием темы.

Размеры данной статьи, также, как и размеры выставочной площади, не предоставляют возможность в полном объеме осветить все научные работы и публикации Татьяны Андреевны. Следует только сказать, что инициатором, вдохновителем, безусловным лидером всех изданий госархива, была сама Татьяна Андреевна Константинова. Еще один важный аспект ее деятельности – участие в конференциях, региональных, российских, международных, на которых она выступала с неизменным успехом.

Одним из приоритетных направлений её деятельности была работа по организации выставок документов. Особенно памятными для неё стали две выставки: первая организована в 1990 г. в Художественном музее (выставка подлинных документов вызвала колоссальный интерес у горожан). Вторая выставка «Нетщётно трудились мы, Амур сделался досто-

янием России» была подготовлена в 2013 г. совместно с Забайкальским краевым краеведческим музеем и посвящена генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Татьяна Андреевна мечтала о создании сборника документов госархива о том, как под руководством Муравьева-Амурского был решён Амурский вопрос, и состоялось присоединение к России Дальнего Востока. К огромному сожалению, этот проект не удалось осуществить. После приобретения в 2008 г. архивом выставочного оборудования, выставки стали регулярными. Особенно можно отметить такие, как: «Вторая Отечественная война (к 100-летию начала Первой мировой войны)» и «Я – русский, 1922 года рождения (фронтовику, ученому А. А. Недешеву посвящается)». Все выставки вызвали большой интерес прессы и общественности. Татьяна Андреевна проводила по ним экскурсии студентам, школьникам. Ей нравилось представлять на телевидении и радио исторические документы, участвовать в создании телефильмов. Она считала, что человек, занимающий должность зав. отделом публикации, информации и научного использования документов, зам. директора архива по научной работе, обязан, даже внешне, всегда быть готовым к встрече со СМИ. И съёмочные группы Читинского телевидения приезжали часто в архив, предупредив о своём визите, иногда минут за 30. Не было случая, чтобы Татьяна Андреевна отказалась от интервью. Мы называли её «нашей телезвездой», а многие забайкальцы узнавали на улице, в общественных местах, по интересным, научным, эмоциональным выступлениям; приходили к ней в архив за консультациями.

На карточке, обнаруженной среди бумаг архива Татьяны Андреевны, её рукой написана цитата: «Труд умирает, когда не по мере его воздаяние». Труд Татьяны Андреевны будет жить вечно, интерес к её работам будет всегда, хотя бы потому, что она была пионером в изучении многих вопросов истории Забайкалья. Единственная в Государственном архиве, она по праву, заслуженно, удостоена звания «Почётный архивист России». Весь жизненный путь Татьяны Андреевны, хоть и кратко, представлен на выставке.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64.
3. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 71.
4. Константинова Т. А., Куриленко И. В. Воспоминания участников Великой Отечественной войны в документах Забайкальского краевого архива // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом: в 2 ч. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. 2. С. 82–85. EDN: UCYOLN

5. Константинова Т. А., Куриленко И. В. Фёдор Иванович Соймонов // Даурская старина. Историко-краеведческий альманах. Улан-Удэ: НоваПринт, 2024. № 1. С. 23–29.
6. Край, устремленный в будущее / сост. Т. П. Казакова, И. В. Куриленко [и др.]; ред. Т. А. Константинова // Читинский архивный вестник. Вып. 15. Чита: Экспресс-изд-во, 2008. 196 с.
7. Нерчинское Забайкалье // Архивный вестник. № 6. Чита: Экспресс-типография, 2003. 136 с.

Сведения об авторе

Куриленко И. В. – начальник отдела реставрации документов, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия, vasulik1989@mail.ru

УДК 94 (571.5) + 001.32

Навсегда в моей памяти

Марина Намжиловна Балдано

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
histmar@mail.ru

Татьяна Андреевна Константинова – почётный архивист Российской Федерации, заслуженный работник культуры Читинской области, кандидат исторических наук. Её имя известно не только в историко-архивном сообществе далеко за пределами Забайкальского края, но и в научном сообществе России.

Ключевые слова: исследователь, архивист, историк, Государственный архив Забайкальского края, документальное наследие

Несколько дней назад я, как обычно, отравила новогоднее поздравление семье Константиновых. В ответ пришло поздравление от Михаила Васильевича, в котором он также сообщал, что Тани с нами больше нет. Эта новость просто оглушила меня, оставляя чувство пустоты и нереальности происходящего. Это был настоящий шок, от которого я до сих пор не могу прийти в себя. Сложно поверить, что она ушла уже полгода назад, но её улыбка, её слова, её любовь к семье, к друзьям остаются с нами и дают силы.

Мы познакомились с Таней много лет назад, когда я приехала в Читу поработать с материалами для своей кандидатской диссертации в ГАЧО (ГАЗК). Меня встретила молодая, красивая, очень интеллигентная, готовая проконсультировать и помочь, сотрудница архива. Это и была Татьяна Андреевна Константинова.

Уже позже я узнала, что она, работая в Читинском областном краеведческом музее, много времени, знаний и сил отдала созданию музея Читинского участка БАМа в п. Чара, в самом северном районе Забайкальского края, где находятся полюса холода и снега. Татьяна очень увлечённо, с гордостью рассказывала о том, что именно там произошла историческая стыковка восточного и западного звена Байкало-Амурской магистрали. И это была наша общая тема, поскольку Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (в то

время Бурятский институт общественных наук БФ СО АН СССР) на протяжении десяти лет фиксировал и изучал историю строительства Бурятского участка БАМа.

Татьяна Андреевна – образованный, любящий свою профессию человек. Очень трудно говорить о ней в прошедшем времени. В 1987 г. она пришла работать в архив и осталась здесь на много лет, была фондохранителем, старшим научным сотрудником, заместителем директора по научной работе [3]. Мои коллеги говорят о ней как о мудром, спокойном, грамотном руководителе. Её супруг, известный российский археолог, доктор исторических наук, профессор Михаил Васильевич Константинов, всегда и во всём её поддерживал. Сложно было найти такую гармоничную пару. Татьяна говорила, что она счастливый человек, у неё прекрасная семья, любимая работа, что она идёт в архив как на праздник, ежедневно познавая и открывая что-то новое. Мы очень плодотворно общались во время научных конференций, особенно запомнилась поездка в Китай, в г. Эргуна с Татьяной и Ириной Григорьевной Куренной. Впечатления просто незабываемые.

Хорошо помню блестящую защиту Татьяной Андреевной её кандидатской диссертации в Бурятском государственном университете. Работа была посвящена истории горнозаводского образования в Забайкалье, на территории которого располагался Нерчин-

ский горный округ [2]. Для подготовки такой диссертации требовались интерес исследователя, опыт поисковика, терпение и организованность архивиста. Всего этого ей было не занимать, что неоднократно подчёркивали в своих выступлениях члены диссертационного совета.

Интерес к своей малой Родине стал фактором, во многом определившим линию её жизни. Её профессиональная деятельность была связана с изучением истории Забайкалья XIX в. и развитием народного образования. Её труды позволили исследователям разных уровней познать много интересного и неизведанного. Татьяна Андреевна – автор и соавтор научных и научно-популярных изданий, среди которых монография «Геологические исследования и горнопромышленный комплекс Забайкалья» (1999), книга «Чита – город во времени» (2001). В монографии «Губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг.» (2001) приведены scrupulously собранные, обработанные и проанализированные Татьяной Андреевной императорские указы, послужные списки, деловая переписка, хранящиеся в ГАЧО (ГАЗК). Эта книга позволяет узнать много новых фактов из жизни и нелёгкой государевой службе губернаторов на восточных рубежах Российской империи.

Т. А. Константинова инициировала выпуск юбилейного научного сборника «Нерчинское Забайкалье». В 2010 г. вышла её монография «История горнозаводского образования в Забайкалье». В 2024 г. увидела свет книга Т. Константиновой и А. Барина «Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917 гг.)». Работа над книгой велась почти три года, но материал для неё авторы собирали более тридцати лет. В издании впервые рассказано обо всех военных губернаторах Забайкальской области со времени создания

области в 1851 г. и до революционных событий 1918 г., причём речь идет и о тех, кто был военным губернатором «по должности», и о тех, кто «исполнял дела таковых». Особый интерес вызывает и описание жизненного пути генерал-губернаторов [1].

Кроме того, Татьяна Константинова была автором популярных теле- и радиопередач по истории края, членом редакционной коллегии «Энциклопедии Забайкалья», где она редактировала разделы и писала статьи как по истории XVII–XXI вв., так и по персоналиям науки и образования [2]. Параллельно с этим у Татьяны Андреевны были выступления, лекции, статьи, направленные на популяризацию фактов из истории Забайкальского края, Сибири в целом, а также каждодневная архивная работа с решением массы проблем, работа с коллективом, архивистами, которым она стремилась передать свой жизненный и профессиональный опыт.

Архивное дело требует от специалиста сочетания теоретических и практических знаний, и, что очень важно, – желания сохранить и донести до современников и последующих поколений документальное наследие. Почётный архивист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Читинской области, кандидат исторических наук Татьяна Андреевна Константинова как раз была тем преданным профессиональному кредо человеком, а её имя хорошо известно не только в историко-архивном сообществе далеко за пределами Забайкальского края, но и в научном сообществе страны.

Рядом с нами был прекрасный исследователь, архивист, историк, собиратель человеческих судеб, надёжный друг и внимательный собеседник. Огромным счастьем и большой удачей было встретиться и общаться с нею.

Список литературы

1. Барин А. О., Константинова Т. А. Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917). Новосибирск: Деал, 2024. 224 с.
2. Константинова Татьяна Андреевна: библиогр.указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. 84 с.
3. Куренная И. Г. Константинова Татьяна Андреевна // Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. Ч. 2. М – Я. С. 381.

Сведения об авторе

Балдано М. Н. – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), г. Улан-Удэ, Россия, hismar@mail.ru

Старший товарищ и дорогой друг

Наталья Владимировна Эйльбарт

Российский государственный педагогический

университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

ejlbart@mail.ru

Выдающийся исследователь истории Забайкалья и блестящий педагог Т. А. Константинова своим примером работы с архивными первоисточниками, яркими и интересными выступлениями на конференциях различного уровня могла заинтересовать молодое поколение, посеять в его душах искру любви к Забайкалью и его истории.

Ключевые слова: *исследователь, педагог, архивист, Государственный архив Забайкальского края, Т. А. Константинова*

Татьяна Андреевна Константинова по своему характеру, по складу личности, принадлежала к числу людей, общение с которыми представляло череду приятных эмоций и душевного наслаждения. Она столь естественно и гармонично вошла в мою жизнь, что я и по сей день пребываю с ощущением, что она была в ней всегда, а посему вспомнить, когда же точно состоялось наше знакомство, нелегко.

В начале нулевых годов, трудясь над диссертационным исследованием о жившем некогда в Забайкалье польском археологе и антропологе Юлиане Талько-Грынцевиче, я отправилась в Государственный архив Читинской области (ныне Государственный архив Забайкальского края), где Татьяна Андреевна являлась тогда заместителем директора по науке. Небольшой стол в ее крошечном кабинете был завален архивными делами – велась работа над книгой «Губернаторы Забайкалья», в которой впервые в отечественной историографии она рассказала об администраторах Забайкальской области периода Российской империи [Константинова..., 2022]. Её ласковый и доброжелательный взгляд, подкреплённый истинно материнской заботой о вновь пришедшем в архив исследователе, помощь в поиске нужных фондов и документов, в которых Татьяна Андреевна прекрасно ориентировалась, а самое главное – желание щедро делиться этой информацией, не оставляли молодому исследователю шансов уйти из архива что называется «с пустыми руками». Под руководством Т. А. Константиновой мною были освоены приемы архивного поиска и архивной эвристики, сам процесс которых сродни работе детектива:

затягивает, вызывает азарт и не позволяет останавливаться в исследовании на полпути.

Татьяна Андреевна запомнилась не только как выдающийся исследователь истории Забайкалья, но и как прекрасный, блестящий педагог. Своим примером скрупулёзной работы с архивными первоисточниками, яркими и интересными выступлениями на конференциях различного уровня, она могла заинтересовать молодое поколение, посеять в его душах искру любви к Забайкалью и его истории. Несомненно, благодаря этим качествам Т. А. Константиновой, в историческую науку пришло и осталось немало молодых людей, которые ранее, быть может, себя в ней не видели.

Посчастливилось мне испытать на себе и широкое гостеприимство Татьяны Андреевны. «От нас, от Константиновых, никто не уходит голодным», – любила повторять она, потчует гостя, параллельно обсуждая его научные планы и текущие дела, комментируя и давая советы. Аспирантов супруга, профессора Михаила Васильевича Константинова, Татьяна Андреевна принимала и вела по научной жизни как родных детей, и поэтому с полной уверенностью эти люди (в том числе и я) могут сегодня сказать, что при подготовке квалификационной работы мы имели двух научных руководителей, как принято говорить «шефов», под чуткой опекой которых просто невозможно и неприлично было ничего не написать.

Уход из жизни Татьяны Андреевны Константиновой – колоссальная потеря для науки и образования Забайкальского края. Память о ней навсегда останется в сердцах знавших её людей, а научные работы всегда будут востребованы как сегодня, так и в грядущем.

Список литературы

Константинова Татьяна Андреевна: биобиблиогр. указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. 84 с.

Сведения об авторе

Эйльбарт Н. В. – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, *ejlbart@mail.ru*

УДК 94 (571.5) + 001.32

Т. А. Константинова – педагог и наставник студентов-историков Забайкальского государственного университета

Ольга Анатольевна Яремчук*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*
oyaremchuk@yandex.ru

В статье представлена краткая характеристика педагогической и наставнической деятельности ученого, архивиста Татьяны Андреевны Константиновой. Подчеркивается, что её работа со студентами историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета стала важной и неотъемлемой частью их профессиональной подготовки в рамках архивной, археологической и научно-исследовательской практик, экспедиционных исследований.

Ключевые слова: Татьяна Андреевна Константинова, педагог, наставник, студенты, Забайкальский государственный университет

Татьяна Андреевна Константинова – личность, безусловно, многогранная: учёный, архивист, педагог и просветитель. Глубина, цельность и содержательность её теле- и радиопрограмм, выступлений («Исследователи Забайкалья», «Письма с фронта», «Архивный фонд» и др.) подчёркивались коллегами неоднократно, справедливо давалась высокая оценка её научному творчеству представителями профессионального сообщества («Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг.», «История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.)», «Архивное дело в Забайкалье. 1918–2018», «Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917)» и др.) [1; 3; 4]. В этой же статье мы остановимся ещё на одной грани Татьяны Андреевны – её педагогической и наставнической деятельности, которую она осуществляла на кафедре истории Забайкальского государственного университета. Не являясь её штатным преподавателем, на протяжении нескольких десятилетий она в полной мере участвовала в профессиональной подготовке студентов, магистрантов и аспирантов по историческим направлениям подготовки, а некоторых из них сопровождала и после окончания университета. Можно вполне определённо сказать, что Татьяна Андреевна фактически выполняла роль наставника большой группы выпускников историко-филологического факультета.

В современной системе образования вновь вернулись к забытому институту наставничества, подготовлена соответствующая нормативная база (внесены изменения в Трудовой кодекс РФ, утверждена Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 г.) [2]. Подчеркнём, что Татьяна Андреевна ещё до официального оформления института наставничества спо-

собствовала реализации его целям, поскольку и сама её личность и деятельность всегда соответствовали высоко заданной планке: требовательность к себе и другим, уважение к наставляемым, потребность в передаче знаний, умений, навыков, какими обладала сама, формирование ответственного отношения к результатам труда и приверженности следующим ценностям: гуманизм, милосердие, справедливость, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, созидательный труд, взаимопомощь, историческая память и др.

При этом важно отметить, что педагогическая и наставническая деятельность Татьяны Андреевны никогда не была формальной. Как и любое другое дело, за которое она бралась, выполнялось ею от всей души, искренне и неравнодушно по отношению к ученикам. Здесь, думается, будет уместным использовать выражение известного педагога Василия Александровича Сухомлинского, ставшее названием одной из его книг «Сердце отдаю детям» [5]. Татьяна Андреевна никогда не жалела сил, времени, знаний на работу со студентами-историками, отдавая им в придачу всё своё сердце. Не случайно, искренняя поддержка и реальная помощь с её стороны формировали определённую эмоциональную связь между ней и её учениками. Речь здесь идёт не только о безусловном педагогическом таланте Татьяны Андреевны, а её особой жизненной миссии: нести знания, душевный свет и формировать личности молодых исследователей.

На наш взгляд, заслуживают не только внимания, но и тиражирования формы педагогической и наставнической деятельности Татьяны Андреевны со студентами-историками:

1. Лекционная работа по проблемам истории науки и образования Забайкалья в ходе

летних археологических практик и экспедиций. Профессор Михаил Васильевич Константинов очень точно эту форму назвал «содружеством археологии и архивистики».

2. Лекционно-практическая деятельность в рамках архивной практики. Татьяна Андреевна предоставляла уникальную возможность обучающимся погрузиться в мир архивных материалов и познать специфику архивного дела, познакомиться с оригиналами документов, хранящимися в фондах Государственного архива Забайкальского края. Для встречи со студентами ею всегда готовилась подборка интереснейших документов, иллюстрирующих отдельные страницы прошлого Забайкалья в контексте истории России. Становление историка невозможно без подобного знакомства с архивом, его достоянием и прикосновения к подлинным свидетельствам прошлого.

3. Консультирование и сопровождение молодых ученых при подготовке научных исследований (выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций, статей). Многие исследователи выражают слова искренней благодарности за возможность получить у Татьяны Андреевны консультацию об актуальных проблемах исторической науки, работах по интересующей тематике, подчёркивают её потрясающую эрудицию, кругозор и великолепное знание архивных документов, позволившие сориентироваться в большом потоке информации и окончательно определиться с направлением своей научной деятельности.

4. Консультации в рамках государственной экзаменационной комиссии магистрантов по

направлению 44.04.01 *Педагогическое образование* (направленность «Историческое образование»). Бесценные советы Татьяны Андреевны по продолжению той или иной научной темы, её профессиональные консультации, мудрые и добрые пожелания стали неотъемлемой частью процедуры защиты выпускных квалификационных работ магистров, которая благодаря этому становилась очень полезной для дальнейшего профессионального становления обучающихся.

5. Популяризация исторических знаний в рамках выступлений, презентаций книг, выставочной деятельности. Для студентов-историков просветительская деятельность Татьяны Андреевны имела большое значение, поскольку, во-первых, это был пример учёного, у которого нужно было учиться серьёзному и глубокому погружению в научную проблему, во-вторых, её умению доступно раскрывать сложные исторические темы на основе материалов Государственного архива Забайкальского края.

Татьяна Андреевна Константинова сыграла важную роль в профессиональной подготовке студентов-историков нескольких поколений и была всегда рядом с коллективом кафедры истории Забайкальского государственного университета. Её наставничество, сопровождение и деятельное участие в судьбе наших выпускников бесценно, направлено на будущее исторической науки и формирование их как личностей. Благодарю судьбу, что в моей жизни и жизни кафедры истории была Татьяна Андреевна. Мы будем её помнить!

Список литературы

1. Баринев А. О. Краткий биографический очерк жизни и деятельности Константиновой Татьяны Андреевны // Константинова Татьяна Андреевна: биобиблиогр. указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 7–13.
2. Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации: [от 21 мая 2025 г. № 1264-р]. URL: <http://government.ru/docs/all/159117/> (дата обращения: 15.11.2025). Текст: электронный.
3. Куренная И. Г. Константинова Татьяна Андреевна // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 116.
4. Куренная И. Г. Константинова Татьяна Андреевна // Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: в 2 ч. Ч. 2. М – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 380–381.
5. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М.: Концептуал, 2018. 319 с.

Сведения об авторе

Яремчук О. А. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, oyaremchuk@yandex.ru

УДК 94 (571.5) + 001.32

Памяти архивиста Т. А. Константиновой

Людмила Мусалимовна Карчанова*Российский государственный архив Военно-Морского Флота,**г. Санкт-Петербург, Россия**zulay.331@mail.ru*

Т. А. Константинова – историк энциклопедического склада ума, специалист, щедро делющийся своими знаниями и богатством своей светлой души. Опора на архивные источники, их проникновенный анализ, блестящие память и интеллект определяли точность и достоверность оценки исторических событий, которые находили воплощение в её книгах и статьях.

Ключевые слова: историк, архивист, просветительство и популяризация истории Забайкальского края, увековечивание памяти Т. А. Константиновой

Горькое известие о кончине Татьяны Андреевны стало ошеломительным еще и по невероятному совпадению – в этот момент я читала строки из письма лейтенанта флота Михаила Александровича Бестужева вице-адмиралу Михаилу Францевичу Рейнеке: «Невольно я пробежал мысленно горизонт моей прошлой жизни, где многие звёздочки отраднo сияли лучами дружбы, алмазным блеском звёзд первой величины. И что ж теперь? Многие закатились под горизонт на веки веков. Неумолимая смерть с каждым взмахом косы теснее и теснее зачерчивает круг нашего морального существования и с каждым взмахом её косы наше одиночество становится всё безотрадней...». Я была погружена в это письмо декабриста, как вдруг экран телефона высветился известием о кончине Татьяны Андреевны.

Татьяна Андреевна как-то написала: «Архив – удивительное место, в нём собираются единомышленники, для которых важнейшей ценностью являются знания, они становятся друзьями, помощниками, сподвижниками». Я благодарна судьбе за то, что мне посчастливилось два десятилетия работать с таким благородным, одаренным искрой Божьей, человеком. Мне очень импонировала её речь – грамотная, образная, емкая. Восхищалась её чувством юмора, колоссальным объемом краеведческих знаний, виртуозным умением работать с историческими источниками.

Татьяна Андреевна была историком энциклопедического склада ума, специалистом,

щедро делющимся своими знаниями и богатством своей светлой души [1]. Она никогда не отказывала в консультациях приезжающим в архив аспирантам, со всеми была доброжелательна и приветлива. Татьяна Андреевна многому научила меня и моих коллег без назидательности, без нарочитого менторства – легко и уважительно.

Нас, своих коллег, она называла «коллекжанки», объединяя слова «коллеги» и «каторжанки». Опора на архивные источники, их проникновенный анализ, блестящие память и интеллект определяли точность и достоверность оценки исторических событий, которые находили воплощение в её книгах и статьях [2].

Однажды я подарила ей такие строки:
Вы наш родной архивный мастодонт!
Событья края, факты и явления
Чрез документ, через архивный фонд –
В изданиях находят воплощенье!
И каждый документ для Вас – живой!
И рукопись Вам ближе, чем шрифты:
Вы трепетно ласкаете рукой
Шероховатые, неровные листы!
Талант у Вас – читать всё между строк,
И видеть то, что для других сокрыто –
И полуфразы, и полунамёк
Подвластны для такого эрудита!

Татьяна Андреевна как человек беззаветно преданный архивному делу и оставивший яркий след в деле просветительства и популяризации истории родного края достойна увековечивания памяти о ней установлением мемориальной доски на фасаде здания архива.

Список литературы

1. Константинова Т. А. Архивное дело в Забайкалье. 1918–2018. Чита: ЗабГУ, 2020. 260 с.
2. Константинова Татьяна Андреевна: биобиблиогр. указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. 84 с.

Сведения об авторе

Карчанова Л. М. – главный специалист, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург, Россия, *zulay.331@mail.ru*

Неожиданным было известие...

Геннадий Александрович Жеребцов

Музей истории УМВД России по Забайкальскому краю, г. Чита, Россия

gena52a2014@ya.ru

В своих творческих интересах как историк Т. А. Константинова возглавляла коллективную работу штатных работников архива и членов общества историков-архивистов по организации выпусков «Читинских архивных вестников». Презентация книги «История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.)» состоялась в селе Нерчинский Завод в 2013 г.

Ключевые слова: история архивного дела, горнозаводское образование в Забайкалье, увековечивание памяти Т. А. Константиновой

Неожиданным было известие о том, что не стало Татьяны Андреевны Константиновой. Про её болезнь я знал давно: и она при встречах не скрывала это, и о тревогах Михаила Васильевича на счёт этого тоже было известно.

Главное в её делах была любовь к архивному делу, к архиву. В своих творческих интересах как историк она не замыкалась в себе, а была открыта для окружающих и доступна в общении. Одной из форм этого общения являлась коллективная работа штатных работников архива и членов общества историков-архивистов по организации выпусков «Архивных вестников».

Мы знаем, что в её судьбе были знаки «За активное участие в культурном обслуживании строителей БАМа» и медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали» [3]. Она занималась сбережением памяти о происшедших свершениях. Музей, который создавался под её руководством в Каларском районе, действует и поныне.

В истории нашего Забайкалья весьма важны темы, раскрытые Т. А. Константиновой. Взять хотя бы тему о первых лицах в управлении созданной в середине XIX в. Забайкальской области. В 2001 г. вышла книга Татьяны Андреевны «Губернаторы Забайкалья, 1851–1917 гг.» [3]. Книга издана под титлами: Администрация Читинской области, Управление делами архивов, Государственный архив Читинской области. На её страницах губернаторы представлены не как сатрапы царской администрации, а как организаторы развития удалённой от центра страны, огромной Забайкальской области. Губернаторскую тему подхватили и другие местные исследователи. Так, Александр Олегович Баринов совместно с Татьяной Андреевной в декабре 2024 г. презентовал новую книгу «Посланцы императоров – правителя Забайкалья (1851–1917 гг.)», являющейся продолжением той, что вышла

в 2001 г. В связи с этой книгой вспоминается выступление Татьяны Андреевны в читальном зале государственного архива о взглядах первых губернаторов на перспективы освоения этой огромной территории и об основных базовых направлениях с целью стержневого развития Забайкалья.

В 2006 г. в Бурятском государственном университете Татьяна Андреевна защитила диссертацию на степень кандидата исторических наук, в 2010 г. в Новосибирске в издательстве «Наука» вышла её книга «История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.)» [1]. Презентация этой книги состоялась в селе Нерчинский Завод – там, где в 1723 г. была открыта одна из первых в стране горных школ. Мероприятие проводилось в местной школе, как говорится, с размахом, с открытием мемориальной доски на фасаде средней школы как старейшем в крае учебном заведении, и вечерним необычным для этого села салюте. На торжественном заседании после представления книги Татьяны Андреевны, состоялся подготовленный учителями и учениками этой школы костюмированный спектакль по тематике книги: словно сошли с её страниц русская императрица Елизавета Петровна, начальник заводов Егор Егорович Барбот-де-Марни, чиновники горного ведомства и мастера, поэт Фёдор Иванович Бальдауф и простые школяры.

В 2023 г. в краевой библиотеке имени А. С. Пушкина проходила конференция, посвящённая 150-летию со дня рождения бурятского путешественника, профессора Гомбожаба Цыбикова. Было известно то, что он в 1893 г. с серебряной медалью окончил Читинскую мужскую гимназию. Но личного дела Цыбикова среди выпускников гимназии в фонде «Читинская гимназия» не имелось. Татьяна Андреевна нашла разгадку. Дело в том, что у наших бурятских соотечественников фамилии

записывались по-особому: по фамилии родителей. Отцом Гомбожаба был Цэбэк Монтуев. И личное дело при поступлении его сына в учебное заведение было записано под фамилией Монтуев [4]. После кончины Татьяны Андреевны в цикле радиопередач «Исследователи Забайкалья» Равиль Фаритович Генатулин вернулся к записанному весной 2023 г. радиоэфиром с рассказом Т. А. Константиновой о Гомбожабе Цыбикове, и в нём, в частности, прозвучал рассказ самой Татьяны Андреевны об этой истории.

В двадцатые годы Татьяна Андреевна изучала историю архивного дела в Забайкалье. На этой почве у нас с ней состоялось несколько встреч. В музее истории Забайкальской милиции, я восстанавливал историю УНКВД-УМВД Читинской области и его архивные службы. Одним из ее начальников являлся Доманский Николай Михайлович. Татьяна Андреевна

имела представление о его деятельности, но никакими биографическими сведениями о нём не располагала. Я поделился с ней рядом документов и фотографий, что нашло отражение в книге Т. А. Константиновой «Архивное дело в Забайкалье» [2].

Мы продолжали творческое общение. К ней я обратился с просьбой выбрать из фотографий Владимира Исаковича Василевского ту, которая наиболее полно характеризовала его личность для отражения на мемориальной доске. А потом Татьяна Андреевна вдохновенно выступила на открытии мемориальной доски в честь уважаемого коллеги.

В день прощания с Татьяной Андреевной мы с Ириной Григорьевной Куренной возложили венок с надписью: «Татьяне Андреевне Константиновой от друзей – краеведов». Думается, что придёт время, и она будет смотреть на нас с посвящённой ей мемориальной доски.

Список литературы

1. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 2010. 167 с. EDN: QMZA KL
2. Константинова Т. А. Архивное дело в Забайкалье. 1918–2018. Чита: ЗабГУ, 2020. 260 с.
3. Константинова Татьяна Андреевна: биобиблиогр. указатель. Чита: ЗабГУ, 2022. 84 с.
4. Константинова Т. А. 150 лет со дня рождения Г. Ц. Цыбикова (1873–1930), ученого-востоковеда, путешественника // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 2023 год. Чита: Читинская городская тип., 2023. С. 91–101.

Сведения об авторе

Жеребцов Г. А. – краевед, Почётный гражданин города Читы, методист Культурного центра УМВД, Музей истории УМВД России по Забайкальскому краю, г. Чита, Россия, gena52a2014@ya.ru

РАЗДЕЛ 2

Мемориальные статьи

УДК 930. 27 + 92

Неизвестное письмо декабриста М. А. Бестужева

Татьяна Андреевна Константинова

Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия

Статья посвящена анализу архивного документа – письма М. А. Бестужева военному губернатору Забайкальской области М. С. Корсакову. Введение в научный оборот документа позволило автору статьи дополнить биографические и исторические сведения о забайкальском периоде жизни декабриста М. А. Бестужева в 1856 г.

Ключевые слова: декабрист Михаил Александрович Бестужев, архивный документ, Амурский сплав 1856 г., Забайкальская область, военный губернатор М. С. Корсаков

Михаил Александрович Бестужев – один из замечательных деятелей декабристского движения. К сожалению, имя его находится в тени более знаменитых братьев Николая и Александра (Марлинского), иногда его путают то с одним, то с другим братом.

Письмо, написанное рукой М. А. Бестужева в 1856 г., с совершенно чётко читаемой подписью, представляет большую историческую ценность. Оно раскрывает важную страницу из жизни декабриста, а вместе с тем содержит сведения о том, как происходило освоение Амура с активным участием военного губернатора Забайкальской области М. С. Корсакова.

В 1839 г. декабристы Николай и Михаил Бестужевы прибыли на поселение в Селенгинск. Былая слава города осталась в далеком прошлом. Передовой форпост Забайкалья, построенный в 1665 г., уже давно не был ни административным, ни торговым центром, и даже, по определению М. Бестужева, «не имел вида порядочной деревушки». Первоначально декабристы поселились в доме купца Д. Д. Старцева, через месяц перебрались в Нижнюю деревню, где и прожили более двадцати лет. Их дом превратился в центр просвещения и свободомыслия в крае. Особенно близкими друзьями становятся купцы-меценаты Старцевы, Лушниковы, Наквасины.

Жизнь в Селенгинске опальных декабристов была активной и чрезвычайно разносторонней; значительный вклад внесли Бестужевы в развитие культуры, науки и экономики

Забайкалья. Их жизнь – это «живая повесть борьбы передовых русских людей по созданию в глухом краю, среди кочевого народа образцового хозяйства, опирающегося на технику и науку» [3, с. 64].

Деятельность М. А. Бестужева была гораздо обширнее, чем это принято считать, исходя только из его мемуаров. В них он по какой-то причине не упоминает об очень интересном факте из своей биографии – поездке из Селенгинска в Читу и плавании по Ингоде, Шилке, Амуру до Николаевска. Беглое упоминание об этом событии встречается в записанных М. Семёновским рассказах сестры Е. А. Бестужевой: «Он [Бестужев] ходил с подрядами на Амур, но теперь живет мирно» [2, с. 324].

К этому периоду жизни М. А. Бестужева и относится письмо, написанное им 20 декабря 1856 г. В это время он принял предложение Первой Амурской Компании о сопровождении до Николаевка казенного груза. Из письма также следует, что после сплава М. Бестужев собирался побывать в Америке для заказа на постройку пароходов и прочих коммерческих операций. Отметим, что данная поездка не осуществилась, но слухи о ней были широко распространены в декабристской среде.

Остановившись в Чите у жившего там декабриста Д. И. Завалишина, Михаил Александрович заболел, о чём он сообщает в письме М. С. Корсакову, бывшему тогда военным губернатором Забайкальской области: «Милостивый государь, Михаил Семенович!

Болезнь моя, удерживает меня более месяца в стенах комнаты, лишив меня удовольствия видеть Вас... обращаюсь к Вам письменно: компания Сибирских купцов Серебрянникова и Зимина приняли на себя обязанность доставки казенных тяжестей от Шилки до Николаевского укрепления на устье Амура, сделали мне предложение... совершить перевозку грузов... под личным моим надзором... Кроме этого – по обстоятельствам войти в торговые отношения с иностранными державами... Постигая высокие и благородные виды Его Высочайшего повеления Николая Николаевича [генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский – Т. К.], который как истинный патриот славою приобретения для России свободного плавания по Амуру имеет свои виды дальше и хочет вдохнуть новую жизнь в эти места, и я не долго колебался дать полное мое согласие, чтоб лично содействовать этому, по мере моих средств... не ограничиваясь предметами торговли с прибрежными жителями Амура и иностранцами на мануфактурные товары России и на свежие произведения здешнего края – Иркутская компания, чтоб действовать более независимым образом и имеет намерения приобрести покупкою в Америке, сперва речной пароход, а потом – смотря по успехам торговли, и морской, для отправки товаров от себя – и не через посредников иностранцев. Исполнение этой цели, они тоже поручают мне. И я предварительно дал своё согласие...» [1, л. 47, 47 об.].

Исходя из документа, становится понятными причины, побудившие М. А. Бестужева, к тому времени человека не молодого, имевшего маленьких детей, согласиться на столь рискованное путешествие. В числе основных – уважение и восхищение политикой присоединения и хозяйственного освоения Амура, и стремление «подышать свежим воздухом» – по его собственному выражению. Отметим,

что декабристы к тому времени уже получили официальное «прощение» от императора Александра II, но не очень в него верили, и поэтому в этом письме М. Бестужев уточняет у Корсакова, может ли он действительно свободно ехать туда, куда считает нужным. Кроме того, поездка должна была поправить довольно затруднительное положение большой семьи Бестужевых. Амурская Компания, пригласившая Бестужева на службу, исходила из вполне понятных соображений: во-первых, он был опытным моряком, служившим когда-то на флоте; во-вторых, практик-хозяйственник, имевший блестящую репутацию; в-третьих, безупречно честный и авторитетный человек.

Сплав по Амуру не оправдал возлагаемые на неё надежды; более того он стал для Бестужева источником новых материальных затруднений – обещанное жалование в несколько тысяч рублей ему так и не было выплачено. «Я не могу преодолеть отвращение к службе в нашем коммерческом мире, зависимости от золотых мешков, основанных на плутовстве и надувательстве», – напишет он позже с горечью Семёновскому [2, с. 438].

Наиболее полное отражение плавание М. А. Бестужева по Амуру, его жизнь в Николаевске, где он провел осень и зиму 1857–1858 гг., представлено в «Дневнике», который он вёл во время своего очень сложного путешествия, рискуя здоровьем и жизнью, а также в 15 путевых письмах, которые хранятся в архиве Бестужевых. Письма опубликованы в альманахе «Забайкалье» в 1952 г. замечательным декабристоведом М. К. Азадовским. Письмо, найденное в фонде Забайкальского областного правления, не вошло в эту публикацию, но оно, бесспорно, является документальным памятником, дополняющим сведения о забайкальском периоде жизни декабриста М. А. Бестужева и об эпохе освоения Амура.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 229.
2. Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 903 с.
3. Чуковская Л. К. Декабристы – исследователи Сибири. М.: Географиз, 1951. 136 с.

Сведения об авторе

Константинова Т. А. – кандидат исторических наук, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Документы Г. Ц. Цыбикова в Государственном архиве Забайкальского края

Татьяна Андреевна Константинова

Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия

Статья посвящена анализу архивных документов Государственного архива Забайкальского края, раскрывающих биографию и деятельность ученого, путешественника, педагога и просветителя Гомбожаба Цыбикова. В том числе представлены документы из фонда Читинской мужской гимназии, где будущий учёный первоначально обучался. Введение в научный оборот документов позволяет полнее и во многом по-новому оценить вклад Г. Ц. Цыбикова в науку и просвещение, а вместе с тем подтвердить его великую преданность Отечеству.

Ключевые слова: Гомбожаб Цыбиков, архивные документы, Читинская мужская гимназия, Государственный архив Забайкальского края

В Госархиве Забайкальского края (ГАЗК) хранится личный фонд учёного, путешественника, педагога Гомбожаба Цыбикова. Документы были переданы на хранение вдовой ученого Лхамой Норбоевной. Всего было передано 65 единиц хранения. В их составе такой документ как паспорт. Он выдан правлением Восточного Института в г. Владивостоке в 1907 г. В нём представлены штампы о поездках в 1907–1920 гг. в Маньчжурию, в Харбин. Не все штампы четкие, и поэтому сложно точно определить даты и количество поездок.

В паспорте обозначена дата рождения – 20 апреля 1872 г., тогда как в документе советского периода – «Трудовом списке» Г. Ц. Цыбикова указан 1873 г. [8]. Сам Г. Цыбиков в официальных документах сообщал обе даты: по-бурятски – с года зачатия и по-русски – со дня рождения. В «Трудовом списке» указана основная профессия – преподаватель: «в Восточном институте во Владивостоке с 1902–1917 гг., в Бурятии преподавал с 1923–1928 гг., с 1928 г. – в Иркутске». В этом документе подчеркнута строка – беспартийный – и дополнено «всю жизнь» [7]. В числе других личных документов – «вклад. книжка» за 1916–1918 гг. и расчётная книжка, выданная профессору ИГУ 14 января 1930 г.; вместе с тем в ней отмечено получение заплаты в пределах 300 руб. с ноября 1929 г. до июня 1930 г. [6].

Большой интерес представляют такие документы как заявления, удостоверения, письма, отзывы, справки, хранящиеся в двух делах за номерами 51–52. Особенно примечательно письмо выдающегося учёного и путешественника Семенова-Тянь-Шанского, в котором он от имени Совета Императорского Русского Географического Общества благодарит Г. Цыбикова «...за блестящие результаты путешествия в Лхасу». Автограф ученого заверяет

документ [9, л. 3]. Также бережно хранится в документах профессора Цыбикова письмо ученика 2-го класса Агинского начального училища Л. Намдокова с просьбой прислать ему «Лам-рим чэн-по» в монгольском и русском переводе Г. Цыбикова [Там же, л. 7, 7 об.]. Профессор из Петрограда Н. Д. Миронов в ноябре 1919 г., ссылаясь на мнения учёных Рудакова, Владимирцева, Барадийна, Жамцарано, приглашал Цыбикова преподавать монгольский и тибетский языки на Восточном отделении Петербургского университета.

Не может оставить равнодушным заявление Цыбикова, направленное в конференцию Восточного института, с предложением оставить на кафедре монгольской словесности студента Б. И. Панкратова «для приготовления к профессорскому знанию... я полагаю, что это будет громадным приобретением для востоковедения вообще, а для монголоведения в частности» [10, л. 1–3]. Профессор Цыбиков даёт студенту Панкратову развернутую характеристику, в которой отражена его научная, исследовательская, практическая деятельность в качестве переводчика, автора словарей и др. за 1911–1916 гг. [Там же].

Составной частью этой группы документов являются четыре дела: похвальная книга – Евангелие от Матфея, Луки и Иоанна с дарственной надписью от 1885 г. директора и преподавателей Читинской мужской гимназии, два дневника за третий и восьмой классы гимназии и рукописный гимназический журнал. Каждый из перечисленных документов, кроме прямой информации несет опосредованную информацию и энергетику будущего ученого и путешественника. На мой взгляд, к этой группе документов надо отнести и личное дело – об определении в гимназию Цыбикова, являющегося сыном Гонбо Жап Монкуева. Дело датировано

ется 1884–1893 гг., в нём 88 листов, отличной сохранности.

Первоначальные попытки найти личное дело гимназиста были безрезультатными, и только предположение, что педагоги записали мальчика сначала на фамилию отца, дали положительный результат. С третьего листа в документах значится Гомбочжаб Цибилов. Так записывались его имя и фамилия. В деле наиболее интересными являются личные документы – Свидетельство ученика 5-го класса Цибилова Гонбо Жап (ещё один из вариантов записи его имени!), многочисленные прошения и заявления отца и сына, аттестат зрелости с фотографией мальчика накануне поступления в гимназию, кондуитный список гимназиста, прошение родоначальника Агинской степной Думы направить стипендиата генерал-адъютанта барона А. Н. Корфа учиться не в Сибирский университет, а в Санкт-Петербургский на восточный факультет [2].

Есть прошение от его отца Цибила Монтуева с просьбой «...уволить от занятий сына моего... по домашним обстоятельствам». Прошение датируется 25 августа 1889 г. Три дня спустя, Цибилов Монтуев в новом прошении отзовёт свою просьбу. Он напишет: «...уступая просьбам и сильнейшему желанию продолжить обучение в гимназии, имею честь покорнейше просить Ваше Высочество о принятии снова его в гимназию и в число пансионеров» [2, л. 41].

В личном фонде представлено 26 дел, в которых собраны рукописи научных статей, дневники, которые вёл учёный во время путешествий, словари и подготовительный материал к ним, записи о монгольском языке, ламаизме, культах и многом другом. Эти документы позволяют понять, как происходил творческий процесс подготовки научных трудов, учебных пособий. Эти документы особенно интересны востоковедам и тем, кто изучает восточные языки. В числе документов есть разработанные Цибиловым учебные программы, планы, положение об учёном комитете БМАССР, первое издание книги Цибилова «Лам-рим чэн-по», пособие Цибилова по практическому изучению монгольского языка и многое другое.

Часть личного фонда – 11 книг из библиотеки Цибилова. Наиболее интересными являются «Записки о монгольских кочевьях», перевод с китайского П. С. Попова, генерального консула в Пекине, члена-корреспондента Императорской Академии наук, изданная в Санкт-Петербурге в 1895 г. К числу редких книг можно отнести книгу Н. Мацокина «Материнская филиация у тибетцев, монголах, мяоцзы, лоло и тан» (Владивосток, 1911), книгу В. Ла-

уфера «Очерк монгольской литературы» (Ленинград, 1927). Также заслуживают пристального внимания 10 книг с автографами представителей русской школы востоковедения:

Владимирцев Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (Л., 1926);

Владимирцев Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокттайджи (Л., 1927);

Владимирцев Б. Я., Самойлович А. Турецкий народец – хотоны [Посвящается Г. Н. Потанину] (Петроград, 1916);

Руднев А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903–1904 гг. (СПб., 1905);

Руднев А. Новые данные по живой манджурской речи и шаманству (с двумя рисунками в тексте) (СПб., 1912);

Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики (Владивосток, 1915);

Санжеев Г. Песнопения аларских бурят (Ленинград, 1929);

Бобрин П. А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта (Владивосток, 1915);

Логиновский Д. Г. О быте казаков Восточного Забайкалья (Хабаровск, 1903).

Кропотливую исследовательскую работу повлекла за собой находка фотографии Цибилова в фонде Забайкальского областного правления, в общераспорядительной документации. Сомнения вызвали факты, изложенные в документах этого дела, – не точные сведения об образовании, дата рождения и другие детали. Привлечение специалистов-почерковедов и специалистов в области физиономистики позволили определить, что на фотографии действительно Г. Цибилов, который в 1910 г. был в Забайкалье и собирался в экспедицию. Автор статьи выдвинута версия о путешествии не только с научной целью. Эту версию косвенно подтверждают разрозненная информация о разведывательности Цибилова, которой он занимался, согласно поручениям спецслужб, как и многие другие русские путешественники [1]. Возможно, это новая, совершенно неизвестная страница из жизни учёного.

Недостаточно известным, с позиции изучения архивных документов, является и период деятельности Цибилова в 1920–1930 гг. В фонде Р-16 Министерства по национальным делам ДВР хранятся протоколы от 22.07.1921 г. и 23.08.1921 г. межведомственных совещаний по национальным делам, удостоверение на имя Цибилова: «...уполномочившее его от имени Мин. национальных дел организовать переселение из Монголии в пределы ДВР бурято-монгол» [3, л. 10; 4, л. 26]. В протоколах зафиксированы выступления Г. Цибилова, ко-

торый горячо отстаивал интересы бурят, защищал их от грабительских реквизиций в пользу армии ДВР, пояснял, что во избежание земельных конфликтов «...буряты идут на свои старые земли Агинского аймака, откуда они не выселялись, т. к. 27 декабря 1917 г. объединились в самоуправление Российских кочевых бурят первого участка Монголии, чтобы избавиться от белогвардейцев, пытавшихся мобилизовать бурят».

К числу особых документов о судьбе выдающегося учёного и просветителя бурятского народа следует отнести фрагмент газеты «Агинская правда», использованный в то время в качестве писчей бумаги и поэтому сохранённый и включённый в архив. В газете за 27 октября 1936 г. опубликована информация под общим заголовком «Надо до конца ликвидировать остатки врагов народа». Текст начинается со следующих строк: «Агинск. В колхозе «Ворошилова» Урдо-Агинского сомона орудует сын крупного кулака, буржуазного идеолога и националиста Цыбикова Гомбожаба, Гонбожапов Дондоб Ринчин, женившийся на дочери разоблаченного врага народа Лыксык Жабе» [5]. К тому времени прошло уже шесть лет со

дня смерти учёного, но трагическая участь постигала близких ему людей. Отметим, что в последние годы происходит переосмысление событий, которое заставляет задуматься – так ли естественна была ранняя смерть Г. Ц. Цыбикова, последовавшая в возрасте 57 лет? И не было ли здесь злого умысла тех, кто затем преследовал и его родственников?

Нами предпринята попытка объединить сведения о Г. Ц. Цыбикове, отражённых в документах разных фондов ГАЗК. Дальнейшее углублённое изучение и выявление документальных памятников, связанных с биографией знаменитого учёного и путешественника, будет продолжено. Документы ГАЗК позволяют полнее и во многом по-новому оценить вклад Г. Ц. Цыбикова в науку и просвещение, а вместе с тем подтверждают его великую преданность Отечеству.

На основе архивных документов творческой группой «Московский тракт» Читинского телевидения с участием автора этой статьи создан фильм «Цыбиков», удостоенный диплома Российской национальной телевизионной премии «Тэффи-2007» в номинации «Документальный фильм».

Список источников

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 6601.
2. ГАЗК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 294.
3. ГАЗК. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАЗК. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАЗК. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 314.
6. ГАЗК. Ф. Р-1683. Оп. 1. Д. 37.
7. ГАЗК. Ф. Р-1683. Оп. 1. Д. 44.
8. ГАЗК. Ф. Р-1683. Оп. 1. Д. 45.
9. ГАЗК. Ф. Р-1683. Оп. 1. Д. 51.
10. ГАЗК. Ф. Р-1683. Оп. 1. Д. 52.

Сведения об авторе

Константинова Т. А. – кандидат исторических наук, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

УДК 902 + 930.25

Содружество наук: архивистика и археология

**Татьяна Андреевна Константинова¹,
Михаил Васильевич Константинов²**

¹Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия

²Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

²mk-rus@mail.ru

В Госархиве Забайкальского края (ГАЗК) выявлены документы, раскрывающие важные страницы истории археологических исследований в Забайкалье. Они свидетельствуют о раскопках академиком Миллером плиточных могил на Шилке в 1735 г., освещают историю открытия Чингисова камня в Приаргунье в начале XIX в., дополняют

сведения о научной деятельности и биографии видного русского учёного И. С. Полякова, сообщают новые факты из сибирской поры жизни П. А. Кропоткина.

Ключевые слова: архивные документы, археологические исследования, Забайкалье, академик Миллер, плиточные погребения, горные инженеры, Чингисов камень, родословная И. С. Полякова и его дружба с П. А. Кропоткиным

В результате многолетних целенаправленных поисков в объёмных фондах Госархива Забайкальского края (ГАЗК) выявлены документы, раскрывающие важные страницы истории археологических исследований, представленных сведениями об учёных XVIII–XIX вв. и открытых ими памятниками древности.

В официальном письме Г. Ф. Миллера, адресованном Нерчинскому воеводе Г. Ф. Деревнину, сообщается, что на Шилке, близ деревни Городище планируется «ради изъяснения древней истории и ради исследований, какие в прежние годы в Нерчинском уезде народы жили, так же и ради собрания в Императорскую Кунсткамеру древних любопытных вещей» провести раскопки древних погребений [1, л. 118–119]. От воеводы требуется оказать содействие руководителю раскопок А. Головину и направить на работы «шесть человек служилых людей» и «на каждой день по десяти человек мочных людей с киркой и с железными и деревянными лопатами». Требование сопровождалось формулой: всё указанное «учинить по Ея Императорского Величества Указу», свидетельствующее об уровне полномочий Г. Ф. Миллера. Письмо (а точнее промемория) написано на русском языке (вероятно, одним из его помощников) и подписано самим учёным полным именем по-латыни. Воевода незамедлительно и точно выполнил предписание. Раскопки состоялись в июле 1735 г. Раскрыто 15 погребений. Г. Ф. Миллер изложил результаты исследований в ряде статей, в дальнейшем включённых в его монументальную «Историю Сибири» [16]. Он определил, что изученные погребения представляют собой каменные четырёхугольные ограды ограды высотой в рост человека, продолговатые с востока на запад. Учёный отличал эти погребения от курганов с насыпями из земли и камня. Все раскопанные погребения оказались без останков людей и каких-либо вещей, что затруднило более углублённый анализ. Миллер объяснил этот факт обрядом трупосожжения. Он отнёс эти погребения ко времени Чингисхана и его ближних последователей. Данные научные раскопки стали первыми в Забайкалье и одними из первых в России [9]. Ныне раскопанные под его началом погребения называются плиточными могилами и относятся к позднему бронзовому – раннему железному веку [6; 19].

Горное дело, организованное в Забайкалье на промышленном уровне с Петровских времён, позволило успешно добывать серебро, ранее получаемое только из-за рубежа. Поиски новых месторождений в Приаргунье проводилось инженерами, закончившими горную школу в Петербурге и обладавшими не только специальными знаниями, но и культурным кругозором. В 1802 г. начальник Нерчинского горного округа (НГО) Г. Черницкий (так в документе, по другим данным – Черницин) доставил в Нерчинский завод Чингисов камень. Такое название получила стела с выбитым текстом на старомонгольском языке, в котором ламами читалось имя Чингисхана. Камень разместили в библиотеке минералогического кабинета при горнозаводской школе, преобразованном в 1823 г. в горное училище [11; 12; 17]. История открытия Чингисова камня отражена в документах фонда «Нерчинское горное правление» [2]; они сформированы в «Дело о требовании Его Императорского Величества редкостей, заслуживающих уважения по своей древности, и о воспреещении разрушать из таковых если есть где-либо здания и доставлении карты Нерчинского округа в 3 экземплярах. С 1824 года по 1845 год» [3, л. 986–1090]. Новый руководитель НГО С. П. Татаринов поручил инженеру А. Таскину определить точное место первоначального расположения камня. Подключив к делу шихмейстера Мыльников, он установил, что «памятник этот найден был не в Кондуйских развалинах, а в 17 верстах от Кличкинского рудника на левой стороне речки Хоркиры, впадающей в Урулюнгу». Изложено предположение, что Камень был установлен «на высокой круглой возвышенности (наподобие кургана), имеющего в диаметре 7,5 сажень, по окружности которого в некотором определённом порядке располагались небольшие, круглые гранитные плиты». Неподалёку от этого места, при впадении Хоркиры в Урулюнгу, находятся развалины городка [Там же, л. 1079–1084]. Ныне этот городок определяется как Хирхириновское городище. С. П. Татаринов подключил А. В. Попова, выпускника Казанского университета, к переводу надписи на русский язык. Из перевода следовало, что Камень был установлен князем Исунке, внучатым племянником Чингисхана. В 1832 г. Чингисов камень вместе с обозом серебра был доставлен в Петербург. В настоящее

время находится в Эрмитаже, в зале, посвящённом средневековой Монголии [8; 14].

В историю науки вошло имя И. С. Полякова. Он известен как зоолог, составивший систематическое описание лошади Пржевальского, как путешественник, изучавший природу и этносы от Дона до Сахалина, и как автор первых двух книг по первобытной истории России. В 1979 г. отмечалось столетие открытия И. С. Поляковым стоянки с костями мамонта и каменными орудиями у с. Костёнки под Воронежом, что позволило составить первые представления о палеолите восточной Европы. Широкой общественности И. С. Поляков представлял свои очерки о природе и обществе, примечательные по красоте изложения в сочетании с научной точностью, в альбомах «Живописная Россия». Его по праву можно считать забайкальским Ломоносовым. При жизни его признавали и ценили. Он прожил яркую, но короткую жизнь. Его достойно похоронили в 1887 г. в Петербурге на кладбище Васильевского острова, но в дальнейших поколениях забыли. Было известно, что Иван Поляков родом из Забайкалья. Изучение метрических книг позволило доподлинно установить его происхождение [4, л. 17, 18]. Иоанн Поляков (в дальнейшем – Иван) родился в семье бедного русского казака Семёна Григорьевича Полякова и его супруги, крещённой бурятки Зеновьи Ивановны Поляковой. Дата рождения 12 июня 1845 г., тогда как в публикациях фигурирует не только этот год, но и два последующих. Место рождения – с. Цурухайту (или Цурухайтуевская слобода) Нерчинского округа Иркутской губернии. В 1895 г. Николаевская церковь в с. Цурухайту сгорела, а спасённые метрические книги перенесли в церковь с. Новый Цурухайтуй (или станица Новоцурухайтуевская) [5]; селения расположены в 27 верстах друг от друга. Отсюда и возникла ошибка в определении места рождения Ивана Полякова, отражённая в краеведческих изданиях [18, с. 20]. По-современному метрическая запись выглядела бы так: 24 июня 1845 г., с. Староцурухайтуй, Приаргунский район, Забайкальский край (до 2008 г. – Читинская область). Как проявившего интерес к знаниям, Ивана Полякова в возрасте 14 лет отправили учиться в Иркутское военное училище, которое вело подготовку писарей для воинских частей. По окончании училища И. Полякова оставили учителем в том же училище, к тому же пригласили надзирателем в Иркутскую губернскую классическую гимназию. Иван Поляков стремился пополнить свои знания в общении с служащими и интеллигенцией. Его главным наставником стал молодой офицер Пётр Алексеевич Кропоткин. В первый

год сибирской службы он был связан с Читой, где по поручению и. о. военного губернатора Б. К. Кукеля составил квалифицированное описание Первой сельскохозяйственной выставки в Забайкалье, состоявшейся в 1862 г.

Рукопись этого аналитического отчёта начинающего учёного хранится в ГАЗК [13]. В 1863 г. П. А. Кропоткина перевели в Иркутск, в Главное управление Восточной Сибири (ГУВС), где его основным делом стали командировки и экспедиции, в рамках которых он выполнял служебные и научные задачи. В 1866 г. Кропоткин пригласил Полякова в Витимо-Олёкминскую экспедицию, организованную Географическим обществом. Кропоткину тогда было 23 года. Полякову во время экспедиции исполнилось 20 лет. Несмотря на полную противоположность в социальном положении (князь-Рюрикович, выпускник Пажеского корпуса и бедный казак, военный писарь) они стали на всю жизнь друзьями-товарищами и коллегами в науке. В экспедиции, преодолевший за три месяца маршрут от Бодайбо до Читы, Кропоткин занимался геологией и географией, а Поляков – ботаникой и зоологией. Их научные отчёты по результатам экспедиции отмечены высокими наградами ГО. Несомненно, что именно Кропоткин передал своему младшему другу знания и стремления к глубоким научным занятиям, которые им были реализованы в петербургские годы жизни [7; 10]. Пётр Кропоткин с восторгом сообщал о своём сподвижнике: «Мой друг Поляков, известный своим особенным даром отыскивать повсюду в Сибири каменные орудия в огромных количествах, обычно находил следы стоянок неолитического человека по берегам таких древних, давно исчезнувших озёр... «Должно быть, они жили вдоль этого берега... Давайте копать здесь». И непременно через несколько часов мы находили каменные топоры и другие орудия...» [15, с. 216]. В центре Читы на фасаде старинного здания установлены в единой композиции высокохудожественные мемориальные доски, отлитые из чугуна мастером Н. М. Полянским, посвящённые П. А. Кропоткину и И. С. Полякову – друзьям-товарищам по экспедициям и жизни.

В заключении отметим, что в общественном сознании археология предстаёт, как только что зародившаяся наука, а архивистика (или архивоведение) как служебный, бюрократический вид деятельности. На самом деле и археология и архивистика – это современные специальные исторические науки, имеющие как минимум трёхвековой пролог. Начальные сведения о научных археологических исследованиях покрыты такой завесью времени,

что приходится проводить познавательные раскопки, только не археологические, а архивные. Впрочем, наверное, не случайно и то, что у двух наук одинаковые корни и общий исторический вектор. Специальный поиск, осуществлённый в Госархиве Забайкальского края, позволил выявить документы, подтверждающие организацию академиком Г. Ф. Миллером

при поддержке нерчинского воеводы Г. Ф. Деревнина весьма ранних научных раскопок, состоявшихся в 1730-х гг., раскрыть роль горных инженеров XIX в. в поисках древностей, увенчавшихся открытием уникального Чингисова камня, и пролить свет на неизвестные факты биографии замечательных учёных – И. С. Полякова и П. А. Кропоткина.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 10. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАЗК. Ф. 31.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 861.
4. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 869.
5. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 939.
6. Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный век Забайкалья. М.: Наука, 1975. 134 с.
7. Константинов М. В. П. А. Кропоткин в Чите // Пётр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Соларт, 2005. С. 32–40.
8. Константинов М. В., Константинов А. В. Археология Забайкалья: учеб. пособие. 2-е изд. Чита: ЗабГУ, 2021. 191 с.
9. Константинов М. В., Константинова Т. А. Начало археологических исследований в Забайкалье // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. ст. Уссурийск: УГПИ, 2011. С. 48–53.
10. Константинов М. В., Константинова Т. А. Портрет учёного на фоне губернии. Или Молодые годы Ивана Полякова // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 122–133.
11. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 2010. 167 с. EDN: QMZAKL
12. Константинова Т. А. Нерчинское горное училище (1823–1920) // Нерчинские заводы на службе России. Архивный вестник № 9. Чита: Поиск, 2004. С. 70–80.
13. Константинова Т. А. Читинские рукописи и автографы Петра Кропоткина // Пётр Алексеевич Кропоткин: гуманист, учёный, революционер. Чита: ЧГПИ, 1992. С. 11–15.
14. Константинова Т. А., Мясников А. В. Чингисов камень: документальная история открытия // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. 2014: в 4 т. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 272–274. EDN: WFKRWN
15. Кропоткин П. А. Естественнаучные работы. М.: Наука, 1998. 268 с.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Изд. третье. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
17. Мясников А. В. Даурский Эрмитаж. Чита: Print – Мысль, 2006. 72 с.
18. Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита: Читинское кн. изд-во, 1954. 259 с.
19. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. 288 с.

Сведения об авторах

Константинова Т. А. – кандидат исторических наук, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия

Константинов М. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, mk-rus@mail.ru

РАЗДЕЛ 3

Актуальные вопросы отечественной истории

УДК 94 (571.1/5)

Присоединение Южной и Северо-Восточной Сибири к Русскому (Российскому) государству: особенности процесса

Галина Петровна Камнева¹,
Сергей Александрович Сотников²,
Андрей Александрович Сотников³

^{1,3}Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

²Главный информационно-вычислительный центр

Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey-sa2007@yandex.ru, ³microlabusssss@mail.ru

Неоднозначность процесса присоединения Сибири к Русскому государству влечёт за собой определённые сложности в изучении данного процесса. В ходе освоения Западной и Восточной Сибири были присоединены огромные территории с разными народами, которые относились неоднозначно к появлению русских людей на их землях. Значительные сложности встретились в освоении районов Восточной Сибири, связанные как с удаленностью земель от центра управления страной, так и близостью стран, претендующих на территорию Восточной Сибири и оказавших сопротивление процессу освоения.

Ключевые слова: присоединение Сибири к Русскому государству, расширение границ Русского государства, поход Ермака за Урал, установление северных и восточных границ Сибирского региона, экспедиции русских землепроходцев

Оказались пророческими слова известного русского учёного Михаила Васильевича Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью...». Однако, процесс «прирастания» длился несколько столетий. Вначале только новгородские смельчаки отваживались идти за Урал и приносили вести о несметных природных богатствах и суровом климате этого края.

Формирующееся Российское государство укрепляло границы, расширяло свои территории. И в этом процессе яркой и известной фигурой является атаман Ермак, имя которого стало легендарным. Причем, еще при его жизни о нём ходили самые невероятные слухи и слагались легенды, смешивались реальные факты с народным вымыслом. Однако осталось очень мало письменных источников, запечатлевших историю его происхождения и жизни, детали его сибирского похода, поэтому до настоящего времени есть много спорных вопросов, загадок.

Предельно ясно одно – пророчество М. Ломоносова сбылось, Сибирь даёт стране множество ресурсов для промышленности,

для жизнеобеспечения населения. Для того, чтобы понять роль Сибири в истории Русского, а затем Российского государства, её следует изучать, в этом заключается актуальность исследуемой темы, а также ещё двумя факторами: расширение регионального компонента в школьном курсе истории, что позволяет педагогам более подробно рассматривать вопросы, освещённые в учебниках чисто информативно, что отражено в методических пособиях к учебникам. Также в 2025 г. в августе месяца исполнилось 440 лет со дня гибели Ермака, поэтому исследователи данной темы публикуют новые работы по жизнеописанию Ермака, возможно, откроют новые тайны.

В течение XVII столетия экспедиции русских землепроходцев сыграли определяющую роль в установлении северных и восточных границ Сибирского региона. На огромных таёжных просторах, простирающихся от Уральских гор до берегов Тихого океана, сформировалась протяжённая и уязвимая линия, состоящая из немногочисленных городов, укрепленных острогов и прилегающих к ним слобод, и небольших деревень. Южная часть Сибири,

характеризующаяся степными ландшафтами, представляла собой совершенно иную геополитическую реальность. Здесь русская экспансия сдерживалась сопротивлением кочевых народов, чьи постоянные набеги представляли серьёзную угрозу для безопасности русских поселений и препятствовали их стабильному развитию.

В XVIII в. доминирующее влияние на политическую ситуацию оказывало противостояние между маньчжурским Китаем и монгольским Джунгарским ханством. Неминуемая угроза физического уничтожения заставила казахских правителей обратиться за помощью и защитой к Российской империи. В период с 1731 по 1740 гг. казахские ханства добровольно приняли российское подданство, рассчитывая на военную и политическую поддержку со стороны России.

Стремясь обеспечить безопасность присоединённых территорий и защитить новые владения, Российская империя в период с 1720-х по 1750-е гг. XVIII в. приступила к возведению укрепленных линий, которые первоначально были развернуты в западносибирских степях, а затем распространились и на североказахстанские степные пространства. Создание Верх-Иртышской, Ишимской, и Пресногорьковской укрепленных линий способствовало укреплению российского влияния в регионе.

Следовательно, в XVIII столетии были созданы необходимые политические условия для интенсификации и расширения колонизации на юге Сибири. Экономические предпосылки стимулировали хозяйственное освоение новых территорий. Военные крепости постепенно трансформировались в города. Важную роль в освоении сыграло строительство Московско-Иркутского тракта, обеспечивая транспортную связь и способствуя экономическому развитию региона.

Ведущим направлением хозяйственно-го освоения присоединённых к России южных территорий Сибири во второй половине XVIII в. стало развитие земледелия в степных районах. В результате этого процесса произошло формирование новых административно-территориальных единиц, среди которых следует выделить Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Омский, Каннский и Ачинский округа. Наряду с этим, были учреждены Алтайский и Нерчинский горнорудные округа, специализировавшиеся на добыче и переработке полезных ископаемых. Прибывавшие на новые земли крестьяне активно осваивали залежные земли, основывая новые поселения, такие как деревни и сёла, что демонстрировало успешный характер аграрной колонизации юга Сибири.

В Алтайском и Забайкальском регионах аграрная колонизация осуществлялась параллельно с развитием промышленности, что придавало процессу освоения этих территорий комплексный характер. На промышленных предприятиях данных регионов было задействовано около 12 тыс. квалифицированных рабочих и 22 тыс. приписных крестьян, выполнявших вспомогательные работы. Данный факт представлял собой значительное явление не только для Сибири, но и имел важные последствия для развития экономики и социальной структуры всей Российской империи в целом.

К началу XVIII столетия русские землепроходцы, совершив триумфальное продвижение по Сибири, достигли её северо-восточных рубежей, включая Чукотку, Корякию и Камчатку. Здесь они вступили в контакт с коренными народами, такими как чукчи, азиатские эскимосы, коряки и ительмены, чье социально-экономическое и политическое развитие соответствовало стадии каменного века и первобытнообщинного строя, находясь лишь на пороге перехода к более сложным формам социальной организации [2]. На рубеже первой четверти XVIII в. степень интеграции коренных этносов северо-восточной Сибири в состав Российского государства оставалась крайне дифференцированной. Чукчи и эскимосы сохраняли полную автономию, не признавая над собой власть российской короны. В пределах их традиционных территорий отсутствовали опорные пункты русской администрации, а взаимодействие ограничивалось преимущественно вооружёнными конфликтами. Положение с корякским населением отличалось большей сложностью. Хотя отдельные группы коряков эпизодически вносили ясачные платежи, процесс их окончательного подчинения и включения в состав подданных Российской империи далек от завершения. Характерной чертой являлась нестабильность ясачных выплат, нерегулярность взносов, незначительные объёмы и произвольный характер оценки, а существенная часть корякского населения, по всей видимости, избегала каких-либо выплат в казну. Попытки основания постоянных русских поселений на корякских землях также оказались безрезультатными. Наиболее успешным, благодаря строительству укрепленных пунктов с постоянными воинскими гарнизонами и административными структурами на Камчатке, представлялся процесс интеграции ительменского населения. Однако, и среди ительменов сохранялись группы, не признававшие власть русского царя и причислявшиеся к «немирным иноземцам» [3, с. 21].

На начальном этапе XVIII столетия, демографический ландшафт и картина расселения коренных народов, населявших крайний северо-восток Сибири, выглядели следующим образом. Этническая группа чукчей: кочевые племена оленеводов и оседлые общины зверобоев и рыболовов. Оленеводы контролировали Чукотский полуостров, морские зверобои и рыболовы – между нижним течением рек Колымы и Алазеи. Соседями чукчей являлись азиатские эскимосы от Анадырского залива до мыса Шелагского. Экономика эскимосов базировалась на использовании морских ресурсов. Важно отметить, что в период XVII–XVIII вв. русские поселенцы не видели чёткой этнической разницы между эскимосами и чукчами, обобщенно именуя обе группы «чукчами». По приблизительным подсчётам, совокупная численность чукотско-эскимосского населения в рассматриваемый период составляла около 8–10 тыс. чел., включая мужчин и женщин. Численность корякского населения на рубеже XVII–XVIII вв. оценивается приблизительно в диапазоне от 7 до 13 тыс. чел., а к 1760-м г. сократилась до примерно 5 тыс. чел. Численность ительменов к началу XVIII в. составляла приблизительно 13 тыс. чел., в период с 1730 по 1740 гг. сократилась до 8–9 тыс., а к 1760-м гг. – до 6 тыс. чел.

С конца 1720-х гг. российское правительство предприняло шаги по усилению своего влияния в отдалённом северо-восточном регионе Сибири, стремясь установить контроль над проживающими там народами и расши-

рить границы подконтрольных территорий. Мотивацией для этой политики послужило стремление молодой империи укрепить свои позиции в северной части Тихого океана и извлечь максимальную выгоду из этих владений. В частности, планировалось увеличить доходы государственной казны за счёт налаживания торговых связей с Японией, Китаем и испанскими колониями в Новом Свете, организации добычи ценных ресурсов, таких как полезные ископаемые и пушнина, а также установления господства на морских коммуникациях. Для реализации этих масштабных планов требовалось обеспечить стабильность и лояльность местного населения. С этой целью в 1727 году была организована специальная военная экспедиция, известная как Анадырская партия [1, с. 18–39].

Присоединение Сибири к России изменило коренным образом судьбу народов, населявших данную территорию. Не однозначной остается трактовка данного процесса, представленная в трудах летописцев и в последующих исследованиях историков. Определённый вклад в понимание процесса присоединения Сибири внёс многотомный труд авторского коллектива «История Сибири», в котором был подтверждён тезис о преимущественно мирном характере вхождения Сибири в состав России, о безусловном прогрессивном влиянии русского населения на развитие жизни коренного населения, что способствовало экономическому, социальному и культурному развитию этой территории.

Список литературы

1. Зуев А. С. Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. С. 18–39.
2. Окладников А. П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. 223 с.
3. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / сост. И. В. Щеглов; под ред. чл. Отд. В. И. Вагина. Иркутск: [б. и.], 1883. 779 с.

Сведения об авторах

Камнева Г. П. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия, kamnevagp@gmail.com

Сотников С. А. – кандидат исторических наук, доцент, начальник управления, Главный информационно-вычислительный центр, Министерство культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия, sergey-sa2007@yandex.ru

Сотников А. А. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия, microlabusssss@mail.ru

УДК 373.167.1: 94(47+57) + 94(47+57) (075.3)

Освещение дальневосточной политики России в учебниках для средней школы

Алексей Николаевич Гребенкин*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия
angrebyonkin@mail.ru*

В современной линейке учебников по истории России для средней школы под редакцией В. Р. Мединского освещение дальневосточной политики России осуществлено в контексте реализации внешнеполитических задач, стоявших перед Российским государством на различных этапах его истории, а также сопоставления с колониционными процессами, инициированными западными державами. Настоящая работа направлена на выявление достоинств и недочётов данного подхода.

Ключевые слова: история России, учебники, средняя школа, В. Р. Мединский, А. В. Торкунов, дальневосточная политика

Адекватная оценка геополитического положения современной России и всесторонний прогноз его изменения в обозримом будущем невозможны без обращения к истории внешней политики Российского государства. Это в полной мере относится к дальневосточной политике России, которая в настоящее время обретает ещё большую значимость ввиду резкого ухудшения отношений с Западом. Ввиду данного обстоятельства рассмотрению процесса продвижения России на Восток, основных этапов её взаимоотношений с Китаем и Японией в школьном курсе отечественной истории следует уделить пристальное внимание. В настоящей работе дана характеристика освещения дальневосточной политики России в линейке учебников для средней школы, подготовленных В. Р. Мединским и А. В. Торкуновым.

В учебнике истории России XVI–XVII вв. для 7-го класса под редакцией доктора исторических наук В. Р. Мединского (авторы – В. Р. Мединский, А. В. Торкунов, издательство «Просвещение», 2025 год) освоение Приамурья и Камчатки рассмотрено в параграфе 44 «Встречь солнцу»: освоение Сибири и Дальнего Востока» [1, с. 219–225]. Авторы дают подробное описание только экспедиции С. Дежнева. Деятельности Е. Хабарова посвящен лишь небольшой абзац, а В. Пояркова и В. Атласова – в совокупности четыре строки (к сожалению, не приведены даже даты экспедиций Атласова). На наш взгляд, описанию экспедиций Хабарова, Пояркова и Атласова можно было бы уделить гораздо большее внимание.

Последствия присоединения охарактеризованы исключительно в положительном ключе, деятельность землепроходцев резко противопоставлена зверствам европейских колонизаторов в Америке, Азии и Африке. Отмечено, что Хабаров, Поярков и Атласов, как и другие

первооткрыватели новых земель, вопреки их донесениям, руководствовались не только экономическими соображениями и мотивами личной корысти. Поскольку, как пишут авторы учебника, «первопроходцам не были чужды ни любознательность, ни гордость за содеянное», они вносили большой вклад в наше государственное строительство, их экспедиции содействовали приращению географических и этнографических знаний. Руководители экспедиций интуитивно сознавали свой вклад в развитие российской цивилизации, в обогащение жизни коренных народов, населявших дальневосточный регион, за счёт усвоения технических новшеств, которые приносили с собой землепроходцы. В. Р. Мединский и А. В. Торкунов акцентируют внимание на стремлении российского правительства к установлению мирных отношений в регионе, к формированию системы взаимовыгодных связей с другими странами, в частности, Китаем. Так, Нерчинский договор не только положил конец военным действиям, но и «стал важной вехой в становлении дипломатических и торговых отношений между Россией и Китаем» [Там же, с. 222].

Безусловно, русские землепроходцы относились к местному населению гораздо гуманнее, чем те, кто подчинял цивилизации Мesoамерики или продвигался в глубь африканского континента. Однако их не следовало бы их идеализировать. Это были люди своего времени, отважные, готовые идти на риск, способные вести за собой других, но жёсткие и в чем-то даже жестокие. Они не останавливались перед применением силы, если считали это оправданным. Это следовало бы показать в параграфе хотя бы несколькими штрихами.

В учебнике истории России XVIII – начале XIX вв. для 8-го класса тех же авторов, изданном в том же 2025 г., дальневосточная политика

России показана в параграфе 25–26 «Кто и как присоединялся к России» [2, с. 159–168]. Авторы констатируют, что деятельность воевод заключалась главным образом в сборе ясака, во внутреннюю жизнь коренных народов они не вмешивались. Отмечен лишь один факт культурной политики: «В 1741 г. иркутский вице-губернатор Л. Ланг (из числа пленных шведов, перешедших на русскую службу) утвердил для забайкальских бурят «штат» из 150 буддийских лам, которых предписал привести к присяге» [Там же, с. 163]. Большой интерес представляет рассмотренная в этом же параграфе колонизация Россией Аляски и прилегавшей к ней земель, являвшаяся неотъемлемым компонентом нашей дальневосточной политики. Авторы приводят подробное описание освоения территории так называемой «Русской Америки», а также экономической, научной и культурной деятельности России в этом регионе. На наш взгляд, было бы желательно более четко показать статус Российско-американской компании, так как из текста параграфа не вполне понятно соотношение государственного и частного компонентов в процессе формирования Русской Америки.

Учебник истории России 1825–1914 гг. для 9-го класса даёт описание дальневосточной политики России в параграфе 17 «Внешняя политика Александра II. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» [3, с. 149–159]. Показан такой малоизвестный факт, как создание новых казачьих войск (Забайкальского и Амурского) в целях охраны владений России в Приамурье. Дальнейшее продвижение России в Приморье (как и политика в Средней Азии) рассмотрено в контексте сложных взаимоотношений с европейскими государствами, также преследовавшими свои интересы в регионе. Однако характеристика условий Симодского и Петербургского договоров с Японией не учитывает того, что южная группа Курильских островов, в соответствии с первым из них, не принадлежала России и, соответственно, не передавалась Японии согласно условиям второго. Между тем вопрос о Южных Курилах (а для Японии – так называемых северных территориях) и сейчас является препятствием для нормализации отношений между двумя государствами.

В этом же параграфе рассмотрен вопрос о продаже Аляски США. Совершенно верно отметив, что Россия не имела возможности удержать Аляску в своих руках, авторы, тем не менее, приходят к следующему выводу: «В исторической ретроспективе очевидно, что отказ от Аляски и протектората над Гавайскими островами, как и уступка Японии Курильских островов... стали большой ошибкой» [Там же,

с. 155]. Безусловно, указанные в параграфе сведения о том, что впоследствии на Аляске были открыты богатейшие запасы золота и нефти, заставляют нас сегодня сожалеть о сделке, навязывание которой США в свое время было сопряжено с существенными усилиями и значительными материальными тратами. Однако в учебнике не сказано о том, что и тогда, и сейчас задача полноценного освоения Дальнего Востока остается нерешенной, и сохранение контроля над Аляской в этих условиях представляется маловероятным.

Политика России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. нашла отражение в параграфе того же учебника «Внешняя политика Николая II. Русско-японская война 1904–1905 гг.» [3, с. 312–319]. Предыстория конфликта с Японией показана в контексте закрепления России в дальневосточном регионе в целом и северо-восточном Китае в частности, однако ряд важных сюжетов опущен. Так, не упомянуто об участии России в подавлении «восстания боксеров» и о «безобразовской аванюре», о более чем легкомысленном отношении к будущей войне военного министра А. Н. Куропаткина. Вместе с тем гораздо более важным является то, что русско-японская война рассмотрена как важный эпизод противостояния России и Запада; Япония фактически являлась орудием в руках Великобритании и США, что и показывают В. Р. Мединский и А. В. Торкунов. Описание боевых действий дано сжато, однако ни один существенный факт не ускользнул из поля зрения. При описании условий Портсмутского мира можно было бы отметить, что С. Ю. Витте удалось отклонить большую часть притязаний японцев, включая значительную контрибуцию, и тогда фраза «в России многие обвиняли Витте в слишком больших уступках японцам и с иронией называли «графом Полусахалинским» [Там же, с. 317] будет восприниматься совершенно иначе.

Дальневосточная политика России в 1914–1945 гг. рассмотрена в учебнике В. Р. Мединского и А. В. Торкунова для 10-го класса. Участие Японии в интервенции в годы Гражданской войны показано несколькими штрихами, однако они дают возможность понять методы их деятельности (например, авторы указывают, что японцы, как и американцы, занимались расстрелами красных партизан). Не совсем ясны обстоятельства создания Дальневосточной республики (вернее, не указана роль меньшевиков и эсеров в ее формировании).

Для понимания расстановки сил на Дальнем Востоке в конце 1920-х – 1930-е гг. очень важен раздел 4 параграфа 27 «СССР и мировое сообщество в 1929–1939 гг.» [3, с. 280–

281]. Показаны причины разрыва СССР с Гоминьданом, дано краткое описание конфликта на КВЖД, приведены данные об участии советских военных специалистов в защите Китая от вторжения японцев, дана характеристика непосредственных столкновений частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), с японскими войсками у оз. Хасана и у р. Халхин-Гол.

Советско-японская война рассмотрена в параграфе 39–40 «Окончание Второй мировой войны. Итоги и уроки». Авторы осветили причины, побудившие СССР денонсировать договор о ненападении 1941 г., привели подробное описание боевых действий. Повествование бы много выиграло, если бы было указано, что сопротивление Квантунской армии, с которой США готовились воевать как минимум до 1947 г., было сломлено частями РККА всего за три недели.

Наконец, политика СССР на Дальнем Востоке в послевоенный период, а также политика Российской Федерации в этом регионе рассмотрены в учебнике для 11-го класса. Авторы касаются вопроса о восстановлении позиций Советского Союза в Маньчжурии, которые были утрачены Российской империей в 1905 г. Рассмотрено участие СССР в конфликте между Коммунистической партией Китая (КПК) и Гоминьданом, который завершился созданием Китайской Народной Республики (КНР), дано подробное описание участия советских летчиков в войне в Корее в 1950–1953 гг. Для понимания современного положения взаимоотношений между Россией и Японией важно указание на то, что на конференции в Сан-Франциско, которая была проведена в 1951 г. по поводу разработки условий мирного договора с Японией, было сделано все для того, чтобы воспрепятствовать установлению конструктивных отношений между СССР и Японией: «...в составленном под диктовку американцев тексте договора отказ Японии от Курильских островов не сопровождался указанием на то, в пользу

какой страны они передаются. Таким образом, создавалась юридическая «зацепка» для выдвижения в будущем территориальных претензий к Советскому Союзу» [4, с. 44]. Существенным недостатком является то, что указание на восстановление дипломатических отношений с Японией в 1956 г. не сопровождается комментарием об обещании Н. С. Хрущева передать Японии после подписания мирного договора острова Малой Курильской гряды. Это более чем спорное положение Московской декларации 1956 г. не только привело к тому, что мирный договор с Японией до сих пор не заключен, но и стало одним из препятствий на пути к полноценному освоению Курильских островов. В учебнике рассмотрены причины и последствия ухудшения отношений между СССР и Китаем в середине 1950-х гг., охарактеризовано возобновление сотрудничества после смерти Мао Цзэдуна. Исключительную важность для понимания процессов формирования многополярного мира имеет характеристика участия России в процессах азиатско-тихоокеанской интеграции в 1990-х гг. и налаживания тесного экономического сотрудничества с Китаем, которое продолжается и сегодня.

Таким образом, в линейке учебников по истории России для средней школы, подготовленных В. Р. Мединским и А. В. Торкуновым, освещение дальневосточной политики России сопряжено как с несомненными достижениями, так и с недостатками. Сильной стороной является рассмотрение взаимоотношений с Китаем и Японией не как локальных процессов, а в контексте мировой политики. В то же время неизбежное упрощение материала, адаптированного к познавательным возможностям школьников и долженствующего быть уложенным в определённое учебным планом количество часов, породило ряд недомолвок, на которые мы бы хотели обратить внимание уважаемых авторов, чьи труды вследствие нашей критики, безусловно, не утрачивают своих несомненных достоинств.

Список литературы

1. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, XVI–XVII вв.: 7-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 271 с.
2. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, XVIII–начало XIX в.: 8-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 383 с.
3. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, 1825–1914 гг.: 9-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 399 с.
4. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, 1945 год – начало XXI века: 11-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2023. 447 с.

Сведения об авторе

Гребенкин А. Н. – доктор исторических наук, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия, angrebyonkin@mail.ru

УДК 27–726.1(915.1)

Митрополит Хрисанф – первый россиянин, побывавший в Тибете и составивший его описание (к историографии вопроса)

Александр Олегович Баринов

Заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, независимый исследователь, г. Чита, Россия
ao.barinov@yandex.ru

В статье приведены данные о путешествии митрополита Хрисанфа в Лхасу в 1792 г. и о пребывании православного священника у Далай-Ламы. Записки Хрисанфа стали первым серьёзным описанием Тибета в русской литературе. Историографический обзор изучения исторических источников о жизнедеятельности и путешествиях митрополита Хрисанфа позволит расширить тибетскую тему в исторической науке.

Ключевые слова: митрополит Хрисанф, путешествия по Ближнему Востоку, Индии, Тибету, историк и библиограф Д. Ф. Кобеко

Далёкий от России Тибет, тем не менее, всегда вызывал интерес в нашей стране, а в Забайкалье особенно. Дело в том, что живущие в нашем крае буряты, ещё во времена Петра I, массово принявшие буддизм, регулярно совершали (да и в наше время совершают) паломничество в столицу Тибета Лхасу. Известно, что первым европейски образованным учёным, побывавшим в этой горной стране и его столице, был наш земляк Гомбожаб Цыбиков. Его биографическая справка для «Энциклопедии Забайкалья» была подготовлена двумя известными краеведами: историком и архивистом Т. А. Константиновой, и географом Ю. Т. Руденко [5]. Татьяна Андреевна искренне радовалась, находя в Государственном архиве Забайкальского края новые документы, связанные с судьбой Гомбожаба Цыбикова. В 2023 г., когда отмечалось 150-летие со дня рождения учёного, ею была написана биография Г. Ц. Цыбикова [3, с. 91–99]; в списке литературы приведены пять статей Татьяны Андреевны об этом исследователе, опубликованные в разное время [Там же, с. 99–100].

Вместе с тем, у нас было мало известно (или вообще не известно) о том, кто же из россиян первым не просто побывал в Тибете, но и составил для современников и потомков его описание. Таким человеком был митрополит Хрисанф: сведения о нём, его путешествии и документах, им составленных, не раз находились и вновь «терялись».

В начале 2025 г., будучи в Петербурге, впервые познакомился с изданными репринтным способом в 2022 г. 4-мя книгами, напечатанными в Санкт-Петербурге в 1886–1887 гг., «Сибирского сборника» [7]. Это было приложение к газете «Восточное обозрение», издаваемой в том же городе известным сибирским исследователем Николаем Михай-

ловичем Ядринцевым [Там же]. В разделе «Библиография» была напечатана заметка «Поездка митрополита Хрисанфа к Далай-Ламе в 1792 году». Автор не был указан, поэтому можно предположить, что её написал сам Н. М. Ядринцев. К сожалению, он не отметил, когда их издал историк и библиограф Д. Ф. Кобеко. Известно, что Дмитрий Фомич владел одной из лучших (как по величине, так и по составу) частных библиотек в России, которую он позже передал в дар Русскому историческому обществу. В 1882 г. Д. Ф. Кобеко являлся одним из учредителей Православного палестинского общества, в 1885–1888 года являлся секретарём и товарищем (заместителем) председателя Литературного фонда. Можно предположить, что в 1886–1887 гг. Д. Ф. Кобеко издал записки митрополита Хрисанфа.

Автор библиографической заметки в «Сибирском сборнике» подчеркнул, что «записка о путешествии митрополита Хрисанфа, напечатанная с предисловием г. Кобеко, не смотря на ее краткость и даже отрывочность в изложении, имеет научную ценность, так как заключает в себе интересный материал о Тибете и отчасти о русской Средней Азии» [Там же, с. 160]. Так впервые записки митрополита-путешественника были введены в научный оборот. Но в XX в. наступил период долгого замалчивания и игнорирования документа, написанного религиозным деятелем. Вновь эти уникальные документы были введены в широкий научный оборот после их публикации в 1995 г. в сборнике документов «Путешествие на Восток в эпоху Екатерины II» [6, с. 272–294].

В постсоветский период интерес к фигуре митрополита Хрисанфа, прежде всего в православной среде, неуклонно рос. Тем более, что после возвращения из своего удивительного путешествия, он в 1810–24 гг. служил

настоятелем Свято-Георгиевского монастыря в Балаклаве. Интересно, что в монастыре сохранилась часовня, поставленная на месте погребения настоятеля [6]. В 2012 г. в Крыму была издана небольшая историческая повесть Георгия Огородникова [8]. Вернувшись в научный оборот записки о путешествии митрополита Хрисанфа стали объектом научного изучения и анализа. Например, кандидат филологических наук из Казанского федерального университета Р. Ф. Бекметов в статье «Тибет в русской литературе» [1], опубликованной в 2016 г., отметил научное значение записок митрополита Хрисанфа о Тибете, подчеркнув, что они – «образец делового стиля, взвешенного, информативного, практичного, но не лишённого индивидуально эмоциональной окраски и тем напоминающего эпистолярный жанр» [Там же, с. 196].

Что же сегодня известно об этом удивительном путешественнике XVIII в.? Его биографическую справку составил крымский исследователь Игорь Мосхури. Родился Хрисанф в 1733 г. в Греции в семье венецианских дворян Контарини. В митрополиты он был «хиротисован» в Константинополе патриархом Самуилом в 1774 г. И 10 лет прожил в Новых Патрах, откуда из-за притеснений местного паши вынужден был сначала переехать в Константинополь, а затем отправился в путешествие по Ближнему Востоку, Индии, Тибету, Центральной Азии, занявшему почти 10 лет. В русскую Астрахань он пришёл 13 мая 1795 г. Россия в то время вела войну с Персией, и любая информация о той стране была важна. Поэтому митрополита вызвали в Петербург, куда он прибыл в марте 1796 г. Он представил на имя Платона Александровича Зубова свои первые «Объяснения» о путешествии, которые были последним фаворитом императрицы положены под сукно. Митрополит Хрисанф до мая 1798 г. жил в Александро-Невской лавре в

Петербурге. А затем направился в Крым, где поселился в Балаклавском Свято-Георгиевском монастыре, настоятелем которого стал в 1810 г. и оставался им до своей кончины в 1824 г. [4].

Автор заметки в «Сибирском сборнике» дополнительно сообщил, что «в 1805 г. граф Н. П. Румянцев, бывший министром коммерции и много заботившийся о расширении русской торговли в Азию, получил от Хрисанфа маршрут его путешествия и затем обратился к нему с просьбой о сообщении ответа на вопрос: можно ли из России, свободно и безопасно, проехать в Тибет? На это митрополит Хрисанф доставил «пояснение», в котором, в дополнение к первой своей записке князю Зубову, описывает свою поездку в 1792 г. из Дакки в Лхасу, пребывание у Далай-Ламы, обратный путь в Патну и сообщает краткие сведения о других посещенных им странах» [7, с. 160].

Таким образом, митрополит Хрисанф подробнее всего описал своё пребывание в столице Тибета Лхасе, встречу с Далай-Ламой, которому, по его словам, было 11 лет. Сегодня известно, что в 1792 г. правителем Тибета был действительно молодой, но уже не ребёнок, Далай-лама VIII (Джампел Гьяцо). При нём в 1791–1792 г. Тибет пережил вторжение гурхов из Непала, которое удалось отразить лишь при помощи войск, присланных из Китая, где у власти была династия Цин. После этого Тибет попал под сильное влияние Китая [8]. В Тибете преследовали католических миссионеров, но достаточно благосклонно отнеслись к православному митрополиту. Его записки о внутреннем положении горной страны стали первым серьёзным описанием Тибета в русской литературе. Далёкий от России Тибет всегда вызывал интерес в нашей стране. Имя митрополита Хрисанфа должно быть известно, а его деятельность по достоинству оценена.

Список литературы

1. Бекметов Р. Тибет в русской литературе // Филология и культура. 2016. № 2. С. 193–198. EDN: WIDEXT
2. Константинова Т. А., Руденко Ю. Т. Цыбиков Гомбочжаб Цыбекович // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 4. С – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатлуин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 279–280.
3. Константинова Т. А. 150 лет со дня рождения Г. Ц. Цыбикова (1873–1930), ученого-востоковеда, путешественника // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 2023 год. Чита: Читинская городская тип., 2023. С. 91–101.
4. Мосхури И. Митрополит Хрисанф Новопатрский. Текст: электронный // Симферопольское благочиние. Московский Патриархат. Симферопольская и Крымская епархия. URL: <https://hersones.org/publication/poleznye-materialy/8348-mitropolit-hrisanf-novopatrskiy.html> (дата обращения: 30.09.2025).
5. Огородников Г. Удивительное путешествие митрополита Хрисанфа. Севастополь: Юготехника, 2012. 36 с.
6. Путешествие по Востоку в эпоху Екатерины II: сб. / подг. А. А. Вигасин, С. Г. Карлюк (ред.). М.: Вост. лит. РАН: Школа-Пресс, 1995. 336 с.

7. Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание: приложение к «Восточному обозрению» / под ред. Н. М. Ядринцева. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. 208 с.

8. VIII Далай-лама. Текст: электронный // Большая Буддийская энциклопедия. URL: https://www.dharmata.ru/index.php/VIII_Далай-лама (дата обращения: 30.09.2025).

Сведения об авторе

Баринов А. О. – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, независимый исследователь, г. Чита, Россия, ao.barinov@yandex.ru

УДК 27-47

«Промысел божий» протоиерея Василия Махова (по дневникам священника)

Виктор Владимирович Кузнецов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
smith14101961@mail.ru

Статья повествует о «гражданском подвиге» простых россиян на примере выходца из бедных слоев населения России – священника Василия Махова, которого судьба сделала участником важных исторических событий середины XIX в. и который показав при этом мужество, патриотизм и любовь к Родине. Василий Махов, родившийся в бедной крестьянской семье в русской глубинке далеко от моря, «волею случая» стал участником малой кругосветки, в ходе которой узнал, что такое цунами, побывал в плену у англичан и стал свидетелем подписания первого российско-японского договора.

Ключевые слова: священник, протоиерей, фрегат «Диана», путешествие, цунами, Симодский договор, крещение, настоятель русской церкви, Хакодате

История Российского государства полна примеров военного героизма и гражданской самоотверженности простых людей, выходцев из различных слоёв российского общества, чья жизнь и деятельность, неприметная на первый взгляд, при внимательном к ней отношении вызывает великую гордость за наш народ. Многообразная и чрезвычайно событийная история нашей страны заставляет нас обращать внимание на яркие образы великих людей, внёсших огромный вклад в развитие Российского государства. При этом сотни и тысячи простых людей, своею жизнью и деятельностью послуживших примерами многим соотечественникам, остаются в «тени». Этой статьей мы хотим показать пример «гражданского подвига» простого россиянина, выходца из бедных слоев населения России – священника Василия Махова, волею случая, оказавшегося на гребне важных исторических событий середины XIX века и проявившего при всех постигших его «злключениях» максимум выдержки, мужества, патриотизма, преданности и любви к Родине.

В метриках Курской губернии от 31 марта 1864 г. было записано, что в селе Радубеж Фатежского уезда Курской губернии после кратковременной, но тяжёлой болезни скончался протоиерей Василий Емельянович Махов. Выходец из многодетной бедной семьи, и, по этой

причине, человек нелёгкой судьбы, ставший по её воле свидетелем важнейших событий российской истории середины XIX в. и оставивший в своих дневниках яркие воспоминания о них.

Василий Емельянович родился в семье пономаря села Бобрышово Обоянского уезда Курской губернии. Крайне бедное состояние семьи не позволяло юноше надеяться на получение какого-либо образования. Но, как пишет сам Василий, «усердие и собственное прилежание, а также «добрые люди» позволили ему в 1815 г. окончить курс философских дисциплин местной духовной семинарии и в том же году стать дьяконом в родном селе [2]. В 1823 г. после восьми лет «честной и бескорыстной службы» он «был поставлен» в чин священника села Сквородино соседнего Дмитриевского уезда. Отец Василий на службе всегда отличался «неподдельным духом благочестия» и был очень любим прихожанами [Там же]. По традиции большая многодетная семья священника жила не за счёт приходских доходов, а за счёт трудолюбия Василия и его домашних. Помимо огорода у него была и собственная пасека. Так бы и остался священник Василий Махов мало кому известен в истории Российской империи, если бы на исходе его пятидесятилетнего «кроткого и воздержанного служения» не произошёл с ним непредвиденный случай. Сначала он оставил место своего служения своему старше-

му зятю, переехав в село Куток, затем в село Радубеж, где, схоронив супругу в 1849 г. оставил место священника второму своему зятю. В 1852 г. оставшемуся за штатом служителям церкви и терпящему большую нужду Василию «преосвященным курским Илиодором было разрешено съездить в Санкт-Петербург», где в то время проходил военную службу его сын. В городе на Неве он прибыл Александро-Невскую лавру, где его направили для службы в домовую церковь обер-священника армии и флота российского государства [2, с. 5]. Начало его богослужения на новом месте совпало с подготовкой к кругосветному плаванию фрегата «Диана» [4, с. 371]. Для служения в походной церкви на фрегате требовался священник. Из служилой братии лавры желающих совершить этот рискованный шаг не нашлось. Вот и был на эту должность обер-священником русской армии и флота назначен отец Василий Махов, о чем было доложено Святейшему Синоду. Как впоследствии вспоминал сам Василий Емельянович, новая служба была ничем иным, как божьим вознаграждением его за прежнюю беззаветную службу, что очередной раз подтвердило его фразу: «боящемуся Господа, благо будет напоследок!» [2, с. 6].

4 октября 1853 г. из Кронштадта в «малое кругосветное» плавание под командованием капитан-лейтенанта С. С. Лесовского отправился российский фрегат «Диана», команде которого государем была поставлена сложнейшая задача – наладить отношения с народами восточной Азии и обеспечить условия для заключения первого договора с Японией [1, с. 534].

Парусник достаточно быстро прошёл Балтийское и Северное моря и вышел в Атлантический океан. Посетив по пути Данию и Англию, сделав краткую остановку на Канарских и Сэндвичевых островах, фрегат «Диана», обогнув мыс Горн, оказался в Тихом океане [3, с. 214]. На Василия, первый раз видевшего море, такое путешествие оказало неизгладимое впечатление. Прочувствовав шторма и штили, переболев морской болезнью, с большим любопытством проследив за диковинными обитателями океана, новоявленный обер-священник был готов выполнять любые обязанности на корабле [Там же]. И скоро ему пришлось доказать, что он отправился в длительную экспедицию не просто как путешественник. Так вскоре ему пришлось доказать всем, что он не забыл о своём духовном сани. В 1854 г. в порту Аян он провёл обряд крещения и обратил в христианство 17 аборигенов – гиляков [2, с. 6].

Тем временем другой российский фрегат «Паллада» под командованием графа Евфи-

мия Путятина после визита в июле 1853 г. в Японию с предложением подписания мирного договора и предоставления времени японскому сёгуну времени для раздумья прибыл во Владивосток. Именно здесь командор Путятин, уполномоченный Российским императором для ведения переговоров с японской стороной перенёс свой флагманский мостик со старой громоздкой «Паллады» на более современную и маневренную «Диану» [1, с. 563]. Таким образом, Василию Махову пришлось стать одним из реальных участников экспедиции в Японию. Первоначально, спутники обер-священника, как и сам Василий, не предполагали, какие проблемы подготовила для них японская природа. Уже зайдя в порт Симода, они узнали от местного населения о предстоящей трагедии под названием цунами. Огромная волна навела ужас на русских моряков. Фрегат «Диана» при этом получил серьёзные повреждения и был частично затоплен. Экипаж корабля, спасший при землетрясении сотни японцев, смог за несколько месяцев на основе обломков «Дианы» отстроить новый фрегат «Хэда» и уже на нём после подписания Симодского договора между Россией и Японией вернуться к русским берегам [Там же, с. 567]. Задача, поставленная императором, была выполнена – Симодский договор стал важнейшим в истории взаимоотношений России с восточными соседями. Можно было спокойно возвращаться домой. Однако, возвращение не было «гладким». В это время в разгаре была Крымская война, и фрегат, на котором возвращались русские моряки, был захвачен англо-французской эскадрой. Конечно, пленные моряки, оказавшиеся вдалеке от театров военных действий войны, не представляли какого-либо интереса для интервентов и через 3 дня протоиерей вместе с несколькими моряками был высажен на «пустынный берег недалеко от порта Аян» [3, с. 302]. Возвращение на Родину для Василия Махова и его спутников было столь же сложным. В России его никто не ждал. Вот и пришлось священнику со своим скорбем, но без средств добираться до Санкт-Петербурга через всю Сибирь с огромными трудностями [2, с. 7]. Длительное рискованное путешествие не могло не сказаться на здоровье протоиерея, но его самоотверженные труды и преданность родной стране не остались без внимания. В награду за «окрещение гиляков он получил скуфью», а за «примерно-усердное исполнение священнических обязанностей во время кругосветного плавания – наперсный крест». Несмотря на сложный путь домой через всю территорию России, Василию удалось доставить в столицу небольшие подарки. Великому

князю Константину Николаевичу он подарил японские монеты и сувениры, за что последний пожаловал Василия золотым перстнем с бриллиантами» [2]. Позднее «по Высочайшему Государя Николая I повелению он был поощрён 300 рублей серебром». После непродолжительного отдыха 5 июля Василий был направлен для службы в одну из дивизий 6-го армейского корпуса в звании надзорного за духовенством, где до окончания Крымской войны получил бронзовую медаль на Андреевской и такой же наперсный крест на Владимирской ленте» [Там же].

После окончания войны и расформированием воинской части Василий Махов остался за штатом и переехал в Курскую губернию. Здесь по указу Святейшего Синода 15 апреля 1857 г. он был возведён в сан протоиерея и «награждён набедренником» [Там же]. Однако, меньше, чем через год его ждало новое испытание. В марте 1858 г. указом императора был назначен настоятелем церкви российско-го консульства в городе Хакодате на северном японском острове Хоккайдо с жалованьем 2500 рублей серебром в год. 2 сентября 1858 г. Василий отбыл из Санкт-Петербурга вместе с сыном Иваном и прибыл в Японию 13 июня 1859 г. С усердием он приступил к выполнению возложенных на него почётных обязанностей и уже 19 июля 1858 г. за праведные труды был награждён камилавкой, и получил установленный для миссионеров за границу золотой наперсный крест» [Там же].

Однако долго исполнять обязанности настоятеля русской церкви в Хакодате Василию Емельяновичу не пришлось. Возраст и болезни, переживание за детей и неблагоприятный климат севера Японии негативно сказывались на его здоровье. Честно выполняя свои обязанности, он всё чаще в молитвах просил Бога «хоть бы добраться до России, хоть бы умереть в Радубеже!», просить, однако же, о своём отзыве на Родину считал неправильным. Тем не менее, узнав о состоянии здоровья в 1860 г., ему было разрешено вернуться в столицу, где решением Святейшего Синода он был отправлен на покой в Курскую епархию.

Перед этим, помня о монаршей благодарности за привезённые им из первой экспедиции подарки, Василий во время встречи с Императрицей преподнёс ей диковинные японские подарки. За что «от имени государыни Императрицы был пожалован золотыми часами с цепочкою во 125 рублей». А с 21 января 1863 г. «Высочайше было повелено производить ему из главного казначейства пенсию по 400 рублей в год» [Там же, с. 8]. Желание протоиерея Махова сбылось. Он прибыл в родные места, где прожил свои последние месяцы. 31 марта 1864 г. «с закатом солнца» он скончался. Похоронен он в родном селе Радубежа при местной церкви. Василий Махов оставил не только добрую память о себе, но и свои дневники и наблюдения, сделанные им в период первой экспедиции в Японию под общим названием «Фрегат «Диана», находящиеся сегодня в Николаевской публичной библиотеке Хабаровска и дающие возможность увидеть условия «малой кругосветки» и подписания первого российско-японского договора с неофициальной стороны. Сын его, Иван Васильевич, по просьбе японцев, проявляющих интерес к русскому языку, русской литературе и русской культуре, в целом, в начале 1861 г. создал букварь, титульный лист которого содержит надпись: «Русского Чиновника Подарок Японским детям Русская Азбука. Издание И. Махова. Хакодате, 1861 г.» [Там же]. В Японии букварь Ивана Махова провозглашён культурным памятником города Хакодате.

Так сложилась судьба простого русского человека, выходца из беднейших народных слоёв, которому волею случая пришлось стать не только свидетелем, но и участником значимых для Российского государства событий. Василий Емельянович, простой русский священнослужитель, стал примером патриотизма, самоотдачи и любви к Родине в сложные для России моменты. В истории Отечества таких примеров достаточно много. К сожалению, многие из них так и остались в забвении. Главная задача современных историков – раскрыть для молодого поколения имена этих героев.

Список литературы

1. Веселаго Ф. Ф. Общий морской список от основания флота до 1917 г.: в 16 ч. Ч. 10: Царствование Императора Николая I / науч. ред. В. Ю. Грибовский. СПб.: Атлант, 2013. Д – М. 670 с.
2. Махов В. Е. Фрегат «Диана». Путевые записки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1867. 71 с. Текст: электронный // Восточная литература. URL: <https://clck.ru/3SucUG> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает / под ред. Н. И. Смирнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1986. 368 с.
4. Чернышев А. А. Российский парусный флот: справочник: в 2 т. М.: Воениздат, 1997. Т. 1. 412 с.

Сведения об авторе

Кузнецов В. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, smith14101961@mail.ru

УДК 27-725 (520)

Поездка протоиерея Иоанна Восторгова в Японию и его мнение об успехах Православия в этой стране

Алексей Александрович Гавриков

Педагогический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия
agav2008@mail.ru

Во время поездки протоиерея Иоанна Восторгова в Японию, предпринятой в рамках командировки по губерниям Сибири и странам Дальнего Востока в 1909 г., он посетил учреждения Российской духовной миссии в Токио, Йокогаме и Нагасаки. Миссионер также побывал в Монголии, Китае и Корее. У него была возможность сравнить работу Российской духовной миссии в Японии с деятельностью других заграничных миссий.

Ключевые слова: православие в Японии, Российская духовная миссия в Японии, протоиерей Иоанн Восторгов, епископ Иоанн Киренский

Период конца XIX – начала XX вв. был временем расцвета православной проповеди не только на территории Российской Империи, среди инородческого населения, но и во многих странах мира. Особых успехов православные миссионеры добились в Стране восходящего солнца, где количество обращенных в Православие исчислялось десятками тысяч. Российскую духовную миссию в Японии, основанную Святителем Николаем (И. Д. Касаткиным, 1836–1912) и, благодаря его усилиям, ярко выделяющуюся на фоне других заграничных миссий, за время ее работы посещали многие известные деятели, как светские, так и духовные.

В 1909 г. миссию посетил протоиерей Иоанн Восторгов (Иван Иванович Восторгов, 1864–1918), выдающийся миссионер, церковный и политический деятель. Он родился 20 января 1864 г. (по другим данным – 30 января 1867 г.) [15, с. 220] на Кубани, в станице Кавказская, в семье приходского священника. В 1887 году он с отличием окончил Ставропольскую духовную семинарию, после чего был назначен надзирателем Ставропольского духовного училища. В 1897 г. был переведен в Грузию, в Тифлис, на должность законоучителя и настоятеля Свято-Ольговской домово́й церкви. В январе 1901 г. он был переведен на должность епархиального наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты в Тифлисе с возведением в сан протоиерея.

В 1906 г. начинается московский период в биографии отца Иоанна. Именно тогда ука-

зом Святейшего Синода он был переведен в Московскую епархию и назначен на должность проповедника-миссионера. В августе того же года он становится членом Всероссийского Православного Миссионерского общества [11, с. 866]. Вся служба миссионера была сопряжена с командировками, нередко довольно длительными и утомительными. За годы своей активной деятельности он объехал все уголки огромной Российской Империи, за что получил в прессе прозвание «всероссийского миссионера», кроме того, он побывал во многих странах Европы и Востока: Италии, Урмии, Монголии, Китае, Корее и Японии.

Поездка в Японию состоялась в рамках служебной командировки по губерниям Сибири и странам Дальнего Востока, куда он был направлен по распоряжению Святейшего Синода в марте 1909 г. Командировка длилась около четырех месяцев, до июля. Основными целями командировки было инспектирование духовных образовательных учреждений и выяснение духовных нужд многочисленных переселенцев, направлявшихся в Сибирь и на Дальний Восток в рамках столыпинской реформы, а также изучение состояния дел в духовных миссиях Китая, Корее и Японии [12, с. 272]. Кроме того, по замечанию исследователя Г. А. Корнеевой, одной из целей командировки было «развитие монархического дела в регионе» [10, с. 13].

В Японии протоиерей Иоанн провел около двух недель: с 24 апреля по 4 мая, о чем сохранились записи в «Дневниках Святого Николая

Японского». «Милости просим!» – записал он 19 апреля 1909 г. [3, с. 521], как бы отвечая на письмо «всероссийского миссионера» о желании приехать в миссию из Пекина. Краткосрочность визита стала поводом для обвинений со стороны настоятеля консульской церкви в Токио протоиерея Петра Булгакова (1862–1931) в адрес отца Иоанна [1, с. Г].

По странам Дальнего Востока протоиерей Восторгов путешествовал вместе с епископом Киренским Иоанном (Ф. И. Смирнов, 1857–1918). 24 апреля (7 мая) гости прибыли в Нагасаки, откуда поездом отправились в Токио на станцию Синбаси [3, с. 523]. Подробности пребывания высоких гостей в миссии описаны нами ранее, на основе воспоминаний епископа Иоанна (Смирнова) и дневниковых записей Святителя Николая [2, с. 253–260]. Однако следует признать, что без материалов, опубликованных протоиереем Иоанном, описание было бы неполным. И тогда, в 2009 г, мы указывали, что в день прибытия во время литургии в Соборе Воскресения Христова отец Иоанн Восторгов произнес проповедь, но, к сожалению, «ни Святитель Николай, ни епископ Иоанн не приводят, хотя бы приблизительно, содержания проповеди протоиерея Восторгова» [Там же, с. 254]. Та же история повторялась и с проповедями, сказанными «всероссийским миссионером» в другие дни в разных местах пребывания в Японии. К слову, кроме Токио, высокие гости несколько дней провели в Киото, в сопровождении епископа Сергия (Тихомирова). Все речи протоиерея Восторгова были опубликованы в том же 1909 г. в разных номерах «Прибавлений к Церковным Ведомостям».

Так, в одном из августовских номеров журнала были размещены под общим заголовком «Слово проповеди в Японии» три речи, произнесенные протоиереем Иоанном для японской паствы, в том числе и упомянутая выше самая первая проповедь, сказанная во время литургии в Соборе Воскресения Христова в Токио. Две другие проповеди были произнесены: одна 28 апреля на званом вечере в миссии и вторая 30 апреля в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в Киото [5, с. 1461–1467]. В своих речах протоиерей Иоанн восторженно приветствовал японских христиан и выражал уверенность в перспективности Православия на японской земле. Для достижения этой цели он призывал японских христиан трудиться, не покладая рук [Там же, с. 1463]. В проповеди, произнесенной в Киото, протоиерей Иоанн, отметил большое историческое значение распространения православной проповеди в древней столице Японии [Там же, с. 1465]. Он

подчеркнул, что трудно было основать Церковь. И далее радостно отметил о существовании христианской общины среди местных жителей и постройке православного храма [Там же, с. 1466].

В следующем номере под общим заголовком «В Японии – поучения учащимся» были опубликованы проповеди, произнесенные перед воспитанниками и воспитанницами вечером 28 и 29 апреля на симбокукваи (собрание японских христиан) в духовной семинарии и в женском духовном училище в Токио, а также 30 апреля для воспитанниц женской школы в Киото [6, с. 1518–1523]. В этих проповедях «всероссийский миссионер», как и ранее, выразил уверенность и том, что, несмотря на малочисленность будущих служителей церкви и обилие стоявших перед ними препятствий и протоиерей Иоанн высказал убеждение, что японский народ «жаждет веры и духовных основ жизни; народ охотно внимает проповеди христианства» [Там же, с. 1520]. Воспитанниц женского училища, «прекрасных жаворонков», он также наставлял не унывать и юным ученицам киотоской школы проповедник пожелал, «чтобы вы как можно дольше и навсегда оставались именно детьми во всем том, что любил Спаситель в детях, чтобы ваша вера, доверчивость, простота, искренность, которыми вы теперь преисполнены, не исчезали у вас никогда» [Там же, с. 1523].

Пробыв в Киото около недели, утром 4 мая гости через Симоносэки отправились в Сеул [3, с. 527]. Следует обратить внимание и на еще одну подробность, ярко дополняющую описание поездки протоиерея Иоанна по Японии. Он также посетил захоронения русских воинов, где отслужил панихиды: слишком жива еще была в памяти русско-японская война 1904–1905 гг. В одной из своих телеграмм в редакцию «Церковных ведомостей» он писал, что кладбища в Пекине, Шанхае, Мацуяме и Чемульпо содержатся исправно [4, с. 913].

В середине июля 1909 г. протоиерей Иоанн Восторгов вернулся в Москву, где в двух пространных речах, произнесенных перед российской общественностью, как бы подвел итоги своей длительной командировки. Одна из них была сказана в Свято-Владимирской церкви епархиального дома [7, с. 1698–1701], настоятелем которой вскоре он был назначен, а другая, по информации протоиерея Петра Булгакова, – на светском собрании в салоне графини Игнатьевой [1, с. Г]. В первой речи, посвященной Святому князю Владимиру, миссионер вкратце упомянул восточные страны, которые он видел «собственными глазами» [7, с. 1700]. В другой речи, озаглавленной

«Мировые судьбы России и Востока», он уже более подробно остановился на проблемах и перспективах распространения Православия на Востоке. Красной нитью пронизывает проповедь мысль о значении «в мировых судьбах современного русского переселенческого движения из внутренней России в глубь Азии и на Дальний Восток» [8, с. 2058]. Русский народ, переселяясь, несет на Восток проповедь истинной веры и выполняет миссионерскую деятельность [Там же, с. 2060]. Кроме того, отец Иоанн указывает на готовность народов Востока к принятию христианства и на то, что это лишь вопрос времени [Там же, с. 2063].

Стоит обратить внимание на то, что протоиерей Восторгов не был одинок в своих рассуждениях и выступал вполне в духе своего времени. Так, по справедливому замечанию исследователя С. Г. Серебряковой, еще в самом начале века профессор Л. А. Тихомиров (кстати, имевший дружественные связи с деятелями Российской духовной миссии в Японии) в своей брошюре «Христианские задачи России и Дальний Восток» размышлял о цивилизационной роли РПЦ для народов стран Дальнего Востока [16, с. 592]. Однако, несмотря на общность во взглядах, отношения двух великих людей не сложились [14, с. 24].

Одновременно с тем, следует указать, что одним из результатов командировки стало открытие в октябре 1909 г. в Москве первых пастырско-миссионерских курсов [11, с. 871], для которых «всероссийский миссионер» издал специальное пособие «Народно-миссионерские и катехизаторские курсы», с подробными программами занятий [13, с. 24]. Протоиерей Восторгов в ходе своей поездки обратил вни-

мание на вопиющую нехватку кадров, как в миссиях Сибири, так и в заграничных миссиях в странах Дальнего Востока. Архиепископ Иннокентий из Пекина, архиепископ Николай из Токио, как и главы других миссий, постоянно просили Синод в своих письмах и отчетах о направлении новых миссионеров. Один из возможных способов решения данной проблемы отец Иоанн видел в открытии пастырско-миссионерских курсов, которые могли бы за короткое время, около полугода, готовить проповедников для отправки в Сибирь и на Дальний Восток. Несмотря на то, что никто из выпускников не уехал в Японию, «десятки слушателей, окончивших курсы, приняли священный сан и были направлены в отдаленные епархии Русской Церкви» [12, с. 273].

Как показало дальнейшее развитие исторических событий, не все выводы «всероссийского миссионера» оказались близки к истине: ни Япония, ни Китай не стали христианскими государствами, более того, вскоре сама Российская империя прекратила своё существование, и на долгие годы новая Россия отказалась от Православия как государственной религии. Но главное, что он смог сделать, – это привлечь внимание Синода и хотя бы части российского общества к проблемам распространения Православия на Востоке. К сожалению, история не отмерила ему больше времени, чтобы завершить многие задуманные им дела: в сентябре 1918 г. протоиерей Иоанн Восторгов был расстрелян около Братского воинского кладбища в Москве. В 2000 году священномученик Иоанн был прославлен Архиерейским юбилейным Собором Русской Православной Церкви в лике святых.

Список литературы

1. Булгаков П. И., прот. Христианство и Япония: письма из Японии (1914–1917 гг.). Беркли, Калифорния, 1929. С. А–Н.
2. Гавриков А. А. Епископ Иоанн Киренский и архиепископ Николай Японский: К проблематике взаимоотношений Иркутской миссии и Российской духовной миссии в Японии в начале XX в. // Макарьевские чтения: материалы VIII Междунар. конф. (21–23 ноября 2009 г.) / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2009. С. 253–260.
3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 5. 960 с.
4. Иоанн (Восторгов), прот. [Телеграмма] // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 20. С. 913.
5. Иоанн (Восторгов), прот. Слово проповеди в Японии // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 32. С. 1461–1467.
6. Иоанн (Восторгов), прот. В Японии – поучения учащимся // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 33. С. 1518–1523.
7. Иоанн (Восторгов), прот. Драгоценная жемчужина // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 37. С. 1698–1701.
8. Иоанн (Восторгов), прот. Мировые судьбы России и Востока // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 44. С. 2056–2067.
9. Иоанн (Смирнов), еп. Памяти Японского архиепископа Николая // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 6. С. 147–160.

10. Корнеева Г. А. Общественно-политическая деятельность протоиерея И. Восторгова и партийное оформление правомонархического движения на Дальнем Востоке // Гуманитарные науки. 2020. № 3-2. С. 6–18. EDN: EMTJLC
11. Макеева Т., Ефимов А. Б. Миссионерская, публицистическая и проповедническая деятельность священномученика Иоанна Восторгова // Humanity space International almanac. 2018. Vol. 7, no. 5. P. 862–876. EDN: VLKPAE
12. Мраморнов А. И. Иоанн Иоаннович Восторгов, сщмч. // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энцикл., 2010. Т. 23. Иннокентий – Иоанн Влах. С. 271–275.
13. Правда веры и жизни: Житие и тр. священномученика прот. Иоанна Восторгова / сост., авт. предисл., жития и примеч. свящ. Афанасий Гумеров. М.: Изд. Сретенского монастыря, тип. АО «Молодая Гвардия», 2004. 366 с.
14. Репников А. В. «Пастырь добрый...» (жизнь и труды Иоанна Восторгова) // Новые исторические перспективы. 2016. № 3. С. 19–30. EDN: ZROOIV
15. Семенюк А. Н. Священномученик Иоанн (Восторгов) как проповедник и миссионер // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 220–227. EDN: ZXAMKJ
16. Серебрякова С. Г. Японская православная церковь периода Мэйдзи (1868–1912) в дореволюционной отечественной историографии // Япония: цивилизация, культура, язык, 2022 [Вопросы японоведения № 9]. СПб.: Art-xpress, 2022. С. 589–595.

Сведения об авторе

Гавриков А. А. – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и методики, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, agav2008@mail.ru

УДК 322.2 (=161.1)

Политический аспект взаимоотношений патриарха Тихона с советской властью в её первые годы

Никита Владимирович Куйдин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
nik.kuydin.02@mail.ru

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений первого патриарха Второго патриаршего периода с советской властью через призму политической сферы. Определяется отношение нового правительства к Русской Православной Церкви (РПЦ) и роль её предстоятеля в разрешении возникших противоречий. Особое внимание уделено непреднамеренной эскалации конфликта со стороны главы Церкви и его участию в размежевании противоборствующих политических лагерей.

Ключевые слова: патриарх Тихон, Русская Православная Церковь, религия, Священный Собор Православной Российской Церкви, советская власть, Гражданская война, послания

Патриаршество является относительно молодым институтом, если рассматривать весь исторический процесс развития России. Введённый в 1589 году соответствующий титул позволил получить Русской Православной Церкви (далее РПЦ) административную и церковную независимость от Константинополя. Закономерно последовала интеграция патриаршества в политическую сферу страны, так как его учреждение пришлось на Смутное время. Ослабление царской власти и всего государственного аппарата произвольно «взвалило» на первоиерархов политические функции. Смута стала своеобразным рубежом для РПЦ. Теперь её глава, помимо аккумуляции большого количества богатств и при-

вилегий, оказывал влияние на внутривнутриполитические процессы. Кардинальные изменения ждали Церковь в 1721 г., когда Пётр I учредил Святейший Правительствующий Синод. С этого момента начнётся «Синодальный период» в истории РПЦ. Надзор за всеми делами Церкви осуществлял светский обер-прокурор, часто далёкий от религиозных дел. Нужно ли говорить, что некоторых священников не устраивала такая ситуация. В стенах РПЦ ещё сохранялась историческая память, возрождавшая образы знаковых для неё первосвятителей.

Февральская революция изменила политику государства в отношении церковного управления. Тогда свою работу начал Священный Собор Православной Российской Церкви

и Предсоборный совет соответственно. В ходе заседаний было принято решение о возрождении патриаршества. В результате тайного голосования и последующей жеребьёвки новым патриархом был избран митрополит Московский Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин) [9, с. 71]. Вступая на престол, митрополит Тихон обратился с посланием [1, с. 70–71]. В нём он обрисовал выпавшую на Россию тяжёлую долю. Очень ёмко всё происходящее описывает фраза: «Испытание изнурительной войной и гибельная смута терзают Родину Нашу...» [Там же, с. 70]. Конечно, для Церкви и её лидера Великая война, а также последующие революционные события, были настоящим испытанием. Отвыкшая за время Синода разрешать масштабные вопросы Церковь, осталась наедине со своими проблемами. Созванный Собор, представлял собой фикцию, не имеющую никакого политического веса, хотя сам патриарх возлагал на него большие надежды. Перечисленные первоиерархом бедствия окажутся не такими катастрофическими для РПЦ как Октябрьская революция.

Пришедшие к власти, в ходе вооружённого восстания, люди были вдохновлены идеями немецких философов-экономистов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Настольная книга любого коммуниста – «Манифест коммунистической партии» гласила «Законы, мораль, религия – всё это не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы» [5, с. 63]. Соответственно, РПЦ неминуемо становилась приоритетной мишенью личностей, строивших новый мир. Как бы вожди отечественного пролетариата не заявляли о том, что «Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию...» [4, с. 143] всё сводилось к одному – агрессивному атеизму. Поэтому расчёт духовенства на милость или хотя бы понимание со стороны новой власти сейчас кажется опрометчивым. Уже тогда, священникам во главе с патриархом, нужно было готовиться к худшему. Несмотря на это, во время новогоднег молебна в соборном храме Христа Спасителя, патриарх Тихон ещё надеялся разрешить противоречия миром. Сравнивая строительство нового государства с возведением Вавилонской башни, первосвященитель заключил, что «Церковь осуждает такое наше строительство...» [1, с. 77]. Как религиозно настроенный человек он призывал не злоупотреблять «...вином свободы...», а лучше «...молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета...» [Там же]. Самое страшное было впереди и в скором времени грядущие преобразования большевиков это докажут.

Спустя 13 дней глава Церкви выступит в Николо-Воробьинском храме в Москве, где соотнесёт положение нынешней России с проказой [Там же, с. 78]. Лишения, выпавшие на долю заболевших (язвы, струпья, нагноения, отмирание тканей), образно похожи на Россию начала XX в. Патриарх резюмировал: «Как прокажённый, Родина наша покрылась стыдом и стала посмеянием...» [Там же]. Но выхода из создавшегося положения предстоятель не предложил. Опять все рекомендации сводились к молитвам и покаянию. Несмотря на религиозность первосвященителя Тихона, он, учтя время, мог предположить, что подобные манипуляции уже не работают в рассматриваемую эпоху. Параллельно с обозначенными событиями, среди клира возросло количество жертв, погибших при расправе со стороны красновардейцев с преступного попустительства контролирующих органов большевистской власти. Среди наиболее известных случаев можно назвать имена Киевского митрополита Владимира, отца Иоанна Кочурова и отца Петра Скипетрова [Там же, с. 88]. Появился феномен «новомученичества» [2, с. 706].

Проигнорировав слова первоиерарха, советская власть сделала свой первый ощутимый шаг в сторону ущемления прав Церкви 18 января 1918 г. Именно тогда выходит Приказ Народного Комиссариата по военным делам «О расформировании всех управлений духовного ведомства» [6]. В соответствии с ним из армии исключались священнослужители вне зависимости от конфессии. Имущество религиозных организаций, оставшихся в частях, было необходимо «...сдать на хранение войсковым комитетам» [Там же]. Естественно, это не осталось без внимания со стороны патриарха. На следующий день в свет выходит «Послание Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной» [1, с. 82–85]. Текст обращения не указывает явно на новую политическую элиту и их сторонников, но содержит недвусмысленные намёки в их сторону. Безусловно, анафема представляет собой суровую меру наказания, способную вызвать у верующего человека глубокие нравственные переживания. Однако большевики, будучи явными противниками религии, пренебрегали всеми её нормами, включая и санкции, связанные с нарушением церковных догматов. В данном послании интересен совершенно другой момент, где патриарх Тихон призывает православных людей «...пострадать за дело Христово...» [Там же, с. 83]. Эти слова предстоятеля каждый человек может понять по-своему. С одной стороны, можно про-

должать испытывать лишения вместе с Церковью, а с другой взять в руки оружие и дать бой гонителям веры. Именно этот документ внёс определённый вклад в эскалацию уже начавшихся событий Гражданской войны. Неоднозначность опубликованных слов дала мотивацию для некоторой части антибольшевистских сил и создала идеологический фундамент их консолидации.

Несмотря на очевидные трудности, свою работу продолжал Священный Собор Православной Российской Церкви. Перед открытием второй сессии патриарх Тихон обозначил факт издания ряда «антицерковных» декретов и предложил участникам Собора помочь выработать механизм разрешения создавшейся ситуации [1, с. 85]. Попутно он рассылал личные письма в епархии священникам. Одно такое письмо было адресовано некоему Николаю Троицкому. В нём глава Церкви изложил свои мысли касательно происходившего вокруг «хаоса». Клиру предлагалось встать в своеобразном авангарде «божьего воинства» и ничего не страшиться. В качестве примера морального идеала приводился святитель Гермоген – герой эпохи Смутного времени [Там же, с. 88]. Если проводить исторические параллели, то Смутное время эпизодически напоминало картину событий начала XX в. Одной из причин Смуты стала «победоносная» Ливонская война, после которой началась политическая неразбериха. Кульминацией всего стало пребывание польско-литовского контингента в Москве и готовность части политической элиты присягнуть польскому королевичу на верность. В начале XX в. Россия также вступила в крупную войну и с её ходом политическая игра только набирала обороты. После отречения царя у власти оказалось Временное правительство, которое, не оправдав возложенного доверия, «уступило» бразды правления большевикам. Только вот, несмотря на историческую схожесть, из Тихона не вышло второго Гермогена.

23 января 1918 г. выходит Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Буквально в одном документе она лишалась и собственных образовательных организаций, и имущества [8, с. 9]. С этого времени абсолютно все церковные и религиозные организации «Прав юридического лица не имеют» [Там же]. Сохраняя лицемерные пункты о свободе вероисповедания и отправления религиозных обрядов, большевики оставили поле для дальнейших манёвров. Если всё вышеназванное нарушало общественный порядок и посягало на права граждан Советской Республики, то «местные власти имеют право принимать

все необходимые меры...». Собор совместно с патриархом выпустили Постановление, касающееся стремлений сохранить за Церковью права иметь собственные учебные заведения, так как из программы светских исключалось изучение Закона Божьего [1, с. 93]. Результата принятая мера не дала в связи с отсутствием у духовенства силового крыла. На каждый законодательный акт большевиков будет выходить тщетная реакция Церкви, сотрясающая воздух.

Конституция ввела законное ущемление для некоторых категорий населения. В соответствии со статьёй 65 не имели избирательного права «монахи и духовные служители церковных и религиозных культов» [3, с. 24]. Получилось, что «равенство и братство» было не для всех. Это и продемонстрировал принятый 10 июля 1918 г. Основной закон страны.

13 октября 1918 г. патриарх Тихон решил письменно обратиться сразу к Совету Народных Комиссаров. Из содержания текста видно негодование, которое испытывал первосвященник по факту случившихся событий. Неудобные для советской власти моменты первосвященник поднял на поверхность. Особенно колко смотрится его комментарий в отношении Брестского сепаратного соглашения: «От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру...» [1, с. 149]. Также патриарха Тихона крайне заботило бессмысленное кровопролитие и братоубийственная война.

Большевики и их сподвижники не видели в церковниках серьёзную силу. Скорее всего, для них они выступали постоянно докучающим «бельмом». Правящая верхушка не осталась в стороне и уже в конечной Резолюции VIII съезда Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)) были провозглашены стремления партии к отмиранию религиозных предрассудков вследствие ведения соответствующей общественно-хозяйственной деятельности [7, с. 391]. Таким образом, открыто заявлялось об искоренении религии и, следовательно, Церкви как её проводника в массы.

Прослеживая динамику исходящих от первосвященника посланий, нетипичным является «Послание Святейшего Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви» от 8 июля 1919 г. [1, с. 160–162]. Обращаясь ко всем православным христианам России, он заявляет, что на данном этапе нужно «...сохранить в себе великое счастье незлобия и любви...» [Там же, с. 160]. Теперь глава Церкви призывает отбросить мысли о мести и прекратить кровопролитие даже несмотря

на попираание веры и вызывающее отношение к ней со стороны большевиков. Исходя из текущего положения, при этом исчерпав все возможные церковные санкции, скорее всего, им была принята несколько иная стратегия. Проклятия и яркие эпитеты сменились на вынужденное сосуществование подле советской власти, чтобы не усугублять и без того удручающее положение Церкви. Возможно, первоиерарх видел усиление оборотов Гражданской войны и своими действиями решил нейтрализовать один из центров её эскалации. Конечно, всё сделанное патриархом Тихоном похвально, но достигнуть ощутимого эффекта не удалось. Большевики не проявляли интереса к позиции Церкви, а представители белого движения опирались на поддержку лояльных священников.

Таким образом, линия поведения, выстраиваемая патриархом Тихоном по отношению к

советской власти, была непостоянна и имела высокую мобильность. Тон этим изменениям задавала изменяющаяся внутривнутриполитическая конъюнктура. Каждый последующий декрет или приказ большевиков был более радикальным, чем предыдущий. Не имея силовой поддержки, а также оперируя исключительно церковными санкциями, противостояние РПЦ и молодой республики, патриарх проиграл. Пытаясь найти точки соприкосновения, тем самым минимизировав потери, он впадёт в немилость уже к воинствующим церковникам, ряды которых заклеят его предателем и слабохарактерным лидером. Действия первоиерарха неосознанно обостряют ситуацию в ходе Гражданской войны. Последующее мягкое отношение патриарха Тихона к советской власти отчасти приведёт к очередному церковному расколу и появлению «катакомбной церкви» и движения «обновленчества».

Список литературы

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти (1917–1943) / сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 1994. 1064 с.
2. История России. XX век: в 3 т. Т. 1. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922) / под ред. А. Б. Зубова. М.: Эксмо, 2022. 992 с.
3. Конституция Российской Социалистической Федеративной Республики: опубликована в № 151 «Известий Всероссийского Центра Исполнительного Комитета» от 19 июля 1918 г. М.: Изд-во Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Р., С., К. и К. депутатов, 1918. 31 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 12. Октябрь 1906 – апрель 1906 / под ред. М. Я. Панкратова. М.: Изд-во полит. лит., 1968. 576 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма; пер. с нем., предислов. и коммент. С. Ю. Нечаева. М.: АСТ, 2021. 320 с.
6. Приказ Народного Комиссариата по военным делам «О расформировании всех управлений духовного ведомства» 16 января 1918 года. Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://clck.ru/3Qa2Nw> (дата обращения 29.11.2025).
7. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. / под ред. Е. М. Ярославского. М.: Партийное изд-во, 1933. 560 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства: сборник декретов (1917–1918 гг.). М.: Гос. изд-во, 1920. 314 с.
9. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с. EDN: QUXCRB

Сведения об авторе

Куйдин Н. В. – ассистент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, nik.kuydin.02@mail.ru

УДК 623. 44 (47)

Некоторые страницы истории кортика как элемента оружия в Вооружённых силах СССР

Сергей Владимирович Карасёв

Иркутский национальный технический университет, г. Иркутск, Россия
s.karasev@bk.ru

В данной статье рассматриваются вопросы введения кортика в перечень элементов военной формы как оружия. Кроме этого, даётся перечень видов Вооружённых сил СССР, которым был предписан этот элемент. Приводятся некоторые отступления от технологических карт при изготовлении кортиков и показываются материалы, которые использовались при его изготовлении. Кроме этого, представляется различное оформление ножен кортиков.

Ключевые слова: кортик, ножи, Военно-воздушные силы, Военно-Морской Флот Вооружённые силы СССР, Сухопутные войска, форма одежды

12 сентября 1940 г. кортик вернулся в строй, став элементом формы одежды для командного состава Военно-морского флота СССР. Он стал не только символом доблести и чести, но и холодным оружием. Это было совершенно в соответствии с Постановлением Совета Народных комиссаров Союза ССР № 1673 от 12 апреля 1940 г. Данное постановление было за подписью Председателя СНК Союза ССР В. Молотова, а 20 сентября 1940 г. Народный комиссар Военно-морского флота Союза ССР издал приказ за № 547 «О введении на вооружение кортика...» (рис. 1).

Кортик, который являлся личным оружием, предписывался для ношения командному составу флота, береговой обороны, морской авиации, а также инженерам корабельной службы. В это время кортик не имел устройства для его фиксации в ножнах.

Рис. 1. Кортик ВМФ Союза ССР¹ [1]

В самом начале 1949 г., а именно 24 февраля 1949 г., приказом Министра вооружённых сил СССР кортик поступает на вооружение в Военно-воздушные силы СССР. Этот элемент оружия просуществовал в Военно-воздушных силах СССР до 1958 г. (рис. 2).

Рис. 2. ВВС Союза ССР

Общевойсковой кортик, как элемент одежды, принят в 1955 г. (приказ Министра обороны СССР № 155), но его ношение было ограничено исключительно с парадной формой. После 1958 г. в Советской армии кортик (приказ Министра обороны СССР № 70 от 29 марта 1958) остался для ношения только на парадах и других торжественных мероприятиях (рис. 3).

¹ Здесь и далее фотографии из личного архива автора.

Рис. 3. Кортик общевойсковой

Рис. 4. Кортик сотрудников МПС Союза СС

Кроме армии, военно-воздушных сил и флота были и другие структуры, которые видели в нём глубокую символичность преданности своему делу. Кортики были у железнодорожников, а именно у высшего, старшего и среднего начальствующего состава (приказ Народного Комиссара Путей Сообщения Союза ССР № 7114 13 сентября 1943 г., который действовал по 1954 г.); у служащих комиссариата иностранных дел Союза ССР, и далее СССР с 1943 по 1954 г. (приказ о введении кортика как элемента формы одежды по Народному Комиссариату Иностранных Дел Союза ССР № 213 от 7 октября 1943 г.); в речном флоте право ношения кортика было представлено всему высшему и старшему начальствующему составу (приказ министра речного флота № 281 от 24 сентября 1947 г.). Он был отменён в 1954 г.

Существует ещё целый ряд кортиков, например, такие как: генеральский, маршальский, адмиральский, наградной, именной и другие кортики.

На рисунках 4, 5 представлены некоторые фотографии этих кортиков.

Рис. 5. Кортик сотрудников НКВД Союза ССР

Кортик и сейчас является символом доблести и чести. Передаваясь из поколения в поколение, он олицетворяет не только связь эпох, но и продолжение истории, великой и могучей истории нашей страны.

Сведения об авторе

Карасёв С. В. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский институт, г. Иркутск, Россия, s.karasev@bk.ru

РАЗДЕЛ 4

Проблемы истории Забайкалья. Власть и общество. Генерал-губернаторы и военные губернаторы Восточной Сибири

УДК 726(571.5)

Церковное строительство в Забайкалье в начале XIX в.

Ирина Викторовна Верещагина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
iravereshcopy@mail.ru

В статье представлен анализ процессов церковного строительства в Забайкалье в начале XIX в. Рассматриваются основные причины возведения новых храмов, раскрываются особенности организации строительных работ. Отдельное внимание уделено практике использования старых храмов. Делается вывод о локальном характере церковного строительства в регионе.

Ключевые слова: церковное строительство, возведение каменных храмов, Забайкалье начала XIX века, епархиальное управление

Включение Забайкалья в состав Российского государства было связано с формированием церковной инфраструктуры. Одним из важнейших элементов этого процесса являлось возведение новых храмов. Вокруг них складывалась система приходов; поселения, в которых появлялись церкви, становились центром притяжения для новых переселенцев. Начало XIX в. стало периодом особенно активного развития церковного строительства в Забайкалье. Именно в это время были построены каменные храмы, сохранившиеся до наших дней (села Знаменка, Волочаевка, Кондуй, Зюльзя, Бянкино и др.).

Одной из основных причин строительства новых церквей являлось обветшание старых деревянных храмов. Об этом свидетельствуют прошения прихожан, в которых часто отмечалось, что здания пришли в полную обветшалость, а восстановить их не представляется возможным. Так, в 1810 г. в Акше было подано прошение, в котором указывалось, что «существующая ныне в помянутой пограничной крепости деревянная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и Святителя Николая Чудотворца от времени, и непрочности лесу пришла в полную обветшалость, что никаких нет возможностей возобновить починкою» [3, л. 763].

Другой распространенной причиной являлись пожары, от которых нередко страдали деревянные церкви. Материалы делопроизводства фиксируют многочисленные случаи возгораний и полного уничтожения огнем надежных зданий. В феврале 1805 г. пожар произошёл в Ильинской церкви в Куенге. Обстоятельства происшествия зафиксировал пономарь Николай Шастин, сообщавший, что возгорание началось «от самой печи, состоящей в той церкви изнутри, полу затравилось, и от того сделался пожар» [2, л. 628].

Организация церковного строительства носила строго регламентированный характер и осуществлялась с разрешения епархиальных властей. При этом финансирование осуществлялось преимущественно прихожанами при минимальном участии со стороны государства. Отсутствие достаточного количества ресурсов нередко приводило к затягиванию и приостановке строительства.

Центральной фигурой процесса выступал «строитель» – выборное лицо, ответственное за сбор средств, приобретение материалов, найм рабочих и др. Архивные документы сохранили большое количество имен строителей, информацию об их социальном положении и факты, позволяющие охарактеризовать их деятельность. Так, Урульгинскую

Николаевскую церковь строил нерчинский мещанин Иван Морозов, который прежде был в этом же селе старостой [2, л. 931; 3, л. 97], Куенгскую Ильинскую церковь – сначала крестьянин Илья Корнилов, а после отставной казак Андрей Надеяев, Акшинскую – посадский урядник Василий Гаврилов. Таким образом, назначение строителя определялось не происхождением или родом деятельности, а уровнем доверия со стороны прихожан, хозяйственным опытом и умением организовать работу.

Кроме строителя, в работах участвовали и другие лица, в том числе «мастер» – человек, непосредственно возводивший церковь, сборщики средств, подрядчики, иконописцы и другие. Источники редко фиксируют имена и подробности деятельности мастеров, работавших в Забайкалье, что существенно ограничивает возможности для анализа. Однако иногда конкретные имена можно встретить в подрядной документации. Например, сохранились сведения о выплате мастеру Михаилу Переломову в 1800 г. за строительство Сретенской церкви в Сретенском остроге 350 руб. [1, л. 658 об.] Указанная сумма позволяет говорить о значи-

тельном объеме выполненных работ и о высокой степени ответственности, возлагавшейся на мастера.

Особый интерес представляет практика обращения со старыми церквями. Из-за нехватки ресурсов они часто использовались в качестве источников строительных материалов. Чаще всего бревна старой церкви использовали для отопления новой. Подобная практика имела место в Городищенской слободе (ныне с. Казаново), где рядом с ветхим деревянным храмом был возведён каменный. В прошении отмечалось, что «при здешней Введенской церкви имеется праздная деревянная церковь, которая уже очень ветхая и от гнилости разваливающаяся, и просим, не благоугодно ли будет повелеть оную употребить на дрова для истопления церкви каменной» [3, л. 1241].

Таким образом, церковное строительство в Забайкалье в начале XIX века – это сложный процесс, отражавший региональные особенности того времени. Практика строительства опиралась в основном на личную инициативу и ресурсы приходов, что придавало ей локальный характер.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 282. Оп. 1. Д. 73.
2. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 87.
3. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 97.

Сведения об авторе

Верещагина И. В. – магистрант 2-го курса, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, iravereshcopy@mail.ru

УДК 94 (47–75) + 94 (571.54)

Забайкалье: отзвуки наполеоновских войн

Михаил Андреевич Сергеев

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
misha.sergeev27@gmail.com

В статье анализируются исследования историков об особенностях наполеоновских войн как масштабного события мировой истории; рассматривается попытка Наполеона построить союз с Китаем, создать проект «китайской Сибири»; исследуются особенности развития Забайкалья как пограничного с Китаем региона мира. Автор приходит к выводу, что Забайкалье, несмотря на удаленность от театра военных действий, вписывается в исторический мемориальный контекст, сохранив при этом свою специфику.

Ключевые слова: наполеоновские войны, Наполеон, Александр I, франко-китайский союз, проект «китайской Сибири», указ о «нейтральных товарах», континентальная блокада, Трианонский декрет Наполеона, Кяхта, кяхтинская торговля, Иркутский драгунский полк

Противостояние России и Франции в начале XIX в. являлось сложным и многогранным процессом. В представленной статье рассмотрены попытки Наполеона I найти союзника в Восточной Азии, а также значение забайкальского региона для этой геополитической борьбы.

Хронологические рамки периода исследователи определяют по-разному. Например, А. М. Колганов выделяет промежуток с 1799 по 1815 г. [5]. В. М. Безотосный, в свою очередь, считает, что он длился с 1805 г., но при этом историк также отмечает связь отмеченного им периода с предшествующим этапом [2, с. 4, 11]. После убийства Павла I и восшествия на престол его сына Александра курс российской внешней политики изменился. Россия спустя небольшой промежуток времени, восстановила дипломатические отношения с Англией. Этот внешнеполитический разворот произошёл из-за личной неприязни царя к Первому консулу. Некоторую роль сыграли представители Негласного комитета, имевшие влияние на российского императора и настроенные на союз с Англией [13, с. 67–69, 75–77].

Ситуация к 1805 г. обострилась. Россия и Франция имели свои интересы на Балканах, что вызывало противоречия между государствами [2, с. 27–28]. Отчасти событием-катализатором стала казнь Наполеоном герцога Энгиенского, принадлежавшего к династии Бурбонов, по подозрению к причастности к англо-роялистскому заговору, направленному против Бонапарта. Русский двор крайне негативно отреагировал на это событие. Париж и Петербург обменялись оскорбительными нотами. Французские власти наметили на участие русского царя в убийстве Павла Петровича, что являлось оскорблением для Александра. Стоит отметить, что реакция российского правительства являлась достаточно лицемерной, поскольку российский император стремился сколотить Третью антифранцузскую коалицию ещё до казни герцога Энгиенского. Принятие Наполеоном титула императора вызвало у Александра I ещё большее возмущение [2, с. 27–28; 13, с. 99–101, 107].

Все эти события привели к разрыву дипломатических отношений между Россией и Францией. В 1805 г. Российская империя заключила союз с Великобританией, воевавшей с Францией с 1793 г. с перерывом на непродолжительный Амьенский мир. Альянс положил начало Третьей антифранцузской коалиции. Вскоре к союзу присоединилась Австрия. Силы коалиции превосходили армию Наполеона. Император решил разбить армию союзников, разбив её по частям. В Ульмском сражении француз-

ские силы разгромили Австрию. В Кремском сражении М. И. Кутузов разбил французский корпус, после чего соединился с остатками австрийцев. Однако при Аустерлице Наполеон нанёс сокрушительное поражение союзникам [2, с. 47–48, 75; 5; 13, с. 121, 168].

Заклывив мир с Австрией, Наполеон стремился заключить союз с Россией. Он считал, что этот альянс станет выгоден для обеих держав. Однако после поражения при Аустерлице ненависть Александра I к Наполеону только укрепилась. Заявив французскому послу, что русская армия покинет земли Австрии, царь начал подготовку к новой войне [13, с. 131–132]. Для набора армии Александр Павлович прибегнул к помощи церкви для призыва так называемого «Земского войска», предполагаемая численность которого составляла 612 тыс. чел. Попытки Наполеона заключить мир закончились неудачей [5; 13, с. 170].

Одним из итогов войны Третьей коалиции стало создание Рейнского союза. Это не устраивало Пруссию и побудило её вступить в союз с Россией и Великобританией для противостояния Франции (хотя недовольство являлось лишь формальным поводом для желавшей противостояния с Францией прусской «партии войны» во главе королевой Луизой). Так образовалась Четвёртая антифранцузская коалиция. Французские войска разгромили прусскую армию в битвах при Йене и Ауэрштедте. С русской армией Франция столкнулась в битвах при Пултуске и Голыmine 1806 г. Эти схватки не принесли успеха ни одной стороне. То же можно сказать и о битве при Эйлау 1807 г. (хотя формально эти сражения были выиграны Наполеоном). Однако во время битвы при Фридланде французские войска разгромили русскую армию. В дальнейшем Александр I и Наполеон заключили мир в Тильзите. Россия присоединилась к континентальной блокаде Британских островов, т. е. к запрету торговать с Англией. Императоры на бумаге разрешили имевшиеся противоречия и заключили военный союз. Позже соглашения были подписаны с Пруссией [2, с. 112–115, 146; 5; 11, с. 84, 90–93, 101–134; 13, с. 142–143, 167].

Между тем во время войны Четвёртой коалиции император французов пытался заключить союз с Китаем, о чём пишет в своей работе В. Г. Сироткин. Стоит отметить, что эта была не первая попытка Наполеона найти временную альянсовую единицу на востоке. С Персией он пытался выстроить коалицию с 1804 г., а с Турцией с 1806 г. В Китай Наполеон направил специальную дипломатическую миссию на предмет выяснения возможности заключения франко-китайского военного со-

юза против России в сентябре 1806 г. Предполагалось, что империя Цин полноценно присоединит Сибирь. Более того, существовали реальные карты, на которых российская территория до Урала находилась под полной китайской протекцией. Экземпляр подобной карты был обнаружен В. Г. Сироткиным среди бумаг походной канцелярии начальника штаба Великой армии маршала Бертье. Она использовалась во время Русской кампании 1812 г. в качестве географического ориентира предполагаемой военной диспозиции региона. Однако богдыхан даже не принял французских дипломатов. Китайский церемониал требовал, чтобы европейские послы, считавшиеся варварами, несли верительные грамоты и послания на коленях. Стоит отметить, что и российские посольства 1803–1807 гг. также оказались неудачными по схожим причинам (в энциклопедии «Отечественная война 1812 года» представлены статьи, посвященные некоторым их участникам) [1, с. 212–213; 9, с. 698–699; 11, с. 15–16, 76, 93; 12, с. 249; 14, с. 118].

Говоря о попытке Наполеона построить союз с Китаем, необходимо указать, что император имел смутные представления об этом государстве, о чём сам в саркастической форме во время разговора сообщил министру внутренних дел Монталиве. Более обширную информацию касательно Цинской империи Бонапарт получил, уже пребывая в ссылке. 7 июня 1817 г. он встретился с исследователем Тибета Т. Мэннингом, которого расспросил об этой необычной стране [10, с. 462, 518].

Как упоминалось ранее, франко-китайский союз предполагал захват Сибири, а соответственно, и Забайкалья, империей Цин. Стоит рассмотреть, что представляло собой Забайкалье, которое, несомненно, стало бы плацдармом для реализации этого проекта. Ещё в XVIII в. в регионе сложилась целая система горнодобывающих предприятий. В начале XIX в. в этой сфере прошла модернизация – увеличилось количество плавильных фабрик с шахтными печами, на заводах действовало более десятка плавильных, улучшалось оборудование, расширялись заводские площади. Государство обеспечивало заводы необходимым сырьём. Преобладающая ранее выплавка серебра сменилась добычей золота. В это же время обнаружили и оловянную руду на берегу р. Онон [6, с. 127–138; 7, с. 22].

Городов в Забайкалье существовало немного из-за существовавших тогда особенностей экономической системы. Их судьба складывалась по-разному. Те, что находились у важнейших торговых путей и промышленных зон, быстро развивались. Какие-то города воз-

никали из уже ранее существовавших населённых пунктов. Те, что располагались в менее выгодном экономическом положении, либо не развивались, либо превращались в деревни. В целом города являлись торговыми центрами, в которых проживали служилые люди и богатые купцы. В XVIII в. в Забайкалье сформировался народно-хозяйственный комплекс феодального типа, который подчинял своей деятельности даже самые незначительные и отдалённые поселения. Это являлось актуальным и для начала XIX в. Доминирование натурального хозяйства выявило потребность забайкальцев во многих товарах, которые ввозили купцы из центральных регионов России [6, с. 147–148, 191–193; 7, с. 23].

В крае тогда выявились признаки социального напряжения. Несмотря на формирование местной интеллигенции, средневековая жестокость и грубость в отношениях сохранялись. Наказания провинившихся являлись очень жёсткими. Несмотря на некоторый рост населения, уровень жизни населения оставался низким. Упомянутые горнодобывающие предприятия обеспечивались продуктами питания сельского хозяйства, а рабочая сила пополнялась за счёт отправляемых государством переселенцев и ссыльных. Их труд являлся крайне тяжёлым. Несмотря на отсутствие в Забайкалье крепостного права, жизнь крестьян в регионе была такой же, как в центральной России. Большая их часть принадлежала государству, которое закрепощало крестьян вместо помещиков. Они выплачивали немалые суммы государству, которые были не меньше, чем взимавшиеся в европейской части России. Кроме денежных платежей, существовали обременительная рекрутская повинность и различные натуральные. Личная свобода крестьян «компенсировалась» регламентацией со стороны властей всех сторон их жизни [6, с. 160, 181–182; 7, с. 19–26].

Бедственное экономическое положение, тяжёлый труд каторжан и др. факторы усиливали социальное напряжение. Это вылилось в массовые волнения в регионе в 1806 г. На их подавление были брошены вооружённые силы. По дорогам ставились многочисленные пикеты из бурят и тунгусов. Беглых и подозрительных людей хватали, заковывали в кандалы, направляли на каторжные работы, предавали суду. Стоит отметить, что и в остальной Сибири проходили крестьянские выступления [4, с. 453–456; 6, с. 119].

Может показаться, что проект «китайской Сибири» мог быть реализован. Однако вряд ли император французов знал о социальном напряжении в регионе. Он имел смутное пред-

ставление о том, что представляла собой Россия и, тем более, её сибирская часть (немалую роль в этом сыграли «потёмкинские деревни», которые вводили в заблуждение даже философов-просветителей). Кроме того, в Забайкалье как приграничном регионе было сконцентрировано внушительное количество казачьих формирований, что осложнило бы реализацию данного проекта [6, с. 100–101; 7, с. 19; 11, с. 15–16].

Если представить, что богдыхан принял бы французских послов и воспринимал их как равных, то Китай вряд ли решился бы напасть на Сибирь. У Цинской империи в тот период хватало внутренних проблем. В начале XIX в. императором Китая являлся Юнъян. В это период шла крестьянская война на северо-западе страны, начавшаяся ещё в 1796 г. Подавить выступление удалось лишь в 1804 г. Социальный кризис нарастал. Восстания крестьян, выступления тайных обществ, увеличение числа деклассированных элементов, рост бандитизма и бессилие местных властей вынуждали землевладельцев самих налаживать оборону. Росли затраты на вооружение частных дружин и сельских ополчений. «Большие дома» и шэньши не платили налоги, перекадывая это бремя на крестьян, что усиливало недовольство. Сокращалась площадь обрабатываемой земли на душу населения, усиливалось резкое измельчание крестьянских дворов и разорение земледельческих дворов, что вело к сокращению поступления налогов в центральную казну. Общая экономическая ситуация в деревне ухудшалась, чего нельзя сказать о городах. Их экономика росла. Происходил подъем в сфере ремесел, торговли, развивалась система оптовых и посреднических фирм, увеличивалась роль специализированных рынков, большое значение приобретали кредитные учреждения [3, с. 574–575; 15, с. 232–234].

Стоит отметить, что активно развивалась внешняя торговля Китая. Одним из важных партнеров империи Цин была Россия. Торговля между государствами проходила через Кяхту. Вспоминая контекст Наполеоновских войн, следует подчеркнуть важную экономическую роль, которую выполняло Забайкалье в тот период. По Тильзитскому договору, Россия присоединялась к континентальной блокаде.

В 1808 г. Александр I подписал указ о «нейтральных товарах», который вводил специальные сертификаты для русских и иностранных кораблей, подтверждающие, что судна не являются английскими. Кроме того, торговля со Швецией также отсутствовала, поскольку Россия находилась с ней в состоянии войны. Указ не распространялся на черноморские порты, торговлю с Персией и Китаем [3, с. 575; 11, с. 140–141].

Этот период являлся особенно благоприятным для кяхтинской торговли. В Китай отправляли ткани, пушнину, выделанные кожи, моржовую кость, сукно, промышленные изделия и др. Из Цинской империи доставляли хлопковые и шелковые ткани, фарфор, сахар-леденец, жень-шень и др. Самым популярным импортируемым товаром был байховый и кирпичный чай. Они большими партиями доставлялись во многие города России. Торговое партнерство с Китаем особенно помогало российской экономике в тот период. Трианонский декрет Наполеона 1810 г. мог несколько усложнить торговый процесс, но особенности российской экономической внешней политики позволяли преодолеть эти сложности [6, с. 151; 11, с. 140–141, 144; 13, с. 351, 356].

Что касается непосредственного участия забайкальцев в наполеоновских войнах, то такие сведения не обнаружены в исторической литературе. Однако стоит упомянуть, что Забайкалье в начале XIX в. входило в состав Иркутской губернии. В войне 1812 г. принял участие известный Иркутский драгунский полк. Он проявил себя в таких знаковых сражениях, как битва под Красным, при Ошманах, Витебске, Смоленске, Вязьме, Гжатске и Бородино. Кроме того, полк участвовал в сражениях войны 1813–1814 гг., а также в походе на Францию 1815 г. [4, с. 454; 6, с. 119; 8, с. 308].

Несмотря на отдаленное от центра расположение Забайкалья и отсутствие прямого участия забайкальцев в наполеоновских войнах, можно сделать вывод, что край играл важную экономическую роль в жизни государства. Он являлся торговой площадкой для транспортировки ряда товаров, которые являлись необходимыми, но доставка их из других стран в период войн оказалась проблематичной из-за геополитических причин.

Список литературы

1. Безотосный В. М. Гурьев // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 212–213.
2. Безотосный В. М. Наполеоновские войны. М.: Вече, 2010. 383 с. EDN: QPPXIH
3. Всемирная история: в 6 т. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2014. 940 с.
4. История Сибири: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 535 с.

5. Колганов А. М. Наполеоновские войны. Текст: электронный // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/napoleonovskie-voiny-1c9886> (дата обращения 01.10.2025).
6. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 г.): учеб. пособие. 3-е изд. испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2017. 310 с.
7. Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.): учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2019. 158 с. EDN: LVZXWR
8. Подмазо А. А. Иркутский драгунский полк // Отечественная война 1812 года: энцикл. М.: РОССПЭН, 2004. С. 308.
9. Подмазо А. А. Теслев // Отечественная война 1812 года: энцикл. М.: РОССПЭН, 2004. С. 698–699.
10. Робертс Э. Наполеон: биография. М.: Альпина Диджитал, 2014. 767 с.
11. Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 380 с.
12. Смирнов А. А. Довре // Отечественная война 1812 года: энцикл. М.: РОССПЭН, 2004. С. 249.
13. Соколов О. В. Битва двух империй. 1805–1812. М.: Астрель; СПб., 2012. 730 с. EDN: RBQMQR
14. Степанов Ю. Г. Вигель // Отечественная война 1812 года: энцикл. М.: РОССПЭН, 2004. С. 118.
15. Чжан Л. Китай. Полная история. М.: АСТ, 2024. 304 с.

Сведения об авторе

Сергеев М. А. – аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, misha.sergeev27@gmail.com

УДК 94(571):271;273.99

**Учение игумена Селенгинского мужского Свято-Троицкого монастыря
Израиля (Федорова) на рубеже 1820–1830-х годов:
малоизвестная страница истории христианского
сектантства в Забайкалье**

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
drzz@yandex.ru

Статья посвящена интереснейшей, но практически неизвестной широкой общественности и малоизвестной даже специалистам странице истории Забайкалья второй четверти XIX в. – существованию и деятельности так называемой «молчановской секты». Информации о ней в источниках автором исследования не встречено, однако отдельные упоминания встречаются в некоторых публикациях. В статье сделана попытка собрать в единое целое имеющиеся данные и хотя бы частично воссоздать пусть достаточно простую, краткую, но всё же историю совершенно нетипичной для региона организации.

Ключевые слова: православие, религиозное учение, секта, Израиль (Федоров), Забайкалье, Селенгинский Свято-Троицкий монастырь, Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь, Кяхта, Троицкосавск

История православия в Забайкалье во второй четверти XIX в. в определённой степени нашла отражение в научных и научно-популярных публикациях. Неопределённость степени изучения предмета предопределена тем, что данных по православной истории региона в рассматриваемое время немного. Имеющиеся публикации упоминают отдельные факты, либо говорят о каких-то частных аспектах. Общей картины, к сожалению, на сегодня не составлено. При этом, в работе над проблемным полем история православия в Забайкалье во второй четверти XIX в. встречаются интереснейшие, но совершенно малоизвестные факты. Таковым является история так называемой

«молчановской секты». Её возникновение и существование в литературе связывают с именем настоятеля Селенгинского Свято-Троицкого монастыря Израилем (Иваном Федоровым). По некоторым данным, он руководил обителью с 1832 по 1834 гг. [4, с. 70].

«Молчановская» секта или «молчановский раскол» – учение, именуемое в честь его лидера-основательницы, кяхтинской купчихи Молчановой. Возможно, речь шла о какой-то из родственниц достаточно известного Луки Тимофеевича Молчанова (1787–?), который в 1813 и 1848 гг. входил в 3-ю гильдию купцов Кяхты, а в 1825–40-е гг. в первую [2, с. 131]. В то же время в публикациях по «молчановской

секте» он не упоминается. У Н. Козьмина читаем, что в секту были обращены три брата Молчановых, кяхтинские купцы 1 гильдии [5, с. 66].

«Молчановская секта» в одной из публикаций именовалась «удивительной» [8, с. 161]. В начале исследования следует сказать, что в характеристике секты Израиля можно выделить три составляющие, три выражения его деятельности по распространению своего учения. Одна та, что была им организована в Селенгинской обители. В каких-то публикациях её называют учением, в иных сектой. При этом отдельные авторы, говоря о противоречащем учении догматам православной церкви, не упоминают о «молчановской» секте в Кяхте и Троицкосавске, а также о попытках насаждения учения Израиля в Чикойском Иоанно-Предтеченском скиту (пустыни) (с 1836 г. монастырь).

Об Израиле и его учении читаем в «Русском биографическом словаре» издания 1897 г. Об Иване Федорове говорится, что родился он в апреле 1794 г., с 1806 по 1812 г. проживал в Петербурге, где обучался малярному делу, а позже живописи. В 1816 г. в тайне от родителей отправился в Николо-Бабаевский монастырь, где принял пострижение с именем Израиль. В последующие несколько лет проживал в Костромской Богоявленской обители, позже при «Ипатском архиерейском доме», т. е. архиерейском доме на территории Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря в Костроме. В 1829 г. оказался за Байкалом, в Селенгинском мужском Свято-Троицком монастыре, до 1832 г. был «строителем», позже игуменом обители [4, с. 70].

Архимандрит Мелетий (Якимов) (будущий епископ Селенгинский, викарий Иркутской епархии со званием Начальника Забайкальской духовной миссии, позже епископ Якутский и Вилюйский, а затем епископ Рязанский и Зарайский) писал, что Израиль уже будучи в Николо-Бабаевском монастыре, «открыл собрание в одной из монастырских башен... За эти самочинные и подозрительные собрания, по донесению настоятеля архимандрита Анастасия, Израиль с соумышленниками был послан... по разным монастырям, а впоследствии... в Иркутскую епархию [7, с. 26–27].

Согласно «Русскому биографическому словарю», во всех монастырях, где пребывал Израиль, он расписывал иконостасы [Там же]. Про то, что он занимался иконописью, встречаем упоминание и в иных публикациях [Там же, с. 26]. Здесь следует отметить, в традиции «строитель» православного монастыря – это, лицо, ведающее хозяйством обители. Им мог

являться и настоятель, но мог и не являться. Вероятно, именно это вводит в заблуждение исследователей при определении годов руководства Селенгинской обителью Израилем. Согласно приведённым выше данным, у руководства Селенгинским монастырём Израиль встал только в 1832 г. [4, с. 70].

А. В. Дулов и А. П. Санников, со ссылкой на Мелетия (Якимова), говорят о том, что Израиль управлял обителью с 1829 по 1834 г. [3, с. 94, 302]. Можно предположить, что с 1829 по 1832 г. он числился управляющим монастырём, но не являлся его настоятелем. Такое было возможно в случае, если действующий настоятель был стар и немощен, не мог справляться со своими обязанностями, а новый не был назначен.

Будучи настоятелем Селенгинской обители, Израиль был назначен благочинным над монастырями Забайкалья. В его функции входил контроль за монастырской жизнью, за нравственностью насельников обителей региона, а таковых в рассматриваемое время было два: Селенгинская Свято-Троицкая, Посольская Спасо-Преображенская. Также существовал упоминавшийся выше Чикойский Иоанно-Предтеченский скит (пустынь).

В литературе встречаем упоминание о том, что в 1830 г. Израиль после сильного наводнения и неурожая собрал до 30 крестьянских детей и устроил для них в Селенгинском монастыре училище с общежитием. Сделал он это без разрешения епархиального начальства, за что в 1832 г. получил выговор [4, с. 71]. В 1834 г. Израиль был обвинён повторно, на этот раз в уже более серьёзном деянии, «во введении нового учения, противного учению святой церкви, в изменении чина божественной литургии и в дерзкой мечтательности о себе». Израиля лишили монашеского сана и отправили в заключение в Соловецкий монастырь [Там же]. Данные в статье «Русского биографического словаря» приводятся с основой на дела архива Святейшего Синода от 1821, 1834 и 1858 гг., с номерами «J6 428», «612» и «J* 2757», соответственно [Там же].

Как видим, речь о секте не ведётся, говорится о распространении какого-то учения. То, что Израиль учение создал и его распространял, очевидно, однако краткие упоминания о том, что происходило в Селенгинском монастыре, не дают возможности дать ответ на вопрос, что это за учение было. В то же время, по «молчановской» секте, созданной Израилем, встречаются более полные данные, упоминается и своеволие Израиля в обрядовой деятельности на территории Чикойского монастыря.

В начале четвёртого десятилетия XIX в. Израиль, будучи благочинным православных монастырей Забайкалья, посетил Чикойскую пустынь, однако перед этим вновь нарушил церковные правила. Им без разрешения Святейшего Синода в стенах Селенгинской обители был пострижен в монашество основатель Чикойской пустыни Василий Надежин. При пострижении получил имя Варлаам. Указ Синода о его пострижении был получен только в 1838 г.

Не обошёл нарушениями церковной жизни Израиль и Чикойскую пустынь. Вот что писал по прошествии лет о посещении Израилем Чикойского скита в 1834 г. Мелетий (Якимов): «... при посещении... сам он, как бы в припадке сумасшествия, произвёл такой соблазн, который наделал много хлопот епархиальному начальству [7, с. 26].

Говоря о деяниях Израиля в Чикойском скиту, Мелетий упоминает распространение его учения в среде почётных граждан Кяхты, в особенности в семействе Молчановых [Там же, с. 27]. Тем же Мелетием отмечается, что согласно имевшейся информации, Израиль «обладал даром слова и мог увлекать своим красноречием», однако, по мнению автора, тот «...был не больше, чем безграмотный самоучка» [Там же].

Мелетий в своей книге «Пустынник Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита на границах Китайской монголии, в Чикойских горах за Байкалом (эпизод из истории русского православного миссионерства в Сибири)», имевшей два издания в начале XX в. в Рязани и Одессе, подробно описал деятельность Израиля в Чикойском скиту. Израиль распространял там своё учение в среде малограмотных стариков и детей. Организованные им собрания были схожи с собраниями секты «Людей Божьих, или духовных христиан» [Там же, с. 28].

В церкви Чикойского скита в первый день своего приезда Израиль поставил на колени всю братию. На следующий день рассадил перед собой «...три девицы и три женщины в белых костюмах и несколько лиц мужского пола». Израиль, помимо прочего, стоя на коленях, читал им же составленную молитву [Там же, с. 28]. Приводятся в книге Мелетия и иные, достаточно подробные, данные по нарушению обрядовой стороны в скиту. После отъезда Израиля Варлаам составил донесение епархиальному начальству, которое, вероятно, легло в основу расследования. Скитская церковь была закрыта как осквернённая. Варлаам просил её нового освящения [Там же, с. 28].

Мелетий давал характеристику деятельности Израиля в Чикойском ските, судя по всему, с опорой на архив Чикойского монастыря, с которым он познакомится в бытность свою сначала православным миссионером в Забайкалье, а позже викарным епископом и Начальником духовной миссии. К такой мысли приводит ссылка в одном месте работы на архив Чикойской обители [Там же, с. 27].

Относительно краткое описание «секты» Израиля дал В. Птицын в своей хорошо известной книге «Селенгинская Даурия». В одном месте он кратко писал, что в одном из монастырей региона «долгое время проповедовала гнуснейшая раскольничья секта, с циничными обрядами» [8, с. 41]. Среди обрядов основным в названной секте был обряд омовения «подкуниц», введённый в обители Израилем. Кто такие «подкуницы» не совсем ясно [Там же].

Ниже автор даёт подробное описание секты Израиля уже в Кяхте. При этом отмечает, что «...ни в кяхтинском купеческом архиве, ни в архиве троичесавского полицейского управления, на момент знакомства с ними не было встречено ни одного документа по названной секте, не было каких-либо упоминаний о ней в переписках, не существовало отдельных дел». В то же время секту в Кяхте В. Птицын именует в «...высшей степени значительной раскольничьей сектой», действовавшей в 20–80-е гг. XIX в. [Там же, с. 161].

Отсутствие информации в архиве В. Птицын объяснял тем, что вся информация, скорее всего, была изъята «заинтересованными лицами». Автор предполагал, что какие-либо данные можно было найти в архиве кяхтинского пограничного комиссара, поскольку последний «находился в гораздо большем порядке». Можно было поискать информацию в архиве Иркутской Духовной консистории, которая осуществляла по итогу суд и «суровую расправу» над сектой. Могли быть данные в иркутских архивах главного управления и общего губернского управления [Там же].

Учение Израиля нашло отражение в обществе жителей Кяхты и Троичесавска. Как пишет В. Птицын, Израиль «подружился» с кяхтинской купчихой, которая стала первой и единственной Богородицей секты. Суд над «молчановским расколом» носил, по мнению В. Птицына, «...весьма изуверский и циничный характер, и истребил его почти в корне». Как относительно широко известно, Израиль был сослан в Соловецкий монастырь на вечное заточение, где и умер, а вот его подруга, основательница секты и Богородица, отделалась только поркой в Иркутской Духовной консистории. Туда на допросы она приезжала

вместе с детьми. После исполнения наказания отбыла в Кяхту, где прожила до старости [8, с. 162].

После наказания купчихи Молчановой и высылки из Забайкалья Израиля «молчановский раскол» как явление исчез. Сын же первой и единственной Богородицы характеризуемого учения уже после её смерти был избран кяхтинским купечеством церковным старостой кяхтинского собора [Там же, с. 162]. Это, вероятно, говорит о том, что семейство главных сектантов, по крайней мере, в дальнейшем, пользовалось уважением в Кяхте.

В. Птицын отмечал, что секта Израиля была самостоятельной и самобытной. Она, в отличие от иных подобных организаций, не была принесена в Сибирь из Европейской части России. Родилась и существовала в Кяхте и Чикойском ските. Как отмечал настоятель кяхтинского собора протоиерей Иоанн Никольский, учение чем-то было схоже с учением хлыстов (христоверцев). Входили в неё, как мужчины, так и женщины [8, с. 162; 12, с. 435]. Сколько было членов секты не известно, также, как и нет данных об их судьбе после «разгона» секты. В. Птицын, будучи в Кяхте, встретил только одну старушку, которая в молодости была в секте [5, с. 162].

Суть учения Израиля и содержание «молчановского раскола» В. Птицын не смог понять даже после знакомства с копиями протоколов полицейского дознания, которые попали к нему от иркутского князя Д. Я. Кутыева. В тексте не было ни о идеях, ни о догматах [Там же, с. 163]. Упоминает относительно «молчановской секты» В. Птицын тот же обряд «омовения подкуниц», о котором он писал применительно к Селенгинскому монастырю. Обряд представлял собой «... в высшей степени циничную и извращенную пародию на известный, евангельский обычай омовения ног И. Христом своим ученикам». Проходил ночью [Там же, с. 163]. Сам обряд держался членами секты в строжайшей тайне, поэтому его подробности и суть остались не ясны. Известно, что пелись «изуверские» песни. Главную роль в обряде играл Израиль и, судя по всему, именно он проводил омовение ног членов секты [Там же].

Во второй части книги путешественника этнографа, писателя С. Максимова «Сибирь и каторга» читаем: «Вскоре после смерти Варлаама, прибыль в... Кяхту монах Израиль... около сорока, статной осанки. До сих пор помнят в Кяхте его вдохновенные глаза, выражение смирения и святости на лице, тонкие руки, его красноречивые, глубоко западающие в душу беседы и его образованность» [6, с. 210].

Речь идёт о строителе Чикойского скита Варлааме (Надежине). Здесь очевидна ошибка. Выше мы говорили о том, что Израиль успел «пересечься» с Варлаамом при его жизни в начале 1830-х гг. Также отметим замечание об образованности, которое противоречит тому, что писал Мелетий (Якимов). Книга С. Максимова была издана в 1871 г., а писалась ранее, поэтому автор вполне мог встречаться с современниками описываемых событий.

У С. Максимова встречаем характеристику сути учения Израиля. Отнестись к ней можно с определённым доверием, поскольку вполне вероятно, что он был знаком с материалами расследования. Вот что писал автор об учении Израиля: «В обществах много толковал он о порче православия, раздражался против корыстолюбия священников, указывал, а отступления их от истин Христова учения; он говорил, что возвышенное учение Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабление веры, а в силу того и умножение грехов между людьми, милосердный Бог, для исправления того, что испорчено, во второй раз прислал на землю Единородного своего Сына – и он-то, дескать, Израиль, и есть тот сын божий. Евангельский» [Там же].

Секта собиралась, согласно С. Максимова, в Кяхте, в доме одного из купцов, также в Селенгинском монастыре [Там же]. С. Максимов приводит данные, которые не встречаются у иных авторов. Так, он пишет, что генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский, объезжая вверенный ему край, в 1836 г. в Верхнеудинске видел «еретиком Израилем произведённых из ссыльных святых, облачённых в белые стихари, с голубыми поясами и в волосах на подобие Иисуса. Он сам и последователи его им благоговейно поклонялись в ноги. Мнимо-святые ожидали в решения участи» [Там же, с. 211].

Пожалуй, наиболее полное описание жизненного пути Израиля и его деяний на почве сектантства встречаем у церковного историка и писателя, протоиерея, магистра богословия И. Сырцова. В ряде номеров «Тобольских епархиальных ведомостей» в конце XIX в. опубликован его материал «К истории мистических сект в Сибири», полностью посвящённый Израилю [Сырцов]. Останавливаться на его подробном разборе мы не будем, поскольку текст изобилует подробностями обрядовой деятельности в рамках учения Израиля. На этом кратко останавливались выше. В то же время на некоторых моментах стоит заострить внимание.

Достаточно подробно И. Сырцов описывает посещение Израилем Чикойского скита,

именуя его Предтеченской пустынью. Достаточно ярко проявляется оценка Израиля именно там. Деяния Израиля в Чикойской пустыни И. Сырцов именует их не иначе, как «кощунственными причудами» [12, с. 433].

В дальнейшем И. Сырцов называет Израиля «мнимым Христом» и говорит о том, что в Соловецком монастыре он под влиянием настоятеля обители архимандрита Порфирия Карабиневича «обратился на путь истинный» [13, с. 299]. В то же время, в иной публикации И. Сырцов писал, что Израиль и в заключении «не раз принимался излагать “истинное учение веры”, написал целые тома в стихах и прозе [12, с. 443]. Интересно замечание И. Сырцова об уровне образованности Израиля. Он писал, что «...как человек не получивший ни богословского, ни светского, хотя бы элементарного образования, ничего дельного и осмысленного написать не мог» [Там же]. Здесь видим пересечение с мнением Мелетия (Якимова), писавшего о безграмотности Израиля [7, с. 27].

Вопрос о том, как безграмотному человеку удавалось увлечь за собой людей может иметь два ответа. Либо он действительно был невероятно красноречив и харизматичен, и люди шли за ним, либо он пользовался авторитетом настоятеля Селенгинской обители и благочинного православных монастырей Забайкалья, и люди были вынуждены слушать его.

В Соловьевском монастыре на покаянии Израиль провёл 28 лет, правил не нарушал, «... не роптал на свою участь и принимал это за крест, возложенный на него» [6, с. 210; 7, с. 28; 14, с. 123–124]. Вплоть до своей кончины в 1862 г. он расписывал стены храма Соловецкой обители. Известен он написанием образа Святителя Николая, который поступил в Исторический музей в 1840 г. в составе Собрания Соловецкого Общества Краеведения (СОК) – Соловецкого музея. В настоящее время он относится к фонду древнерусской живописи. На обороте иконы надпись от 1849 г. с указанием имени Израиля (Рис. 1, 2) [1].

Таким образом, в истории Забайкалья и истории религий на его территории и на сегодня имеются страницы, которые не заполнены или заполнены только отчасти. Некоторые факты, события, имена известны только узкому кругу специалистов. В то же время они невероятно интересны как для исследователя, так и для просто ищущего читателя. Таковой страницей является история учения настоятеля Селенгинского мужского Свято-Троицкого монастыря в начале четвёртого десятилетия XIX в. Израиля (Федорова).

История эта не получила широкой известности, однако она дополняет разговор об истории христианства, истории православия в регионе в целом.

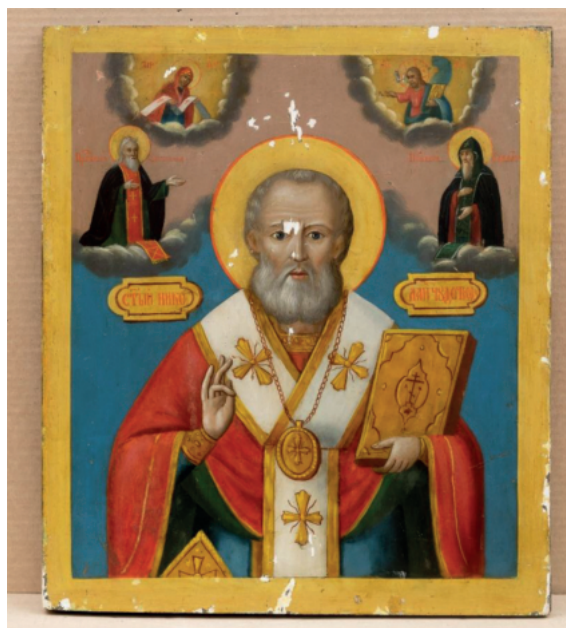

Рис. 1. Икона. Святитель Николай, поясной. 1849 г. Из собрания Исторического музея [1]

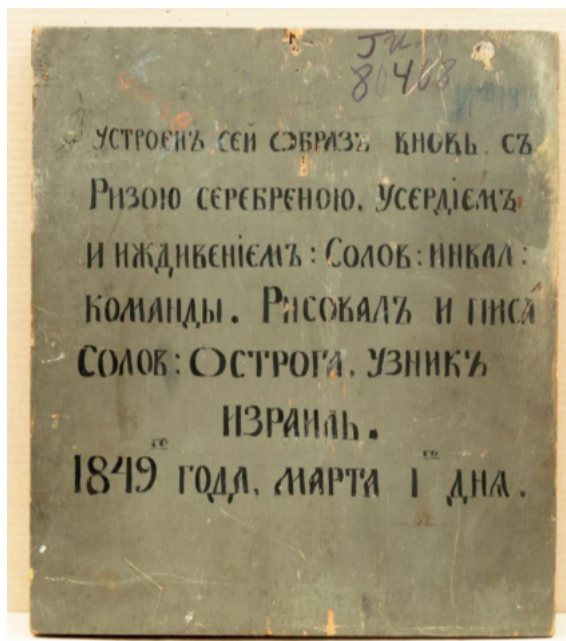

Рис. 2. Обратная сторона иконы. Святитель Николай, поясной. 1849 г. Из собрания Исторического музея [1]

Следует сказать, что Израиль был личностью в истории Забайкалья и истории православия на его территории яркой, также законнослушной, за несколько лет пребывания в регионе он не раз нарушил как церковные

правила, так и государственные законы. Представляется, что учение Израиля требует дальнейшего изучения историками, в ходе которого

могут появиться новые, ранее неизвестные факты, а также ответы на какие-либо спорные вопросы.

Список литературы

1. Бибарцева Я. «...И кисти из рук выпали» – история одного образа. Текст электронный // Блог Исторического музея. 19.02.2021. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=7295> (дата обращения: 15.02.2026).
2. В. 3. Молчановы // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т., 10 кн. / гл. ред.: Д. Я. Резун, Д. М. Терешков; отв. ред. А. С. Зуев, В. П. Зиновьев. Новосибирск: РИПЭЛ, 1996. Т. 3. Л – М. Кн. 1. С. 131–132.
3. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири: в 2 ч. Иркутск: СибПолиграфСервис, 2006. Ч. 2. 324 с.
4. Израиль (Иван Федоров) // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 8. Ибакъ – Ключаревъ / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А. А. Половцева. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. С. 70–71.
5. Козьмин Н. Очерк прошлого и настоящего Сибири. СПб.: Тип. «Печатный труд», 1910. 326 с.
6. Максимов С. Сибирь и каторга: в 3 ч. Ч. 2. Виноватые и обвиненные. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. 353 с.
7. Мелетий, архимандрит Пустынник Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита на границах Китайской монголии, в Чикойских горах за Байкалом (эпизод из истории русского православного миссионерства в Сибири). Одесса: Печатано в Тип. В. Н. Фисенко, 1912. 56 с.
8. Птицын В. Селенгинская Даурия. Очерк Забайкальского края. В двух частях с 9 рисунками и географ. картой Забайкалья. СПб.: Экономическая типо-литография, 1896. 306 с.
9. Сырцов И. К истории мистических сект в Сибири. Духовидец Израиль // Тобольские епархиальные ведомости. 1 и 16 июля 1890. № 13 и 14. Отдел неофициальный. С. 305–311.
10. Сырцов И. К истории мистических сект в Сибири (продолжение) // Тобольские епархиальные ведомости. 1 и 16 августа 1890. № 15 и 16. Отдел неофициальный. С. 392–399.
11. Сырцов И. К истории мистических сект в Сибири (продолжение) // Тобольские епархиальные ведомости. 1 и 16 сентября 1890. № 17 и 18. Отдел неофициальный. С. 351–360.
12. Сырцов И. К истории мистических сект в Сибири (продолжение) // Тобольские епархиальные ведомости. 1 и 16 октября 1890. № 19 и 20. Отдел неофициальный. С. 433–443.
13. Сырцов И. Архимандрит Порфирий Карабиневиц. Настоятель Соловецкого монастыря. (1865) (Продолжение). VII. Соловецкий колодники // Архангельские епархиальные ведомости. 1 ноября 1894. № 21. Часть неофициальная. С. 297–304.
14. (Д. Б.) Кончина узника Израиля // Иркутские епархиальные ведомости. 2 марта 1863. № 10. Прибавления. С. 123–124.

Сведения об авторе

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, директор, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, drzz@yandex.ru

УДК 94(571.5)

Отчёты военных губернаторов как источник по истории городов Забайкальской области

Татьяна Вадимовна Паликова

Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
nnet2861@gmail.com

В статье рассматривается уникальный и информационно насыщенный корпус документов: отчёты военных губернаторов Забайкальской области второй половины XIX – начала XX в. Отчёты являются фундаментальным источником для изучения урбанизации восточной окраины Российской империи.

Ключевые слова: Забайкалье, отчёты военных губернаторов, вторая половина XIX – начала XX в., город

В современной исторической науке наблюдается устойчивый интерес к процессам регионального развития, механизмам имперского управления и специфике урбанизации на окраинах Российской империи. Изучение Забайкалья в период с 1851 по 1917 г. представляет особую ценность, так как этот регион, будучи стратегически важной восточной окраиной, переживал интенсивную трансформацию, связанную с административными реформами, экономическим освоением и интеграцией в общероссийское пространство. В этом контексте отчёты военных губернаторов Забайкальской области выступают в качестве ключевого, но все еще недостаточно востребованного комплексного источника в контексте означенной темы. Они позволяют преодолеть фрагментарность знаний о городской истории Сибири, предлагая систематизированную, хотя и официально отфильтрованную, «летопись» становления городской среды. Актуальность их детального анализа обусловлена необходимостью реконструкции не только внешних проявлений урбанизации, но и внутренних социальных, экономических и управленческих процессов, которые формировали уникальный облик забайкальских городов, балансировавших между военно-административной функцией, экономикой сырьевой периферии и транзитным потенциалом.

Задавшись целью комплексного анализа содержания и информационного потенциала отчётов военных губернаторов Забайкальской области [1] для реконструкции многомерной картины городского развития региона во второй половине XIX – начале XX в., следует первоначально хотя бы кратко охарактеризовать этот важный источник.

Отчёт военного губернатора не был произвольным сочинением, а строго регламентированным элементом вертикали власти, содержание которого складывалось, начиная с 1804 г. (поэтому местами хранения самого документа кроме центральных (РГИА), стали региональные архивы, характеризующие административную подчиненность вверх (ГАИО) и вниз (ГАРБ) [2; 3; 11]). В последующем его структура предписывалась «Общим наказом гражданским губернаторам» (1837 г.) [9], а с 11 апреля 1897 г. была унифицирована «Программой для составления губернаторских отчетов» [10, с. 170–171]. Это привело к усилению статистической составляющей и некоторому сужению поля для личной аналитики автора. Документ формировался как сводка данных, поступавших снизу: от городских управ, полицейских управлений, словесных судов, областного статистического комитета. Таким

образом, отчёт концентрировал в себе многоуровневую информацию, прошедшую несколько ступеней обработки. Эволюция формуляра (изменения в 1853, 1870 гг.) в сторону усложнения и детализации прямо коррелировала с ростом запросов центра к качеству информации о регионах [8, с. 3–6].

Его классическая структура к концу XIX в. включала текстовую аналитическую часть и комплекс ведомостей (таблиц). Ключевыми для изучения городов были разделы: «Народонаселение», «Подати и повинности», «Общественное благоустройство и благочиние», «Народное здравие и общественное призрение», «Народное просвещение» с внутренним подразделением (5–8 литер). Начиная с 1880-х гг., отчёты военных губернаторов под названием «Обзор» становятся частью официальной печатной продукции, позволяя заинтересованным учреждениям и гражданам знакомиться с состоянием Забайкальской области. Отчёты позволяют восстановить «социальный портрет» забайкальского города по нескольким взаимосвязанным осям.

Краткая характеристика и особенно, ведомости о движении населения позволяют выявить тренд демографической динамики: миграционные волны (как корректировка состава населения), соотношение рождаемости и смертности (как свидетельство уровня развития медицины и правил до- и брачного поведения), людность города (как показатель воздействия экономических и логистических факторов). Социальная топография – сословный, профессиональный состав и конфессиональная структура – фиксирует процесс формирования городской общности и ее качество. Очевидно, что, например, ссыльные, не находившие работы в селе, как отмечалось в отчётах, оседали в городах, влияя на криминальную обстановку и социальный климат, а значительное число крестьян – на экономическую структуру и поведенческие установки.

Отчёты скрупулёзно фиксировали состояние торговли (периодической, стационарной, внешней) и промышленности. Основной городской ярмаркой, сведения о которой отражаются во всех отчётах, была Верхнеудинская Рождественская, затем Спасо-Преображенская (до 1880-х, с 1903 г.), Акшинская (открытая в декабре 1901 г.), две последних характеризовались как ярмарки с незначительным оборотом. Среди остальных (Городовое положение как главный городской законодательный акт устанавливало наличие ярмарок во всех городских поселениях) упоминались иногда ярмарки в Чите, Троицкосавске с указанием о незначительном или отсутствии торгового

лом тренд ярмарочной торговли определялся постепенным падением оборотов, начиная с 1900-х гг. в Вернеудинск представители «многих крупных торговых фирм приезжали лишь для окончания...расчетов прежних лет» [6, с. 15]. Команда ген.-лейт. И. П. Надарова объясняла ситуацию предоставленной железной дорогой возможностью закупки товаров на месте их производства «выезжая для этого в Иркутск, Европейскую Россию и частью за границу», а не покупая их на весь год. Еще в начале 1880-х гг. отчёты, характеризующие состояние торговли и ремесел, обращали внимание на факт отсутствия «особой промышленности», заявляя, что экономическое поведение горожан определяется «исключительно торговлей» у купцов, «отчасти мелкою торговлею, а отчасти теми же промыслами, коими занимается сельское население» у мещан [4].

Особое место в производственной структуре области занимала золотодобыча, бывшая долгое время локомотивом экономики (упоминаем по факту владения крупными приисками городским купечеством и золотничного отходничества в том числе и мещан). Кстати, еще в 1880-х гг. именно золотопромышленность рассматривалась губернаторами как высокодоходная отрасль («выдающееся производство по своему развитию и по сумме прибылей») и, следовательно, как главный фактор, замедляющий развитие других видов промышленности. Исчезновение золотопромышленных ведомостей из таблиц к 1890-м гг. и перенос их в текст можно рассматривать как важный индикатор кризиса отрасли. В экономическом каркасе городов на рубеже веков появляются собственно городские производства (конфетные, сладких минеральных вод и т. д.). Подлинным катализатором урбанизации стало строительство Транссибирской магистрали и Забайкальской железной дороги. При этом следует упомянуть, что, на протяжении почти 30 лет военные губернаторы, начиная с Е. М. Жуковского (1862) ставили благосостояние городов и края в целом в зависимость от успешного развития транспортных коммуникаций. Однако и в 1890 г. М. П. Хорошхин писал об «скорейшем улучшении транзитного пути через Сибирь», «если не железной, то вполне благополучно устроенной колесной дороги между Читой и Байкалом» для ликвидации разрыва «великой цепи транзитного пути» [5, с. 25]. Отчёты губернаторов рубежа веков дают подробные сведения о трансформации экономики железной дорогой: привлечение капиталов, стимулирование торговли хлебом и скотом, создание новых рабочих поселков вдоль полотна с основополагающими культурными учреждениями,

рост цен на недвижимость, но в то же время статистический материал позволяет фиксировать упадок/стагнацию городов, обойденных железнодорожной магистралью.

Отчёты дают возможность сделать выводы об инфраструктуре и благоустройстве городов, создании городской среды. В разделе «Благоустройство» содержится ценнейшая информация о темпах и характере городского строительства, типовом разнообразии зданий: от упоминания первых казенных зданий, лавок и церквей в Чите (1851) до сведений о строительстве вокзалов, депо, железнодорожных мастерских (Чита, Верхнеудинск, Нерчинск, Мысовск) и новых административных зданий на рубеже веков. Отчёты фиксировали состояние дорог, мостов, уличного освещения (от масляного до электрического), противопожарной защиты. Для городов по большей части деревянных состояние противопожарного комплекса было делом насущным. Только в 1901 г. в городах произошло 17 пожаров, принесших убытка на сумму 32 900 руб. [7]. Подобная критическая ситуация во многом объяснима – недостаток бюджетных средств вызывал в небольших городах затруднения с содержанием пожарных команд (имелась лишь часть обоза), поэтому они работали только в Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске и слободе Кяхте и содержались на городские общественные средства (специальные капиталы, как в ценных бумагах, так и в наличных средствах). Все полученные из отчётов данные позволяют судить о реальном качестве жизни горожан и финансовых возможностях муниципалитетов.

О состоянии последних удостоверяют приводимые городские сметы (это общие цифры доходов и расходов, но и они свидетельствуют о, как правило, дефицитных бюджетах и минимальных возможностях большинства забайкальских городов). Общее состояние городских финансов фиксируют постоянно возрастающие расходы, а по отдельным городам существенное превышение ими доходной части (например, в Чите почти на 10 тыс. руб. в 1890 г.). В целом по городам области дефицит составлял 16,4 (1888) до 5,5 (1890), 8,2 (1901) тыс. руб. Причем и в 1880-х, и в 1900-х гг. причинами дефицитных бюджетов виделись две – слабое развитие экономического потенциала и значительные траты на жалование муниципальных служащих. Содержание только городских управ (в смете, значащиеся как обязательные расходы) «обходится в 40 000 руб., что составляет пятую часть всех городских доходов». Можно назвать еще две причины экономической слабости городов, не носящих постоянный характер – природные (неурожай

или наводнение, например, в 1879 г. в Нерчинске или знаменитое забайкальское наводнение 1897 г.), и «рукотворные» катаклизмы (пожар 1878 г. в Верхнеудинске). В этом случае города могли покрыть свой дефицит за счет запасных городских капиталов, не имеющих специального назначения. Таковых, например, в 1889/1890 г. насчитывалось почти 112 378 руб. Стоит обратить внимание на еще один показатель, определяющий финансовую состоятельность городов Забайкалья – недоимки по налогам. Так, на 1 января 1885 г. города задолжали государству налоговых выплат на 13 866 руб., причем эта задолженность варьировалась от 8 до 11 тыс. руб. и в последующие годы. Правда, «нерасторопность» городских властей, можно скорее всего объяснить ответной реакцией на действия самого государства, не спешившего погасить свои долги перед муниципалитетами за содержание государственных структур (полиции и войск), тоже обязательных для городов, но как правило недоимочность свидетельствует о несостоятельности хозяйства.

Социокультурный ландшафт городских поселений Забайкалья представлен данными о числе учебных заведений и учащихся, что, безусловно, отражает инвестиции в человеческий капитал городского общественного управления, с одной стороны, и возросшую потребность в разных уровнях образования горожанами («рост доверия к школе», как констатировалось в отчетах 1880–1890-х гг.), с другой. Тем не менее, рост числа городских школ значительно уступает росту школ по области, правда, соотношение обучающихся в них, а также отношение к людности противоположно. Чита уже в середине 1880-х гг. становится лидером по всем показателям, но важным, на наш взгляд, является процент учащихся – в областном городе он составил чуть больше 11, а в уездных городах – 4,2 по отношению ко всем горожанам, что свидетельствует неудовлетворительном состоянии этой сферы. Начиная с 1881 г., в отчетах появляются сведения о библиотеках, сначала в Верхнеудинске, затем Нерчинске, Чите, Троицкосавске («небольшие, общественные..., не особенно богатые пока по своему содержанию»), а с последней четверти 1880-х гг. – о кружке любителей и литературы в Нерчинске, кружке любителей драматического искусства, музыки и пения в Чите «по

утвержденном Министерством уставу», общественном музее в Нерчинске, с 1890-х гг. – общественном музее в Троицкосавске, научных обществах (филиаций ИРГО) в Троицкосавске и Чите с библиотеками, различных обществах благотворительного, культурного, профессионального профиля, Народных домов (Верхнеудинск, Чита) и т. д.

Сведения о больницах, лазаретах, аптеках и медицинском персонале характеризуют развитие здравоохранения, а также поднявшийся уровень доверия к профессиональной помощи. Информация о деятельности городских дум, полиции, судов и благотворительных организаций раскрывает механизмы самоуправления и поддержания общественного порядка в специфических условиях приграничного региона с большим контингентом ссыльных.

Отчеты военных губернаторов Забайкальской области второй половины XIX – начала XX в. представляют собой уникальный и информационно насыщенный корпус документов, являющийся фундаментальным источником для изучения урбанизации восточной окраины Российской империи. Они зафиксировали ключевой переход к этапу индустриально-транспортной модернизации, катализатором которой стало строительство Транссиба.

Они позволяют выйти за рамки простой фиксации фактов строительства или роста населения. Через их призму, как показано выше, можно изучать «социально-инженерную» стратегию имперской власти по конструированию городского сообщества через управление миграционными потоками или трансформацию в транзитно-логистическую и торгово-промышленную городскую экономику, или формирование специфического публичного пространства через создание институтов городского общественного управления, образования, здравоохранения, благотворительности с фиксацией самоорганизации общества.

Несмотря на присущие Всеподданническим отчетам как официальным документам ограничения, при критическом подходе и использовании в комплексе с другими материалами, они открывают широкие возможности для реконструкции городской среды, анализа эффективности управленческих моделей и понимания исторической динамики Забайкалья в имперский период.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 346, 502, 992, 2273, 2501, 6898, 13749, 13880.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24 «Главное управление Восточной Сибири»; Ф. 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора».
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 859.

4. Обзор Забайкальской области за 1884 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области. Чита: Тип. Заб. обл. правления, 1885 г. 63 с.
5. Обзор Забайкальской области за 1890 год. Чита: Тип. Забайкальского областного правления, 1891. 36 с.
6. Обзор Забайкальской области за 1900 год. Чита: Забайкальского областного правления, 1901. 171 с.
7. Обзор Забайкальской области за 1901 год. Чита: Забайкальского областного правления, 1902. 163 с.
8. Отчёты губернаторов Оренбургской губернии: сб. документов / под ред. В. А. Ильиной, Е. Н. Новокрещеновой, К. Г. Ерофеева. Оренбург: [б. и.], 2016. 612 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XII. Отделение первое. 1837. От № 9825-10631. СПб.: В Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. № 10303. – июня 3. Высочайше утверждённый общий наказ Гражданским Губернаторам. С. 361–439.
10. Полное собрание законов Российской империи, по воле Императора Николая Первого издаваемое. Собрание 3. Т. 17. 1897. От № 13611–14860 и Дополнения. СПб.: Гос. тип., 1900. № 13950. – апреля 11. Высочайше утверждённая Программа для составления губернских отчетов. С. 170–171.
11. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 223. Д. 25, 426, 44, 61, 138, 177, 199, 200.

Сведения об авторе

Паликова Т. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, nnet2861@gmail.com

УДК 94 (571.54)

Забытый труд о забытой революции

Александр Васильевич Константинов¹,

Наталья Николаевна Константинова²

¹Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

²независимый исследователь, г. Чита, Россия

¹konstant1956@mail.ru, ²asyapogod@yandex.ru

Поводом для написания статьи послужил доклад о «государственном благоустройстве и благосостоянии Забайкальской области», подготовленный Советом Читинского отделения Императорского Российского географического общества (ИРГО) для подачи его российскому правительству. Посредством его комментирования преследуется задача показать взгляды забайкальской интеллигенции на кризисную социально-экономическую и социально-политическую ситуацию, сложившуюся в Забайкальской области в начавшейся революции 1905 г., на причины и пути выхода из неё. Следует напомнить научной общественности о том, что, несмотря на публикацию в «Записках» отделения, доклад до сего времени не был введён в научный оборот, оказался забытым, как и Первая русская революция в год своего 120-летия.

Ключевые слова: Первая русская революция, социально-экономическая ситуация, Забайкальская область, Читинское отделение ИРГО, интеллигенция

В 1905 г. в Чите вышел очередной, VII-й, выпуск «Записок Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества», издававшихся с 1895 г. в Чите. Если все предыдущие выпуски содержали научные статьи, посвящённые природе, истории и народонаселению Забайкалья, то весь этот выпуск имел единственное название – «Постановления отделения по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области» (далее – «Постановления...» или Доклад) [2]. Что побудило Читинское отделение, созданное для решения научных и просветительских задач, обратиться к вопросам «благоустройства

и благосостояния» края, т. е. вопросам социально-экономического и социально-политического характера?

Ответ на этот вопрос находим на первой странице издания. Сообщается, что «Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г. Верховной Властью признано за благо облегчить всем верноподанным непосредственно сказать своё слово государю». То есть частным лицам и организациям разрешалось подать в Кабинет министров предложения об усовершенствовании «государственного благоустройства». Ранее подобная практика, как и подача петиций, была запрещена. Как известно, попытка пе-

тербуржских рабочих вручить петицию царю в воскресный день 9 января 1905 г. закончилась кровавой трагедией, положившей начало Первой русской революции. Ответом на рост протестных выступлений стал царский Манифест 17 февраля, потребовавший усилить карательные меры против «злоумышленных вождей мятежного движения», а на следующий день – упомянутый выше указ. Вскоре на адрес отделения пришёл правительственный запрос о состоянии дел в Забайкальской области, на что надо было дать компетентный и подробный ответ.

Читинское отделение к тому времени действовало уже 10 лет и как первое в крае научно-просветительское общество, объединявшее немногочисленную интеллигенцию, считалось вполне авторитетным учреждением. Получив запрос, Совет отделения обратился ко всем членам с призывом «не стоять молчаливым зрителем в стороне от важных событий русской жизни и присоединить свой голос к голосу русского общества», т. е. надо было откликнуться на развернувшиеся в стране революционные события, разобраться в том, какие местные обстоятельства стали причинами народных волнений. Для подготовки данного Доклада была создана комиссия в составе Головачёва, Тыжнова, Вахтина, Кузнецова, Золотухина, Волкова, Лутохина, Севастьянова, Бирюкова, Белозерова, Смирнова, Эпова, Дунина-Барковского, Попова, Воротова (фамилии указаны без инициалов). Возглавил комиссию Д. М. Головачёв – председатель Читинского отделения ИРГО, руководитель Забайкальского переселенческого управления. После неоднократного обсуждения текст Доклада был принят на общем собрании членов отделения и 15 июня 1905 г. отправлен в столицу. Также было принято решение напечатать его в «Записках» отделения.

Несмотря на публикацию «Постановлений...», авторам данной статьи не встречались ссылки на данный документ в работах по Первой русской революции в Забайкалье. Он был забыт, а скорее проигнорирован, советской историографией революции, поскольку всё внимание историки уделяли изучению марксистских политических объединений. Его не ввели в исследовательский оборот и в постсоветский период теперь уже в связи с изучением роли немарксистских объединений (неонародников, либералов, консерваторов, сибирских областников). Выпуск «Записок» с «Постановлениями...» оказался библиографической редкостью и сохранился лишь в единственном экземпляре в библиотеке Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.

Итак, в данном документе говорилось, что события в стране происходят «под влиянием упорной и истощающей силы России борьбы на Дальнем Востоке и внутренних неурядиц». Поэтому «долг и совесть велит сказать правдивое слово» о положении дел в Забайкальской области, чтобы в дальнейшем «и наша окраина вышла на светлую и широкую дорогу». Как известно, уже в феврале 1905 г. в стране бастовали сотни тысяч рабочих, а вскоре состоялись первомайские выступления. Все это происходило в условиях продолжавшейся Русско-японской войны, когда армия терпела поражения (под Мукденом, в Цусимском проливе), и Забайкалье, которому «нелегко даются эти испытания», как говорилось в Докладе, оказалось «в ряду первых боевых позиций государства».

Уделяя основное внимание состоянию дел в Забайкальской области, Доклад отмечал, что долгое время «кровные нужды Забайкалья и его разноплеменного населения слабо доходили до центрального правительства», а местная администрация не в силах была «всесторонне выяснить и представить правительству нужды края». В результате по-прежнему «самые элементарные потребности населения остаются неудовлетворёнными», «сказать о них громкое слово некому», так как край обеднён «интеллигентными силами и лишён местного самоуправления».

В отношении благосостояния говорилось, что русское крестьянское население сплошь неграмотно и первобытно невежественно, 90 процентов детей крестьян не посещает школу. Две мобилизации 1900 и 1904 гг. в связи с китайским походом и русско-японской войной обрушили благосостояние казачьего населения, «некому заняться ни посевом, ни сбором хлеба». В целом экономическое состояние подавляющего большинства жителей края, а это, как известно, сельское население, приходит в упадок. В то время как Забайкалье обладает обширными сельскохозяйственными угодьями, его жители довольствуются привозными из Маньчжурии и Монголии хлебом и скотом.

Доклад касался положения «инородцев» – орочен и бурят, численность которых насчитывала 180 тыс. чел. Говорилось, что это население резко обособлено, остаётся культурно отсталым. Вследствие спаивания водкой и распространения сифилиса происходит вымирание орочен в северных районах. Отмечалось, что более стойкое бурятское население, отстаивающее свою самобытность, тем не менее, испытывает постоянное давление на свой исконный кочевой быт, с которым ведётся борьба «неразумными средствами». В то же

время отмечалось их стремление к образованию, что подтверждалось их значительным денежным вкладом в строительство гимназии в Чите.

В «Постановлениях...» говорилось и об отсутствии для населения края медицинской помощи, что люди вынуждены лечиться у знахарей, шаманов и лам. Отмечалось, что города и сёла остаются сплошь не благоустроенными, что умственных и духовных запросов у населения нет и быть не может. В то время как Забайкальская область обладает огромными дарами природы, ее местная промышленность не развивается, находится в полном упадке. Важнейшей причиной слабого промышленного развития Забайкалья назывался факт владения всей его восточной частью Кабинетом Его Величества, которое препятствует разработке его горных богатств со стороны частных предпринимателей. Другой причиной называлась Нерчинская каторга, навязавшая Забайкалью прочный образ «края каторги и ссылки», и это когда по всей Сибири ссылка отменена!

Как видно, само содержание Доклада свидетельствовало о накопившихся глубинных проблемах («неустройствах»), которые власти не были способны решить. Доклад чётко формулировал основную причину всех «неустройств», заключающуюся в «полицейско-бюрократической опеке» над краем со стороны правительства и в полном отсутствии широкой самостоятельности населения. В нём также отмечалось, что местная пресса, находясь под давлением цензуры, не способна выступать проводником местных общественных интересов, и что администрация в малейшем проявлении живой частной инициативы видит опасность для государственного порядка.

Кроме причин «неустройств» в крае авторы Доклада называли и пути их решения. Предлагалось создание народного представительства от всех граждан без различия вероисповедания, сословия, народности и пола. Представительство, как отмечалось ими, невозможно без признания свободы вероисповедания, слова, печати, союзов, собраний, равенства всех перед законом и полной амнистии по политическим и религиозным мотивам. Поэтому Отделение ИРГО признавало, что только свободное широко организованное местное земское самоуправление способно обеспечить справедливое разрешение местных вопросов и скорое удовлетворение местных нужд. На тот период развития революционной волны (первая половина 1905 г.) эти предложения звучали весьма смело, можно сказать, являлись радикальными заявлениями со стороны активистов Читинского отделения

ИРГО, видевшими пути благоустройства края в решении политических проблем!

Таким образом, «Постановления...», подготовленные забайкальской интеллигенцией, объединявшейся вокруг Читинского отделения ИРГО, свидетельствовали о её вовлеченности в революционный процесс и её оппозиционных настроениях в отношении к власти. Несомненно, они отражали либеральные взгляды местной интеллигенции. После публикации октябрьского Манифеста для неё появилась возможность опубликовать изложенную в «Постановлении...» свою позицию на страницах газеты «Забайкальская новь», издававшейся в Чите председателем Читинского отделения ИРГО Д. М. Головачёвым. Как известно, активный участник революционных событий в Чите в 1905–1906 гг. А. К. Кузнецов был приговорён к смертной казне, заменённой каторжными работами. Участие в событиях революции других авторов Доклада ещё предстоит выяснить. Заметим, что данный Доклад являлся единственным примером обращения забайкальской общественности в лице Читинского (Забайкальского) отделения ИРГО в правительство по вопросу «государственного благоустройства и благосостояния» края.

В 2005 г. исполнилось 100 лет с начала Первой революции в России, однако государственное руководство предпочло избрать тактику замалчивания этого события, представляется, что забыло дать распоряжение отметить юбилей. И хотя у российского общества в целом, как видится, не был замечен интерес к юбилею («опальной революции»), научное сообщество откликнулось на него, издав фундаментальную монографию «Первая революция в России: взгляд через столетие» (тираж 800 экз.) [1]. Спустя двадцать лет, в 2025 г., на фоне всё более углубляющейся девальвации революционных тем и перевода их в опалу очередной юбилей Первой русской революции, 120-летие, вновь был забыт властями, а поэтому и проигнорирован так называемыми свободными СМИ.

Как видим, вся эта «забывчивость» диктуется кардинальным изменением оценок революций со стороны российской правящей элиты. Отвергается революционный процесс в целом, как поступательное развитие, обществу навязывается взгляд на революцию, как на бессмысленный и беспощадный российский бунт. Эти антинаучные трактовки озвучиваются клерикально-монархической пропагандой, исходящей из телевизионных передач таких каналов как Спас, от некоторых журналистов и телеведущих, а их видеопродукция даже рекомендуется к просмотру в образователь-

ных учреждениях. С экранов телевизоров нам навязывается мысль, что события 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье) – это провокация, устроенная либералами, что в петиции были оскорбления в адрес царя. А подписание царём Манифеста 17 октября – это досадное недоразумение, проявление царской слабости, приведшее к углублению русской смуты.

Выходит, что, с точки зрения «современных взглядов», в революционных событиях в Чите виновны не только революционеры (Бабушкин, Курнатовский, Костюшко-Валюжанич и др.), но и либералы (в том числе активисты Читинского отделения РГО). Следуя этой логике, не исключено, что «спасителями Отече-

ства» скоро будут объявлены генералы-каратели Реннекамф и Меллер-Закомельский, считавшие Читинскую губернию «гидрой сибирской революции». Однако в кровавых российских событиях 1905 г. были виновные, и прежде всего те, в чьих руках была власть. Всё это привело к возникновению революционного движения, а затем и к революционным потрясениям в крае. На наш взгляд, либеральные взгляды забайкальской интеллигенции, частично объединенной Читинским отделением ИРГО, изложенные в «Постановлении...», давали объективную картину «внутренних неурядиц» и пути, которые могли привести к «государственному благоустройству» края.

Список литературы

1. Первая революция в России: взгляд через столетие / под ред. А. П. Корелина, С. В. Тютюкина. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
2. Постановления отделения по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. VII. Чита: Типо-литография Торгового Дома «П. А. Бадмаев и К°», 1905. 14 с.

Сведения об авторах

Константинов А. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, konstant1956@mail.ru

Константинова Н. Н. – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Чита, Россия, asyarogod@yandex.ru

УДК [94 + 342.53 + 351.755] (571.54)

Избирательный процесс в Забайкальской области: военные губернаторы на страже законности и порядка

Анастасия Алексеевна Кружалина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
kliokrua@yandex.ru

В статье рассматривается деятельность забайкальских военных губернаторов по организации и сопровождению избирательного процесса по выборам депутатов Государственной Думы Российской империи в 1906–1912 гг. На материалах фондов региональных и федеральных архивов, периодической печати и других источников автор характеризует полномочия руководителей Забайкальской области и используемые ими способы воздействия на избирательный процесс в регионе.

Ключевые слова: военный губернатор, выборы, депутаты, Забайкальская область, избирательный процесс

Одним из «завоеваний» Первой русской революции стало создание Государственной Думы Российской империи. Однако сценарий её создания представители власти и общества видели по-разному. Куриальный принцип с множеством цензовых ограничений был неременным условием создания законодательного органа по мнению императора и членов правительства, при этом изначально предполагалось вовсе исключить из избира-

тельного процесса не только женщин, лиц моложе 25 лет, осужденных и находящихся под следствием, студентов, военнослужащих и чинов полиции и региональной администрации, но и инородцев и представителей рабочего класса.

Спешно подготовленное «Положение о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г. определяло порядок избрания депутатов и устанавливало квоты представительства

в парламенте для губерний европейской части России. Предполагалось избрать всего 412 депутатов, 28 из которых должны были представлять население крупных городов [3, с. 28–29]. При этом избранники от губерний окраинных территорий Российской империи в это число не входили.

Такой «рафинированный» характер парламента не устраивал массы революционно-настроенного населения. Большевики и прочие революционные организации призывали бойкотировать выборы, а волна народного негодования продолжала нарастать. В Азиатской России народные волнения достигали существенного размаха.

«Булыгинская» Дума осталась только на бумаге, так как в разгар революционных выступлений осенью 1905 г. Николай II пошёл на большие уступки, расширив полномочия Думу до законодательного органа, что было юридически закреплено Манифестом от 17 октября 1905 г. и новым «Положением о выборах в Государственную Думу» [19]. Новое положение определяло общее количество депутатов Российской империи в количестве 524 (в том числе 36 от городов) [Там же, с. 111–113], и подтверждало право жителей Забайкальской области на трех депутатов [Там же, с. 100–106].

17 марта 1906 г. по указу императора Николая II Забайкальская область перешла из Приамурского генерал-губернаторства в состав Иркутского [13, л. 1]. Все избирательные процедуры в области оказались таким образом под контролем Иркутского генерал-губернатора.

В это время правительство пыталось упорядочить ситуацию с выборами депутатов дополнительными разъяснениями и уточнениями, в том числе были обнародованы многочисленные «Правила о производстве выборов в Государственную Думу», касающиеся населения окраинных территорий империи, включая Азиатскую Россию. 22 апреля 1906 г. были утверждены «Высочайшие правила о применении к областям Амурской, Приморской и Забайкальской «Положения о выборах в Государственную Думу» и дополнительных к нему узаконений» [3, с. 11–17]. По ним населению Забайкальской области предоставлялось право избрать 3 депутатов: по одному от инородцев, от войскового населения Забайкальского казачества и от прочего населения [Там же, с. 16].

Выборы в I Государственную Думу не коснулись населения Забайкальской области, так как, по свидетельству полковника Л. Н. Бельковича, на тот момент начальника штаба войск Забайкальской области, «про Читу тогда

рассказывали нечто невозможное: говорили, что там полная анархия, что губернатор [Холщевников – А. К.] и командующий войсками в этом городе находятся всецело в руках революционеров, посещают их митинги и будто бы сочувствуют образу действий «просвещенных товарищей» [2]. В историографии этот период именуется «Читинской республикой», которая прекратила свое существование благодаря карательной экспедиции А. Меллер-Закомельского и П. Ренненкампа. В Забайкальской области было введено военное положение, а новым военным губернатором 23.02.1906 г. был назначен А. В. Сычевский, который в качестве ближайшего помощника П. Ренненкампа ещё в январе 1906 г. прибыл в Читу для наведения порядка в регионе. Обезопасив себя присутствием надежных частей 17-го Восточно-Сибирского полка Сычевский, вступил в переговоры с руководителями революционных организаций, вследствие чего рабочие и части железнодорожного батальона начали сдавать оружие. Таким образом, была сорвана организация вооруженной обороны Читы [23].

Во II созыве уже присутствовали депутаты от Забайкалья, однако их депутатская карьера продлилась недолго. Первые два созыва Государственной Думы по партийному составу и идейным предпочтениям депутатов не оправдали ожиданий власти, т. к. были настроены оппозиционно к правительственным проектам, в том числе по аграрному вопросу. Невозможность налаживания конструктивного диалога спровоцировала беспрецедентный шаг императора – изменение избирательного закона в пользу «проправительственным» сил. «Третьеиюньский переворот» значительно сократил количественный состав депутатов до 442 по империи в целом. Число парламентариев от Азиатской России было урезано до 14 (вместо 24) [18, с. 95–96]. Забайкальской области по новому избирательному закону полагалось два депутата (от войскового населения Забайкальского казачьего войска и от прочего населения).

Избирательные кампании в Забайкальской области выпали на периоды руководства регионом следующих военных губернаторов: 2 и 3 созыв – М. И. Эбелов, 4 созыв – А. И. Кияшко. 25 октября 1906 г. Михаил Исаевич Эбелов был назначен военным губернатором и командующим войсками Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальских казачьих войск. 10 ноября 1906 г. он был представлен императору [22] и императрице [21] в Санкт-Петербурге и до 1 октября 1910 г. ревностно исполнял свои обязанности на этом посту главы области. Далее был переведен

помощником командующего войсками Иркутского военного округа.

23 марта 1912 г., перед началом избирательной кампании в IV Государственную Думу, область возглавил Андрей Иванович Кияшко, выполнявший обязанности военного губернатора до 1917 г.

Общую координацию избирательных процедур осуществляло Министерство внутренних дел. Указом императора Николая II, по предварительному согласованию с генерал-губернатором и губернаторами, определялись даты проведения губернских и областных избирательных съездов. Городские съезды избирателей и съезды уполномоченных от крестьянских и инородческих волостей назначал губернатор по согласованию с генерал-губернатором [12, л. 19–20; 14, л. 43; и др.]. Состав областной и уездных избирательных комиссий определялся приказом военного губернатора на основании «Высочайше утвержденных правил по выборам в Государственную Думу от областей Амурской, Приморской и Забайкальской» [15–17].

В задачу губернатора входило взаимодействие с избирательными комиссиями, координация их деятельности и контроль за недопущением нарушений регламента. Последнее, в условиях отсутствия опыта проведения избирательных кампаний как у населения, так и у должностных лиц, было нередким явлением. Губернатор имел право опротестовать результаты выборов с последующим аннулированием процедуры избрания выборщиков, либо организацией дополнительного дня голосования. Данные процедуры также санкционировались Забайкальским военным губернатором [6, л. 7; 10, л. 4; 4, л. 1 и др.]. От того, насколько «профессиональными» и своевременными были его решения зависела не только судьба Российского парламента, но и его собственное продвижение по карьерной лестнице. Например, генерал-майор М. И. Эбелов по завершению выборов во II Государственную Думу Высочайшим указом был произведен в чин генерал-лейтенанта [1, с. 31]. Во второй созыв Государственной Думы от Забайкальской области прошли кадеты и симпатизировавшие им: Д. А. Кочнев, Б.-Д. Очиров и С. А. Таскин. В условиях преобладания в Думе «левых», а также с учетом революционного прошлого региона, этот факт был отмечен в Санкт-Петербурге как свидетельство качественной работы главы области.

После издания нового избирательного закона правительство рекомендовала региональным властям бдительнее относиться к предоставлению избирательных прав населению.

Из столицы поступали многочисленные «разъяснения», которые на практике приводили к лишению избирательных прав внушительных групп населения, не соответствовавших цензовому регламенту. При этом губернаторы и приставы в провинции тоже вносили «свою лепту», определяя способы толкования избирательного законодательства. Например, казаки, инородцы и крестьяне не могли быть включены в избирательные списки в городах, даже если они осуществляли в их пределах законную деятельность. Евреи без права постоянного жительства подлежали исключению из избирательных списков [12, л. 34, 36].

Губернатор получал объемные сведения о ходе выборов на вверенной ему территории не только для формирования собственного обзорного мнения, но и для дальнейшей отчетности о результатах избирательных процедур перед Иркутским генерал-губернатором и МВД. По результатам выборов губернатор направлял в Иркутск развернутую справку с характеристикой избранных депутатов.

Так, 26 октября 1907 г. М. И. Эбелов телеграфировал Иркутскому Генерал-Губернатору о том, что в вверенной ему области выборы депутата Государственной Думы «25 октября прошли совершенно спокойно в полном порядке» [14, л. 93], прилагая к этому справки на избранных А. А. Войлошникова [20, л. 50, 52] и Н. К. Волкова [14, л. 93–101 об.; 20, л. 43–45].

Военный губернатор Забайкальской области характеризовал Н. К. Волкова как «умственно развитого и не лишенного природного ума», пользовавшегося влиянием среди населения Читы, примыкавшего к партии кадетов, а в аграрном вопросе «к политическим группам левее конституционалистов-демократов». Взгляды А. А. Войлошникова Эбелов характеризовал как «не видевшего в своей жизни ничего, кроме сурового и малокультурного Забайкалья» беспартийного, но «безотчетно блуждающий между вожделий левых партий по аграрному вопросу», намерен «придерживаться в Государственной Думе той казачьей партии, которая окажется сильнее» [Там же, л. 93–101 об.].

В период работы парламентарием А. А. Войлошников окончательно солидаризировался с социал-демократами, что автоматически превращало его в нежелательную кандидатуру в депутаты IV созыва. Военный губернатор А. И. Кияшко, руководствуясь «буквой закона», опротестовал включение Войлошникова в число избирателей, указав на него, как лицо «неудовлетворяющее требуемым законом условиям ценза» [8, л. 1, 1 об.],

а именно: невозможность постоянного проживания и ведения хозяйства на территории Забайкальской области в период его депутатства в III созыве Государственной Думы. Областная избирательная комиссия 8.10.1912 г. постановила отменить включение А. А. Войлошникова в список избирателей [Там же, л. 3, 4]. И никакие заверения самого Авида Андриановича в том, что он «не прерывал связи со своим хозяйством, нанимал работников и покупал сельскохозяйственные машины» [8, л. 5 об.] не помогли исправить ситуацию. Как и жалоба Войлошникова в высшую инстанцию, Правительствующий Сенат [7, л. 9, 9 об.]. Заметим, что для минимизации представителей «левых» в парламенте региональные власти империи неоднократно использовали подобную практику. В том числе на территории Иркутского генерал-губернаторства (например, в случае с В. Е. Мандельбергом в Иркутской губернии в период избирательной кампании в III Государственную Думу).

Таким образом, военные губернаторы Забайкальской области в 1906–1912 гг. оказывали существенное влияние на логику и ход избирательного процесса в регионе. В их

компетенцию входило комплектование состава областной и уездных избирательных комиссий; определение дат проведения волостных сходов, уездных и городских избирательных съездов по определению выборщиков на областной съезд. Также военные губернаторы выступали важным звеном в вопросах координации действий членов избирательных комиссии, транслируя последним волю Иркутского генерал-губернатора и Министерства внутренних дел Российской империи. Находясь на страже интересов престола, они стремились всячески содействовать укреплению верноподданнических настроений избирателей и «правильному» выбору лояльных власти парламентариев, опираясь на силу имперского законодательства. Однако общество не разделяло этих идей, вследствие чего за всю дореволюционную историю функционирования Государственной Думы Забайкальскую область в ней представляли оппозиционеры, симпатизировавшие в большинстве своем кадетам, а также социал-демократам (А. А. Войлошников). Это сыграло не последнюю роль в сменяемости военных губернаторов Забайкальской области.

Список литературы

1. Баринов А. О. Тернистое начало. К 110-летию российского парламентаризма: забайкальские страницы истории (1906–1918). Чита: Экспресс-изд-во, 2016. 176 с.
2. Военный губернатор Аркадий Сычевский. Текст: электронный // Амурская правда. 2006. URL: <https://ampravda.ru/2006/07/28/5103.html> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Высочайше утверждённое 6 августа 1905 года положение о выборах в Государственную Думу с дополнительными к нему узаконениями. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1906. 187 с.
4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 27. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 104.
6. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 20.
8. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 21.
9. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28.
10. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 29.
11. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 2. Д. 7.
12. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 2. Д. 14.
13. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 25. Оп. 3. Д. 1733.
14. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3357.
15. Забайкальские областные ведомости. 1906. № 172.
16. Забайкальские областные ведомости. 1907. № 78.
17. Забайкальские областные ведомости. 1912. № 87.
18. Положение о выборах в Государственную думу. СПб.: Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмой Законоведение, 1912. 178 с.
19. Положение о выборах в Государственную думу. СПб.: Издание Министерства внутренних дел, 1907. 228 с.
20. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1278. Оп. 3. Д. 20.
21. Русский инвалид. 1906. № 248. С. 2.
22. Русский инвалид. 1906. № 249. С. 4.
23. Шиндялов Н. А. Первая русская революция на Амуре. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во Амурское отд., 1985. 94 с.

Сведения об авторе

Кружалина А. А. – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, kliokrua@yandex.ru

УДК 94 (571.5)

Военный губернатор А. И. Кияшко на страницах журнала «Забайкальские епархиальные ведомости»

Галина Васильевна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
chita131957@yandex.ru

Взаимоотношения общества и власти всегда были в центре внимания исследователей. Обращение к личности последнего военного губернатора и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Андрея Ивановича Кияшко дает возможность проследить гражданское и военное управление областью (1912–1917). Для своего исследования в качестве источника автор обращается к публикациям в журналах «Забайкальские епархиальные ведомости», чтобы рассмотреть службу губернатора «За веру, царя и Отечество».

Ключевые слова: военный губернатор, наказной атаман Забайкальского казачьего войска, журнал «Забайкальские епархиальные ведомости», духовенство, станица, казаки

Интерес к личности Андрея Ивановича Кияшко сформировался у автора под влиянием романа К. Седых «Даурия», где присутствует сцена покушения на военного губернатора. Причем мы не найдём в романе описания внешности Андрея Ивановича, здесь переданы его эмоции: «Кияшко потянулся к ней за прощением..., в ужасе заслонился рукой... отделался только испугом... хрипло, злым голосом спросил женщину... – Убрать её, мерзавку! – побагровев, истерически вскрикнул Кияшко» [15, с. 160]. Из текста можно понять, что военный губернатор не имел телохранителей, прошение с просьбой мог подать любой человек в любое время и в любом месте.

Создать четкое представление о последнем военном губернаторе Забайкальской области и наказном атамане Забайкальского казачьего войска стало возможно благодаря кропотливой работе в архивах и последующих публикациях краеведов – Т. А. Константиновой [10; 11] и А. О. Барина [1] и др.

Потомственный кубанский казак А. И. Кияшко, получивший прекрасное образование, проявивший себя, как в строевой, так и в штабной службе. Годы службы, полученные знания и навыки пригодились на новом месте, ведь должность военного губернатора предполагала как гражданское, так и военное управление Забайкальской областью. С возложенными на него обязанностями, А. И. Кияшко справился, став Почётным гражданином г. Читы [16, с. 585], а в определении исследователей – «один из самых эффективных губернаторов» [1, с. 196].

В стремлении раскрыть личность и деятельность последнего губернатора Забайкальской области, автор обратился к источнику религиозной направленности, а именно к журналу «Забайкальские епархиальные ведомости». Статьи данного периодического издания раскрывают деятельность военного губернатора и наказного атамана А. И. Кияшко, приводят факты его взаимодействия с духовенством Забайкальской епархии. Эта сторона его деятельности нашла высокую оценку на пастырском собрании в покоех его преосвященства 23 февраля 1917 г. и засвидетельствована в особом адресе: «Принимая во внимание особливую близость его Превосходительства к духовенству епархии, его всегда неизменно-благожелательное отношение, сочувствие и содействие ему в путях пастырского и патриотического служения Церкви, Царю и Родине местное духовенство телеграммой выражает сожаление по случаю оставления им Забайкалья» [9, с. 159].

На чем основывается эта оценка? На страницах журнала «Забайкальские епархиальные ведомости» в разделе «Епархиальная хроника» сообщается о присутствии военного губернатора вместе с епископом Иоанном на общем собрании членов братства Свв. Кирилла и Мефодия по случаю трехлетней деятельности братства. А. И. Кияшко отметил положительную деятельность Кирилло-Мефодиевского братства и назначил пособие на содержание учрежденных им яслей (ок. 400 руб.). Члены Братства искренне благодарили военного гу-

бернатора и «осмеливались считать его своим пожизненным членом» [4, с. 145].

Присутствовал Андрей Иванович и на освящении храма во имя св. великомученика Дмитрия Солунского-Мироточивого во вновь выстроенном здании Мариинского детского приюта и самого этого здания [13, с. 683]. Принимал участие во встрече особо чтимых в Забайкальском крае святынь – иконы Селенгинского Свято-Троицкого монастыря Святителя Николая, Мирликийского Чудотворца, и Иргенской иконы св. великомученицы Параскевы-Пятницы (5 октября 1914 г.). В епархиальной хронике отмечается «за св. иконами и хоругвями двигалась громадная масса народа и войска во главе с военным губернатором области г-л. А. И. Кияшко» [5, с. 835].

Данной ему властью, издал распоряжение г. г. крестьянским начальникам и атаманам военных отделов «воспретить волостным старшинам, сельским старостам и станичным и поселковым атаманам, и вообще сельским властям производить дознания над духовными лицами по жалобам на них прихожан». К нему прилагалось разъяснение, согласно которому «каждое заинтересованное лицо должно непосредственно обращаться с жалобой к благочинному или архиерею, но, этим, однако, не исключается возможность подачи жалоб мне, как высшему представителю власти в области» [6, с. 467]. За этими хрониками проявляется личность А. И. Кияшко, разделяющая учение и охраняющая православную веру, поддерживающая милосердие и справедливость, призывающая к святым заповедям всё население вверенной ему Забайкальской области.

В тяжелые годы военных испытаний Первой мировой войны, взаимодействие с представителями Забайкальской епархии приобрело определенное целеполагание: сплотить всех жителей, чтобы общими усилиями ослабить тяжелые последствия войны для Отечества; поддержать славное Забайкальское казачье войско в его победах, помочь нуждающимся, потерявшим кормильцев на поле брани. Для этого генерал-лейтенант А. И. Кияшко обращается «ко всем без различия веры, звания и национальности с покорнейшей просьбой: откликнитесь на призыв Правительства со всею готовностью и исполните Ваш долг до конца (речь идет о внутреннем краткосрочном займе в три миллиарда рублей, объявленном правительством)» [8, с. 773].

Вместе с забайкальским духовенством А. И. Кияшко организует, присутствует и выступает на молебнах и манифестациях. Он обращается к собравшимся жителям в храмах и на площадях с патриотическими речами, сообща-

ет о победах на фронтах, особо отмечает героизм отрядов Забайкальского казачьего войска. «Забайкальские казаки показали такие чудеса храбрости и такую непоколебимую и несокрушимую стойкость против врага, во много крат превосходившего их численностью, что не только заставили говорить о себе с восхищением в рядах прочей армии, но и в ставке Верховного Главнокомандующего» – доводит до сведения собравшихся А. И. Кияшко [7, с. 61].

Особо интересна заметка о взаимодействии губернатора с учащимися (их собралось 6 000) учебных заведений г. Читы во время торжественного молебна о ниспослании нашему победоносному воинству победы над врагом (18 сентября 1914 г. на Атамановской площади). Военный губернатор генерал-лейтенант Кияшко присутствовал с преосвященным Иоанном и всем городским духовенством.

После молебствия Андрей Иванович обратился с речью ко всем учащимся. Он говорил о том, что с началом войны все народности забыли свои былые неудовольствия и пришли на защиту дорогого отечества. «Дети должны терпеливо ждать радостного для России конца войны. Пока же им следует, не теряя ни одной минуты, прилежно заниматься, ибо России нужны образованные и интеллигентные силы. В конце своей речи губернатор сказал, что «завидует им, малышам, хотя он по своей натуре не является завистником, что на их долю выпадет огромная роль участия в великольном преобразовании будущей России» [12, с. 777–778].

В разгар военных действий на территории области проходят административные преобразования, которые, по мнению автора, имеют глубокий патриотический смысл. Речь идет о переименовании поселений Забайкальского казачьего войска в «память бывшего Наказного Атамана Забайкальского казачьего войска, генерала Хорошхина... Атамана 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска, полковника Толстихина... защитника Порт-Артура генерала Кондратенко... бывшего Войскового Наказного Атамана Забайкальского казачьего войска, генерала от инфантерии Селиванова и др.» [14, с. 241].

Кстати, по приговору казачьего сбора 16 июня 1915 г. одна из станиц Нерчинского уезда стала именоваться Кияшковой. Основанием для этого стала четырехлетняя деятельность генерала, его кипучая работа на пользу края. Казаки решили, что имя генерала Кияшко должно быть увековечено в истории Забайкалья.

Среди публикаций журнала «Забайкальские епархиальные ведомости» можно найти интересные данные о посещении начальником

Забайкальской области и наказным атаманом генерал-лейтенантом А. И. Кияшко станицы его имени. Сопроводять А. И. Кияшко в его поездке с благословения архипастыря был назначен свящ. Богоявленский, который стал биографом губернатора, позволяя отметить, что личность Андрея Ивановича уже в годы его службы стала объектом изучения [2; 3].

Свои чувства он описывает следующими словами: «...признаюсь, с тяжелым чувством я ехал на это торжество. Небывалая обстановка, высокие гости и в перспективе – проповедование – все это крайне смущало меня. Но с другой стороны желание ближе познакомиться с всегда интересующей меня личностью Андрея Ивановича Кияшко, желание побывать в новых для меня местах Забайкалья и, наконец, сознание того, что в будущем мне, вероятно, не придется бывать на таких выдающихся торжествах, – переселили мою нерешительность...» [2, с. 526].

Поездка оправдала ожидания, т. к. в неофициальной обстановке, выявилась та простота и доступность Андрея Ивановича, благодаря чему к нему в Чите идут с радостью и горем просители всевозможного звания. Особое впечатление на свящ. Богоявленского произвело пребывание в Нерчинске, в котором были посещены все учреждения, подведомственные Военному губернатору и учебные заведения, был устроен обед, читался адрес. А ещё оказалось, что нерчугане и губернатор удивительно сродни друг другу – им присущи простота в обращении, единство во взглядах, отсутствие официальности.

О простоте в общении с населением свидетельствует и устроенный обед в станице Кияшковской. Он был приготовлен по старинному русскому обычаю, обед для всех желающих; отличался строгой простотой, отсутствием крепких напитков. Присутствующие были очарованы тем гостеприимством и радушием, с каким угощали гостей на обеде «высокие хозяева Андрей Иванович и Елена Ивановна Кияшко», чувствовали себя по-домашнему, просто.

Христианские чувства и верность традициям нашли отражение в подарке, который преподнес генерал Кияшко одноименной ему станице. По обычаю своих предков – запорожцев, он предложил украсить Кияшковский храм «драгоценной киотой с иконами». «Этот дар во все последующие годы будет служить видимым знаком единения власти с народом и выражением христианской настроенности жертвователя» [Там же, с. 524]. Все церковные торжества проходили при большом стечении народа; литургия, молебен, всенощ-

ная, песнопения хора каторжан, крестный ход производили огромное впечатление на присутствующих.

Наибольшее впечатление на свящ. Богоявленского произвела гражданская часть торжества... парад! – «Удивительное дело! Все казаки имели отличия за войны, а добрая половина выстроившихся – георгиевские кавалеры». Именно здесь А. И. Кияшко раскрылся как наказной атаман Забайкальского казачьего войска, кадровый офицер. Он обращается властным голосом, зорко всматривается в формы и лица казаков. Со слезами в голосе, взволнованный он обещал сделать все возможное в его средствах и власти для благоустройства станицы, он обещал помнить кияшковцев до конца дней своих [3, с. 563–564].

Не обошлось и без сюрпризов. Генерал-лейтенант А. И. Кияшко вызвал из строя 17 старых казаков и 3 казачат в возрасте лет 14-ти и обратился к казакам: «Вы когда-то служили нашему Государю верой и правдой, проливали свою кровь за отчизну в войне с китайцами и японцами. За эту былую Вашу заслугу и в ознаменование сегодняшнего дня я, властью, данной мне Государем, произвожу вас в звание урядников, одного – вахмистром. Поздравляю вас». Снова громогласное «ура!».

И обратившись к казачатам сказал: «Вы казачата, по наведенным мною справкам, оказались хорошими и послушными детьми. Кроме того, вы обещаете быть хорошими казаками т. к. вчера я видел вашу хорошую джигитовку. Будьте такими и вперед, показывайте собою пример товарищами. Чтобы наградить вас за ваше благоповедение, поощрить и впредь быть хорошими казаками, я, по примеру, практикующемуся в Кубанском войске, возвожу вас в звание урядников. Поздравляю вас, казачата, урядниками! Снова возгласы «ура»! Казачата и все присутствующие не ожидали такого оборота дела. Всех поразило возведение малышей в звание урядников, и вместе обрадовало» [Там же, с. 565–566].

Свящ. Богоявленский выполнил свою миссию и, очевидно, получил необходимые для его интереса сведения о человеке – начальнике – казаке – приятном собеседнике военном губернаторе и наказном атамане Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанте Андрее Ивановиче Кияшко. В своих публикациях он сообщает «Я видел отношения к простому казаку его атамана, я видел радость казаков при встрече со своим начальником, я видел хорошую, разумную власть русского администратора в единении любви с народом» [Там же, с. 569].

Тогда в далеком 1916 г. хотелось верить в текст адреса, поднесенного А. И. Кияшко одним учреждением: «Вы, генерал, с редким счастли-

вым сознанием и спокойною совестью можете сказать себе: «много хорошего совершил»... И еще совершите... добавим мы от себя...

Список литературы

1. Баринов А. О., Константинова Т. А. Посланцы императоров – правители Забайкалья (1851–1917). Новосибирск: Деал, 2024. 224 с.
2. Богоявленский В. Торжества в ст. Кияшковой 29 мая 1916 года // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 14–15. С. 524–528.
3. Богоявленский В. Торжества в ст. Кияшковой 29 мая 1916 года // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 16. С. 561–569.
4. В Братстве свв. Кирилла и Мефодия // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 11. С. 145.
5. Встреча святынь // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 835–836.
6. Г. г. Крестьянским Начальникам Забайкальской области и Атаманам военных отделов Забайкальского казачьего войска // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 14. С. 467–468.
7. Геройские подвиги забайкальского казачества на поле брани // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 2. С. 60–63.
8. К населению ВЫСОЧАЙШЕ вверенной мне области. От Военного Губернатора Забайкальской области и Наказного Атамана Забайкальского казачьего войска // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 22. С. 771–773.
9. К отъезду Военного Губернатора // Забайкальские епархиальные ведомости. 1917. № 5. С. 159–160.
10. Константинова Т. А. Кияшко А. И. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 84.
11. Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья. (1851–1917). Чита, 2001. 91 с.
12. Моление всех учащих г. Читы о ниспослании победы // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 775–778.
13. Освящение храма и здания Мариинского приюта в Чите // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 24. С. 682–683.
14. Приказ Забайкальскому казачьему войску 22 марта 1916 г. № 248 // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916. № 8. С. 241–242.
15. Седых К. Даурия: в 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. Т. 1. 427 с.
16. Юбилей // Забайкальские епархиальные ведомости. 1916, № 16. С. 583–586.

Сведения об авторе

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

УДК [94+631] (571.54)

Документы по дореволюционной истории еврейской общины Забайкалья в Государственном архиве Забайкальского края

Лилия Владимировна Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

kalminal@gmail.com

В статье анализируются документы из фондов Государственного архива Забайкальского края, содержащих информацию о дореволюционной жизни еврейских общин в Забайкальской области. Автор придерживается сложившейся традиции их деления на «внешние», отражающие взаимодействия еврейских общин с властью и социумом, и «внутренние», характеризующие культурную и религиозную жизнь еврейского общества.

Ключевые слова: Т. А. Константинова, Государственный архив Забайкальского края, фонд, коллекция документов, евреи, военный губернатор, право жительства, место причисления, метрические книги

Финансирование: статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026–2030 гг.: «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности» № 126020516676-6.

Тема статьи продиктована воспоминаниями о совместной работе с Татьяной Андреевной Константиновой. Много лет назад я впервые перешагнула порог Государственного архива Забайкальского края (тогда еще – Читинской области) в поисках документов о дореволюционной жизни сибирских евреев, история которых стала темой моей докторской диссертации. В архиве нужно обычно находишь не сразу: необходимо время, чтобы сориентироваться в массиве документов. Но в Чите мне очень повезло: Татьяна Андреевна стала моим проводником по фондам, и период «порожняка» (так я называю время непродуктивных поисков) спрессовался буквально в пару дней. Она подсказала мне, где могут быть документы по теме, всегда интересовалась результатами моих изысканий, следила, чтобы у меня не было простоев и все мои заказы выполнялись незамедлительно – часто даже в обход установленных нормативов выдачи дел. Её постоянная заинтересованность позволила мне поработать максимально продуктивно. Эта статья – дань ее памяти...

Помимо обычной классификации источников документы по истории еврейского народа исследователи обычно делят на две группы, условно называемые «внешней» и «внутренней». Д. А. Эльяшевич объяснил такую классификацию тем, что истории евреев в России как единой научной проблемы не существует; она состоит из двух часто неразделимых, но всё же самостоятельных проблем: русской истории евреев и еврейской истории в России [6, с. 27–28]. Первая включает в себя документы, характеризующие взаимоотношения евреев с государством и обществом. Это нормативно-законодательные акты и делопроизводственная документация: циркулярные письма министерств и ведомств, отчеты и переписка власти всех уровней – от генерал-губернаторов до городских управ и волостных старшин. Они информативны, находятся, как правило, в хорошей сохранности, хотя их трактовка из-за «шершавого языка» и массы разночтений сильно затруднена. «Внутренняя» группа включает в себя документы, характеризующие повседневную жизнь еврейских организаций: религиозных общин, национальных образовательных и политических организаций. Это протоколы заседаний духовных и хозяйственных правлений, их финансовые отчеты, метрические книги, личные фонды религиозных и политических деятелей. Такие документы в большинстве своем в сибирских архивохранилищах «рассеяны» и не составляют компактных коллекций. Обнаружить их часто удается лишь случайно или с помощью опытного архи-

виста, как в моем случае, поскольку системы в их локации не просматриваются.

В Государственном архиве Забайкальского края наибольший массив документов обеих групп находится в фонде 1(о) – Забайкальское областное управление (общее). Этот весьма обширный фонд, где отложились без малого 26,5 тыс. дел, обладает высокой информативностью и достаточно компактной коллекцией по изучаемой теме. Документы «внешней» группы мы бы, в свою очередь, разделили еще на две группы, которые дают представление о взаимоотношениях еврейской общины с государством и забайкальским обществом.

Больше всего материала посвящено праву жительства евреев в той или иной местности. Поскольку Сибирь была территорией, запретной для проживания евреев, кроме нескольких категорий, специально оговоренных законодательством, право нахождения того иного еврея в данной местности становилось предметом тщательного рассмотрения. «Виной» был неясно сформулированное Положение Комитета Министров от 11 ноября 1847 г., считавшее место поселения сибирского еврея «постоянной для них оседлостью». (В дальнейшем это положение было закреплено Законом о состояниях). Однако в каком смысле трактовать «место поселения» – как город и селение – или в более широком плане – как округ или уезд – из закона не ясно, что и породило путаницу, когда каждое должностное лицо толковало его в меру своего разумения. Примером узкого толкования может служить письмо Забайкальского областного управления Читинскому окружному начальнику от 12 ноября 1897 г., в котором местом причисления и приписки ссыльнопоселенцев евреев и их потомков определены «волость или город, к коим они причислены или приписаны» [1, д. 13992, л. 78]. Однако это сильно осложнило жизнь губернаторов: в вале прошений евреев на выезд за пределы места причисления их канцелярии буквально тонули. Тогда по указу Правительствующего Сената от 8 февраля 1902 г. «месту оседлости» евреев придали более широкое толкование: уезд, в котором данное лицо состоит на причислении [Там же, д. 14212, л. 175–176]. Интересно, что этот указ пришёлся на период управления областью военным губернатором И. П. Надарова, бывшего сторонником жёсткой этнической политики [5, с. 132–133]. Требовавший ограничить «специальную черту еврейской оседлости» волостью или городом как конкретным местом приписки, он после указа трактовал место поселения как округ или уезд, что было зафиксировано циркулярным письмом уездным начальникам [4, с. 60]. Однако в случае, если еврей был необ-

ходим в силу специфики своей деятельности, на его жительство вне места причисления закрывали глаза. Например, просьбу начальника 12-го участка Забайкальской железной дороги о том, чтобы оставить на участке хотя бы на одну зиму десятника А. Б. Виленского, военный губернатор Е. О. Мациевский удовлетворил ввиду «серьезности дела, порученного ему (надзор за каменной кладкой мостов) при отсутствии или крайней редкости десятников, добросовестно относящихся к этому делу» [1, д. 13992, л. 99].

Компактная коллекция документов посвящена выселению евреев из 100-верстной полосы от китайской границы, что было регламентировано Законом 12 июня 1860 г. Сама территория обусловила сосредоточение таких материалов именно в данном архиве. Документальный массив включает в себя просьбы осевших здесь евреев о позволении остаться в зоне, которая должна была быть «очищена» от них в короткий срок, и ответы на прошения чиновников разных уровней – как правило, отрицательные. Такой переписке посвящены целые дела [Там же, д. 13512, 13515, 13668]. Исключения не делалось даже для купцов первой гильдии, пробывшей в ней 10 лет, хотя по закону они получали право повсеместного жительства, поскольку, как указывал военный губернатор М. П. Хорошхин, «стоверстная полоса не должна быть доступна для евреев вообще» [Там же, д. 13705, л. 71]. В праве жительства там отказывали и евреям-медикам, даже если кроме них, оказывать медицинскую помощь в данной местности было некому [Там же, д. 13573, л. 9, 23]. Этим же законом оговаривались новые принципы расселения евреев – среди русского населения, а не отдельными поселениями, как раньше [Там же, д. 7145, 7200]. Переписка по этому вопросу дает возможность проследить, как рождался закон 12 июня 1860 г. Это очень важно, поскольку тут имеет место нечастый случай, когда его инициатива исходила снизу. К этому сюжету мы впоследствии обращались неоднократно [2; 3].

Чрезвычайно информативны списки евреев того или иного населенного пункта, составлявшиеся для выяснения их права жительства в данной местности. Подобную статистику власти вели постоянно. Они дают возможность определить места компактного проживания еврейских семей области, длительность их проживания в данном населенном пункте, сословный состав, род занятий, находящуюся в их владении недвижимость; выявить родословные отдельных семей на протяжении нескольких поколений [1, д. 13512, л. 4–24; д. 13515, л. 11–33; д. 13526, л. 11–22; д. 13806, л. 7–8;

д. 14022, 14089, 14215, л. 314–226, 328; 14241, л. 2–11]. Вопрос о предоставлении права жительства должен был рассматриваться «отдельно относительно каждой семьи в зависимости от той пользы, которую можно ожидать от пребывания ея» [1, д. 14287, л. 5]. Однако и разрешение вследствие их полезности или просьб населения часто вызывали раздражение вышестоящих. В письме Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин пеняет Иркутскому губернатору К. Н. Светлицкому за то, что «непринятие Губернскими начальствами своевременных мер к недопущению водворения евреев в местах, в которых таковое им воспрещается, дало им возможность устроиться в этих местах свой быт для незаконного в них жительства» [Там же, д. 3066, л. 3].

Прошения и ходатайства об открытии торговых и промышленных заведений, о причислении к гильдии, списки владельцев недвижимости, заключаемые евреями договоры и контракты, содержащиеся в фонде 94 (Читинская городская управа), дают сведения о читинских евреях в контексте жизни областного центра. В фондах 23 (Читинское окружное полицейское управление), 24 (Читинское уездное полицейское управление) и 106 (Иркутское губернское правление) в основном содержатся материалы о причислении отдельных лиц в местные общества или отказе в таковом.

В число документов «внешней» группы входили ходатайства об открытии молитвенных домов [1, д. 1334, 2403, л. 5; д. 1416, 6782, 5061], основании еврейских училищ [1, д. 4242], о праве избрания казенным общественным раввином [Там же, д. 5077]. Последний должен был пользоваться безоговорочным доверием государства и в совершенстве владеть русским языком. Претендовавшему на должность Я. Ассу было отказано на том основании, что «говорит он по-русски не чисто и всегда с еврейским акцентом», хотя сам претендент, окончивший фельдшерскую школу, доказывал, «что русским языком знаком достаточно» [Там же, л. 12]. Подобные отказы лишали еврейское общество возможности отправления обрядов, поскольку среди имевших право жительство в Сибири, в большинстве своем ссыльных и их потомков, почти не было лиц с достаточным образованием.

Документы о взаимоотношениях с обществом тоже, как правило, касались права жительства евреев в Забайкалье. Это либо просьбы оставить их в данной местности, либо, напротив, просьбы о выселении. Примером первого может служить любопытный документ, где за купеческого доверенного еврея Г. Рейхбаума вступились тунгусы, поскольку

со времени его приезда на их торжки цены на добываемую ими пушнину повысились, тогда как отпускаемые из лавок товары, наоборот, понизились. Тунгусы остались этим очень довольны и единогласно решили, что этот торговец и впредь должен посещать их торжки [1, д. 14098, л. 122]. Примером неприязненного отношения может служить приговор Верхнеудинского мещанского общества от 23 апреля 1900 г. об отказе в приеме евреев в общество, «поскольку они составляют значительную часть жителей города и владеют всякой городской промышленностью» [Там же, д. 17139, л. 207]. В основе подобных приговоров лежали, как правило, опасения конкуренции, поскольку евреи демонстрировали завидную экономическую активность.

Сведения о евреях-благотворителях удалось почерпнуть в фондах 57 (Забайкальский областной комитет по обеспечению нужд беженцев) и 152 (Забайкальский областной попечительный о тюрьмах комитет); об исполнении воинской повинности – в фонде 112 (Забайкальское областное рекрутское присутствие). Такая информация также дает представление о взаимоотношениях с обществом.

Картину еврейской религиозной жизни за пределами черты оседлости рисуют документы «внутренней» группы, содержащие сведения о еврейских молитвенных учреждениях, составе духовных и хозяйственных правлений, избираемых раз в три года; процедуре выборов; рассматриваемых на общих собраниях вопросах, бюджете общин [д. 1063, 1678, 2082, 2215, л. 2, 3; 2511, л. 2, 3, 21; 2403, л. 116, 11в, 31, 39; 2763, 2794, 3802, 3806, 3807, 4424, 4518, 5288]. Эти документы позволяют установить даты основания молитвенных зданий и обстоятельств получения разрешения на их открытие. К примеру,

в письме военного губернатора Е. О. Мациевского в канцелярию Приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова от 13 марта 1900 г. указано, что в области зарегистрировано шесть молелен: в Чите, Верхнеудинске, Нерчинске, Баргузине, селении Кабанском и станице Сретенской. Старейшей из них была Читинская, открытая в 1874 г. [1, д. 3802, л. 8, 14] Несмотря на в ряде случаев сопротивление власти открытию молельных зданий, она была в них заинтересована, поскольку на духовное правление возлагалась обязанность по учету еврейского населения и ведение метрических книг. Протоколы выборов дали возможность восстановить имена всех членов духовных и хозяйственных правлений еврейских общин в области за несколько десятилетий [4, с. 411–418].

Метрические книги отложились в фонде 282 – Церкви Забайкальской области 1722–1934 гг. (ранее фонд носил название «Иркутская духовная консистория»), где без подсказки Татьяны Андреевны я бы их не нашла, поскольку обычно в архивах они составляют самостоятельные фонды. Нами проанализированы 90 метрических книг Читинской общины за 1903–1915 гг. (книги за 1908 и 1911 гг. не сохранились), 24 книги Сретенской молельни с 1897 по 1910 г. и восемь книг Нерчинской молельни с 1907 по 1916 г. Этот очень важный источник позволил составить демографическую характеристику забайкальского еврейского общества на протяжении длительного времени.

Ограниченный объем статьи не дает возможности дать полную характеристику документам. Но то, что их обилие, разнообразие и хорошая сохранность позволяют детально реконструировать жизнь еврейского общества Забайкалья, очевидно.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о).
2. Кальмина Л. В. 12 июня 1860 года: законодательный парадокс // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: сб. ст. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 20–30.
3. Кальмина Л. В. Закон 12 июня 1860 г. как результат провала сибирской «еврейской» законодательной политики 1837 г. // Материалы XIII Ежегодной междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. М.: Сэфер, 2006. С. 393–399.
4. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 423 с.
5. Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Блюстителю неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016. 184 с. EDN: YNRWUH
6. Эльяшевич Д. Источниковедение истории евреев в России (К постановке вопроса) // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб.: [б. и.], 1993. С. 27–53. (С.-Петербургский Еврейский ун-т. Институт исследований еврейской диаспоры. Труды по иудаике. Серия «История и этнография». Вып. 1).

Сведения об авторе

Кальмина Л. В. – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), г. Улан-Удэ, Россия, kalminal@gmail.com

Как осуществлялась подготовка Забайкальской области к Хабаровской выставке 1913 года

Григорий Федорович Климов

краевед, независимый исследователь, г. Чита, Россия
grigoriy.klimov.1950@mail.ru

По инициативе Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти проводилась в г. Хабаровске Краевая сельскохозяйственная, торгово-промышленная и научная выставка, посвящённая 300-летию Дома Романовых. На выставку была приглашена и Забайкальская область. Эта выставка продемонстрировала богатые природные возможности края и потенциал экономического развития в начале XX в. В статье даётся описание подготовки Забайкальской области к выставке. Специальных работ по данной теме в библиотечных фондах не обнаружено. Этим определяется актуальность и новизна нашего исследования.

Ключевые слова: Приамурский край, Забайкальская область, Хабаровская выставка, местный комитет, Дмитрий Михайлович Головачев, Иван Николаевич Разночинцев

Почётный председатель Главного комитета выставки Приамурского края Николай Львович Гондатти письмом от 10 января 1912 г. обратился к заведующему Землеустройством и переселенческим делом в Забайкальской области Дмитрию Михайловичу Головачёву с просьбой принять на себя обязанности председателя Местного комитета (далее Комитет) и участие на выставке правительственных и общественных учреждений, торгово-промышленных предприятий, научных обществ и учебных заведений, представителей сельского хозяйства и частных лиц Забайкальской области [1, л. 1].

После переговоров с руководством области первое заседание Комитета состоялось 27 мая 1912 г. под председательством Д. М. Головачёва в следующем составе: от военного губернатора члена по крестьянским делам М. Р. Депрерадовича, горного инженера Управления Нерчинского горного округа С. Д. Кузнецова, от Управления по постройке западной части Амурской железной дороги инженера П. А. Ющенко, представителя Военно-хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска Войскового советника Е. Е. Бакшеева, Тюремного инспектора О. Н. Фон-Кубе, члена Читинской городской управы К. М. Стерхова, инспектора по делам мелкого кредита Н. Б. Брейтовского, инспектора Читинского ремесленного училища М. П. Васильева, представителя от дирекции Народных училищ Н. А. Соколова, переселенческих чинов А. М. Черных и А. А. Лебедева, агрономов И. Ф. Крюкова и В. В. Солдато-ва, редактора газеты «Забайкальская новь» Ю. О. Горбатовского [Там же].

Первое заседание Комитета ставило задачи: определить количество лиц желающих

принять участие в Хабаровской выставке; решить вопросы о поставке экспонатов, характеризующих Забайкальскую область; решить вопросы об участии учреждений, организации Забайкальской области на выставке. Рассматривались также важные вопросы о стоимости перевозки экспонатов на выставку. Комитетом было принято решение об участии Забайкальской области в отдельном павильоне с демонстрацией экспонатов, характеризующих современное состояние промышленности и торговли, сельского хозяйства, учебных заведений и научных обществ и т. д. [Там же, л. 1, 2]. Комитет постановил о немедленном ознакомлении руководителей учреждений, организации и населения области о предстоящей выставке с предложением принять участие на Хабаровской выставке.

После избрания исполнительного бюро Комитета заседание закончило свою работу. Далее предстояла большая работа по подготовке, рассылке материалов, а также переписке с учреждениями и отдельными лицами по выставке. Для осуществления этих подготовительных мероприятий Комитету на общие расходы было выделено 500 руб., из которых половина этой суммы запланирована на содержание секретаря (делопроизводителя) [Там же, л. 2]. Первым делом Комитета с участием секретаря были подготовлены и направлены письма с приглашениями в Акшу, Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск, Кабанск. Приглашённые лица, хотя и приняли на себя обязанности об участии на выставке, но, к сожалению, никакой деятельной активности не проявили. Кроме указанных обращений Комитетом были разосланы во все необходимые места области программы и правила о

Хабаровской выставке. Немаловажную работу проводила редакция газеты «Забайкальская новь» под руководством Ю. О. Горбатовского [1, л. 3].

У Комитета были затруднения по привлечению сельского населения для участия в выставке. Поэтому он считал нужным действовать через Читинское сельскохозяйственное общество и областную агрономическую организацию. Но оказалось, что сельскохозяйственное общество при этом не проявило никакой инициативы. Кроме этого, недостаточное внимание уделяли вопросам выставки и местные чины агрономической организации, значительное число которых проживали в селах Забайкалья. Сотни обращений, программ и писем были распространены среди сельского населения через Правительственного агронома, но успеха тоже не приносили. Впоследствии выяснилось, что Забайкальская агрономическая организация на выставке участие не принимала [Там же, л. 3, 4].

Приглашения от Комитета были разосланы во все города Забайкальской области. Представитель Войскового хозяйственного правления на заседании Комитета 17 августа 1912 г. сообщил об участии со своими экспонатами. В частности, на выставку планировали поставить: стенды об истории войска, по земельному обеспечению и бытовым условиям казаков, горное и кустарное дело, которые бы заняли площадку размером не более 7 кв. саженей. Для отправки в Хабаровск указанных экспонатов, а также 5 крупных и 6 мелких голов скота, равно как и на прочие расходы по расчётам специалистов правления потребовались средства не менее 2 200 руб. Далее представитель войска проинформировал присутствующих: «В связи слабой населённости и почти полному бездорожью станиц Приамурской и Прибайкальской окраин, бедности и безграмотности населения, при нетронутых недрах земли, при почти полном отсутствии фабрично-заводской промышленности и сельскохозяйственной культуры, слабом развитии лесного хозяйства и землеустройства, хищническом способе рыболовства и звероводства, участие Забайкальского войска в Хабаровской выставке никакой пользы войску не принесёт» [Там же, л. 4, 5].

Областное по крестьянским делам присутствие 19 июля 1912 г. уведомило Комитет о невозможности принять участие в Хабаровской выставке в связи с отсутствием финансовых средств, людей и времени для выполнения выставочных мероприятий [Там же, л. 5]. Забайкальская инженерная дистанция 18 июля 1912 г. сообщила Местному комитету о том, что в связи с большой загруженностью в ра-

боте, принять участие на выставке не сможет [Там же]. Многочисленные правительственные учреждения Забайкалья, к которым Комитет обращался с предложением принять участие на выставке, тоже ответили отказом, а некоторые и совсем не соизволили ответить [Там же]. Инспекция Читинского отделения Государственного банка по делам мелкого кредита изъявила принять участие на выставке, но вставала проблема по доставке экспонатов до Хабаровска [Там же]. Общественные городские самоуправления об участии в выставке отзывались неохотно. Представитель от Читинской городской Управы, принял единственное участие на заседании Комитета. Троицкосавский городской Голова обещал Комитету представить ответ после очередного заседания Думы об участии на данном мероприятии, но впоследствии ответа не дал [Там же]. Ответили отказом принять участие на Выставке, ссылаясь на отсутствие финансовых средств, директоры Читинского землемерного училища, Нерчинского реального училища и Читинской учительской семинарии. Местные научные общества, в частности Троицкосавское отделение Императорского Географического общества, также Читинский отдел общества изучения Сибири, к которым обращался Комитет, отзывались отрицательно. Читинское отделение Императорского Географического общества на выставку отправило Монгольскую юрту с внутренней обстановкой, которая была установлена на территории выставки возле отдела Переселенческого управления [Там же, л. 6].

В связи с малочисленностью промышленных предприятий в Забайкальской области, Комитет констатировал весьма слабую их отзывчивость на участие в выставке. При этом отмечали, что торгово-промышленная деятельность в значительной мере сосредоточена была у евреев, которые не могли не реагировать на ограничительные меры, принятые Дальневосточной администрацией по отношению к ним. Так, например, Я. Е. Гоберник написал в своём заявлении: «С большим удовольствием принял бы участие на выставке, но, к сожалению, не могу принять таковое, так как еврей лишён права свободного въезда в Хабаровск и в Приамурскую область». Баргузинский горный исправник К. П. Попрядухин 28 октября 1912 г. о создании особого отделения Местного комитета в Баргузине о Хабаровской выставке сообщил: «На моё приглашение откликнулось несколько человек, поэтому заручившись согласием их принять участие в Комитете, мною было назначено на 28 сентября совещание. На совещании выяснилось, что евреи Баргузинского уезда, занимающие-

ся промыслами и торговлей, отказываются от участия на предстоящей выставке, сознавая в то же время всю пользу от непосредственного участия с выставлением экспонатов» [1, л. 7]. Комитет на последних заседаниях, несмотря на трудности, отмечал положительное отношение в принятии участия в выставке многих учебных заведений. Так, Забайкальский Епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ, инспектор Народных училищ 4-го района Забайкальской области представили для выставки: картограммы, фотографии, ученические тетради, рукодельные работы от 6-и ремесленных училищ Троицкосавска и от 15-и училищ Селенгинского и Верхнеудинского уездов. Учитель Казаковского сельского начального училища Турков направил в Комитет в качестве экспоната для выставки ковёр, изготовленный учащимися возрасте от 7 до 11 лет. 2-я Читинская женская гимназия выставила диаграммы и отчёты по гимназии за несколько лет [Там же, л. 6]. Дали согласие на участие в Хабаровской выставке жители г. Читы. И. Н. Разночинцев, учёный лесовод, предложил поставить разборную деревянную вилку для таксационных лесных работ и брошюры по вопросам лесного хозяйства. К. Р. Куликов – семена зерновых культур и сельскохозяйственные орудия; Декарханов – сшитое платье; Ягода – бамбуковую мебель; Афанасьев – принадлежности для парикмахера и волосные изделия; Соловьёв – шубные изделия; Радзивилло – дамское новое платье; Вейнерман – мыло и стеариновые свечи; Управления Ямаровских, Шивандинских и Дарасунских минеральных вод; Забайкальское издательство газеты «Забайкальская Новь»; Зубрицкий – Забайкальские драгоценные шлифованные камни; Осипов – пищевые консервы; Горбачевич – породистый скот; Поликарпов – строительные материалы; Малков – художественные картины; Почекунин – поделки из корней разных пород деревьев [Там же, л. 7, 8].

Из городов и населённых пунктов Забайкальской области согласились принять участие на выставке: Давыдов, иконописец, из Верхнеудинска – иконы; Наумов из Кайдалово – краски «Охра»; Смолов из Усть-Кяхты – разные изделия из кожи; Мошкович из Сре́тенска – мыло и дробь; Бутина из Нерчинска – спирт Борщевского завода; Нодельман из Верхнеудинска – печатные издания; Суриков из Маньчжурии – спирт; Кобылкин – товары винокурного, пивоваренного, стеклоделатель-

ного и хрустального производств, а также искусственных минеральных вод и пчеловодства [Там же, л. 8].

Благодаря активной работе председателя организационного Комитета Д. М. Головачёва, Забайкальская область принимала участие в Приамурской выставке. Торжественное открытие выставки Приамурского края состоялось в г. Хабаровске 15 июля 1913 г. В ней приняли участие предприниматели, торговые компании, учреждения Дальнего Востока, в том числе Забайкальской области, Сибири, Европейских губерний России, а также иностранных государств – США, Великобритании, Германии, Китая, Франции и Японии. Забайкальская область представляла свои уникальные достижения в отдельном павильоне. Экспозиция «Природные богатства» включала образцы минералов, руд и пушнины, демонстрируя богатые природные ресурсы края. Были представлены продукты сельского хозяйства и достижения в этой отрасли, важной для развития региона. В экспозиции по этнографии показали богатство многонациональной культуры Забайкалья, демонстрируя национальные костюмы, ремесла и традиционные предметы быта коренных народов. Выставлены образцы продукции местной заводской, фабричной промышленности и результаты работы железнодорожного транспорта [2]. Посетить выставку можно было с 10 часов утра до 9 часов вечера, за определённую плату. Для удобства посетителей провели водопровод, установили электрическое освещение и телефон. За период работы выставки с 15 июля по 25 сентября 1913 г её посетило более 110 тыс. человек. По итогам мероприятия его участники были награждены золотыми, серебряными и бронзовыми медалями, денежными призами, дипломами и похвальными листами.

Хабаровская выставка была заметным событием в российском выставочном движении. Она продемонстрировала богатые природные возможности края, успехи в экономическом развитии территории. Опыт организации и проведения в Хабаровске такой масштабной выставки очень ценен, может быть использован и сегодня. Участие Забайкальской области на выставке позволило продемонстрировать природное и культурное богатство региона, способствуя стимулированию развития и привлечению инвестиций, а также значение выставочной деятельности для населения в указанный период.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 5103.

2. Приамурская краевая выставка в ознаменование трехсотлетия царствования дома Романовых 1913 г. в Хабаровске. Землеустройство и колонизация Забайкальской области: Каталог экспонатов на Выставке Приамур. края 1913 г. в г. Хабаровске. Чита: Паровая тип. «Забайкальское Т-во печат. Дела», 1913. 31 с.

Сведения об авторе

Климов Г. Ф. — краевед, независимый исследователь, Заслуженный работник лесного хозяйства Забайкальского края, г. Чита, Россия, grigoriy.klimov.1950@mail.ru

УДК [94 + 355.425.4] (571.54)

Документы первого съезда забайкальских партизан как источник по истории развития партизанского движения в Восточном Забайкалье

Денис Александрович Таскин

Аппарат Законодательного Собрания
Забайкальского края, г. Чита, Россия
tackind@yandex.ru

В статье рассматриваются протоколы и резолюции первого фронтового съезда партизан Восточного Забайкалья. Дается их характеристика, анализируется содержащаяся в них информация. По итогу исследования делается вывод, что использованные документы представляют собой ценный источник по истории партизанского движения Восточного Забайкалья, содержащий сведения об его актуальных проблемах, экономической жизни и особенностях развития.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточное Забайкалье, партизанское движение, первый фронтовой съезд

Первый съезд партизан Восточного Забайкалья, прошедший с 2 по 7 марта 1920 г., во многом был мероприятием вынужденным. Тяжелое ранение, полученное командующим партизанами П. Н. Журавлевым в бою у с. Лоншаково под Сретенском 19 февраля 1920 г. и его смерть от ран 23 февраля в с. Боты, остро поставили перед партизанами вопрос о выборе нового командующего.

В советской историографии, посвященной Гражданской войне в Восточном Забайкалье, это событие обязательно упоминалось, но только в контексте смены командования [1 с. 134; 2, с. 65; 8, с. 43]. Справедливо это утверждение и для современной историографии [9]. Никаких иных подробностей об этом съезде в советской и постсоветской историографии не приводилось – ни вопросы повесток заседаний, ни количество участников съезда, ни его резолюции. В отличие от второго съезда забайкальских партизан, протоколы которого были опубликованы в сборнике 1929 г. [4, с. 181–186], документы первого съезда никогда не публиковались, а между тем, они представляют собой важнейший источник по истории развития партизанского движения в Восточном Забайкалье. Корпус этих документов хранится в фондах Российского государственного военного архива и представляет собой протоколы заседаний с 2 по 7 марта 1920 г., три ре-

золюции съезда и сообщение Я. Н. Коротаеву об избрании его командующим партизанским фронтом. Все документы представляют собой машинописные листы стандартного формата, напечатанные с двух сторон.

Согласно протоколам съезда, на нем присутствовало 49 делегатов от 1, 2, 3, 7 и 9 партизанских кавалерийских полков и 1, 2 партизанских пехотных полков. Кроме того, на съезд с правом решающего голоса были допущены входившие в командование партизанским движением Н. К. Аникиев, И. Н. Козлов, Я. А. Федоров, И. Е. Фадеев. Таким образом, общее число делегатов съезда составляло 53 чел. Представители 4, 5, 6 и 10 партизанских кавалерийских полков на съезде не присутствовали из-за того, что находились далеко от Богдаты, в которой проходил съезд. 4 партизанский кавалерийский полк находился на Аргуни, а 5, 6 и 10 полки действовали в районе Александровского завода и Улятуевской станицы. Командовавший ими М. М. Якимов сообщение о смерти П. Н. Журавлева получил только 12 марта [7, л. 84].

Первый вопрос, который был поставлен на голосование после открытия съезда 2 марта 1920 г., касался способа управления партизанским фронтом. Его суть заключалась в выборе между единоличным командованием и наделением командными полномочиями из-

бранного военного совета. Этот вопрос давно дискутировался в среде партизанского актива, но не имел дальнейшего развития в связи с тем, что авторитет П. Н. Журавлева как командующего партизанами был очень высок. Теперь, после его смерти, он вновь приобрёл актуальность. В тайном голосовании по этому вопросу участвовало 50 делегатов и подавляющее большинство (43 голоса) высказались за оставление системы единоначалия. Всего пять человек поддержали идею военного совета, а три высказались за смешанную форму.

После решения этого вопроса съезд перешел к выборам нового партизанского командующего. Всего было выдвинуто семь кандидатов – Я. Н. Коротаев, И. Е. Фадеев, М. М. Якимов, И. Лесков, С. С. Киргизов, В. Швецов и М. Швецов. В тайном голосовании участвовал 51 делегат, а двое (Киргизов и Фадеев) как кандидаты участие не принимали. В результате, большинство голосов (47) получил Я. Н. Коротаев, два голоса было отдано за С. С. Киргизова и по одному за И. Е. Фадеева и И. Лескова. Остальные кандидаты ни одного голоса не получили. Обращает на себя внимание тот факт, что за М. М. Якимова, который командовал значительными партизанскими силами и был довольно популярен в партизанской среде, не было отдано ни одного голоса. Можно предположить, что это связано с боевыми действиями в районе Сретенска в феврале 1920 г., когда партизанские полки, которыми командовал М. М. Якимов, не пришли на помощь 7-му партизанскому кавалерийскому полку. С этим был связан отъезд туда П. Н. Журавлева и последующая его гибель.

Поддержка Я. Н. Коротаева большинством делегатов съезда, видимо, была обеспечена не только его личными качествами, но и хорошим отношением к нему со стороны П. Н. Журавлева. На одном из штабных совещаний незадолго до своей смерти он советовал именно Коротаева выбрать в качестве командующего, если с ним что-нибудь случится [3, л. 17]. Следующие вопросы, которые рассматривались в этот день съездом, касались выборов помощников командующего фронтом и его адъютанта. В результате голосования помощниками были выбраны И. Е. Фадеев и М. М. Якимов, а адъютантом И. Лесков. Кроме того, съезд постановил для установления более тесной связи с Благовещенском (в котором установилась советская власть) отправить в с. Покровка И. Я. Бородину и телеграфиста Лобахина, а также поручил секретарям съезда подготовить и направить вновь избранному командующему приветствие. В этом сообщении говорилось: «Первый общий фронтовой съезд Восточного

Забайкалья собрался 2-го сего марта на выборы командующего фронтом в количестве 53 чел. имеющих право выбора. В Голосовании участвовал 51 чел., из которых 47 голосов подано за тебя дорогой товарищ Яков Николаевич. Выполняя волю народа съезд приветствуют тебя, Яков Николаевич, как верховного народного вождя всех революционных войск восточного Забайкалья» [5, л. 225].

Последние вопросы, рассмотренные съездом в первый день своей работы, касались упорядочивания жизни на подконтрольных партизанам территориях. Для достижения этой цели предлагалось избрать контрольный совет, состоящий исключительно из партизан, либо Совет солдатских, казачьих и рабочих депутатов. Большинство поддержало создание Совета депутатов. Предполагалось, что депутаты в Совет будут избраны по следующей схеме – 1 депутат от 300 красноармейцев и 1 депутат от 500 чел. мирного населения. Лица, состоящие на службе у Г. М. Семенова, избирательного права лишались.

Однако, уже на следующий день, 3 марта, заседание съезда открылось с предложения пересмотреть принятое накануне решение. Оно было поддержано большинством делегатов. Скорее всего, партизанский штаб и организационно-агитационный отдел, которым было поручено проведение выборов в Совет депутатов, осознали всю трудность и даже невозможность организовать столь масштабную работу в условиях Гражданской войны и постоянно меняющейся обстановки. Поэтому было решено выборы в Совет депутатов не проводить, а избрать либо контрольный совет с участием гражданского населения, либо совет, состоящий исключительно из партизан. После прений большинство делегатов поддержало второе предложение. Каждый партизанский полк должен был направить в контрольный совет по одному своему представителю.

Остальная часть заседания в этот день была посвящена заслушиванию докладов. Благодаря представленной в протоколе повестке, мы имеем возможность узнать, какие службы были организованы партизанами, и кто ими руководил в этот момент. Доклады съезду о своей работе представили: начальник Штаба С. С. Киргизов, заведующий хозяйственной частью С. Зарубин, председатель организационно-агитационного отдела Плясов, представитель партизанских войск в Китае К. Воросов, председатель комиссии военного контроля Пуртов, заведующий хозяйством санитарной службы Гаврилов и представитель совета фельдшеров Перминов. По докладу последнего съезд отметил, что «Санитарную

часть поселков, в коих расположен красный крест, признать неудовлетворительной. Предложить совету фельдшеров принять меры к улучшению санитарной части» [5, л. 221 об.]. Из этого постановления съезда можно сделать вывод, о том, что партизанский госпиталь на подконтрольной территории был рассредоточен по разным поселкам.

4 марта съезд открылся с доклада фронтовой ревизионной комиссии. В постановлении по его итогам съезд признал ревизию дел, документов и имущества неполной и вынес пожелание, чтобы комиссия производила ревизию с самого начала поступления денег ценностей и имущества, а также фиксировала правильность поступления и расходования средств. Из постановления обращает на себя внимание поручение, данное съездом комиссии, чтобы она «тщательно выяснила о хлебе вывезенном из Ишаги т. Михалевым» [Там же, л. 222]. В других, изученных автором партизанских документах, этот инцидент не упоминается, однако вынесение его в решение съезда говорит о его значимости. Возможно, что дальнейший поиск информации позволит пролить свет на эту ситуацию и откроет неизвестные ранее подробности об особенностях взаимоотношений партизан с мирным населением и внутри партизанского движения.

Следующий доклад в этот день представил заведующий фронтовым околотком Окунцов. Эта информация интересна тем, что затрагивает такой малоизученный вопрос, как организация правоохранительной системы в партизанском движении. Если в действующих полках, милиционеры избирались из состава партизан и следили за порядком в сотнях полка, то в тыловых районах, судя по этой записи, действовал околоток, который обеспечивал порядок на подконтрольной территории и в случае каких-либо эксцессов арестовывал виновных и направлял их в военно-революционный суд. Остальные доклады, заслушанные съездом в этот день, были представлены делегатами от 1, 2, 3, 7 партизанских кавалерийских полков и 1, 2 партизанских пехотных полков, а также артиллерийской батареи и пулеметной команды. В целом, судя по реакции съезда, отраженной в протоколе, все партизанские части испытывали схожие проблемы – нехватка обуви, белья, обмундирования, фуража.

Особый интерес представляет доклад 7 партизанского кавалерийского полка, по которому съезд для помощи полку в районе Сретенска «вынес пожелание чтобы 5 и 10 полки были немедленно вызваны на Шилку и присоединены к 7-му полку» [Там же]. Дело в том, что при наступлении на Сретенск в начале февра-

ля 1920 г. именно эти полки должны были оказать поддержку 7-му полку, о чем имелся прямой приказ командующего фронтом П. Н. Журавлева, однако полками он не был исполнен. На совещании командного состава 7 февраля 1920 г. такие действия полков были осуждены [6, л. 203]. И вся последующая цепь событий, вызванная невыполнением полками приказа, в конечном итоге привела к гибели П. Н. Журавлева. Поэтому съезд, конечно, не мог оставить этот факт без внимания. И если на заседании 4 марта было вынесено только пожелание, то при обсуждении действий 5 и 10 полков на заседании 6 марта еще раз было принято решение об их отзыве «из партизанской войны», а «в случае же их неподчинения, привлечь командный состав и агитационный отдел к судебной ответственности» [5, л. 223 об.].

Это решение съезда встретило очень острую реакцию в 10 партизанском кавалерийском полку. В постановлении общего совещания полка от 11 апреля 1920 г. при обсуждении этого вопроса отмечалось, что решения в полку принимаются не столько командным составом и агитационным отделом, сколько всеми бойцами, так как управлением полком стоит «на демократической платформе и власти народа» [Там же, л. 174]. Кроме того, в постановлении ставилась под сомнение сама легитимность съезда в связи с тем, что представители 5 и 10 кавалерийских партизанских полков в нем не участвовали и не были уверены, что и другие полки были на съезде.

5 марта съезд рассматривал вопросы переизбрания лиц, заведовавших тыловыми службами и протокол этого заседания, дает ценную информацию об экономической жизни партизанского движения. В частности, были переизбраны заведующие Кудеинским и Курлеинским приисками и прииском Быстрая. Эти прииски, особенно Кудеинский являлись довольно крупными месторождениями золота и контроль над ними позволял партизанам закупать оружие, медикаменты и товары первой необходимости на территории сопредельного Китая. Помимо заведующих этих приисков, были также рассмотрены кандидатуры управляющих других, не названных приисков. По ним съезд принял следующее решение: «На должности заведующих приисками запросить специалистов по горному делу из полков, а пока оставить тех же» [Там же, л. 222 об.]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что добыча золота партизанами практиковалась довольно широко. Кроме того, в этот день съездом были рассмотрены кандидатуры заведующих Курлеинской и Шаманской мельниц. Управлять Курлеинской мельницей оставили

Гусевского, а заведующего Шаманской мельницей Аршинского переизбрали, назначив вместо него Бояркина.

Среди вопросов, рассматривавшихся на заседании 6 марта, особый интерес вызывает вопрос о судах. Ситуация с правопорядком, на подконтрольных партизанам территориях, была сложной и попытки обуздать партизанскую вольницу предпринимались руководством партизанского движения неоднократно. Рассмотрение этого вопроса можно считать одной из них. Съезд принял единогласно следующее решение: «установить два прифронтовых военно-полевых суда в составе трех человек судей и двух следователей в каждом, установить военно-революционный суд Восточного фронта в составе пяти членов суда и двух следователей» [5, л. 223]. Эта двухуровневая система судов, с некоторыми вариациями, просуществовала до августа 1920 г., когда партизанские части были переформированы и влиты в Народно-Революционную армию Дальневосточной республики.

В последний день работы съезда 7 марта 1920 г. было принято решение о создании комиссии по организации весенне-полевых работ. Для этой цели планировалось привлечь от каждой станицы и волости, находящихся на подконтрольной территории, по два человека. Эти люди должны были заранее собрать сведения о количестве подготовленной для посева земли, семян и необходимой рабочей силе. По всей видимости, эта комиссия так и осталась в проекте, потому что в имеющихся документах никаких упоминаний о ее работе не встречается. Также был рассмотрен вопрос, касающийся увековечивания памяти П. Н. Журавлева. Съезд принял решение воздвигнуть ему деревянный памятник в поселке Зерен за счёт средств партизанских войск. Кроме того, съезд постановил не проводить конфискаций имущества мирных китайцев, проживающих на русской территории, за исключением спироторговцев. Это решение было вызвано необходимостью поддерживать дружеские отношения с китайской стороной, которая снабжала партизан товарами первой необходимости и боеприпасами.

В исследуемом корпусе документов особый интерес представляют три резолюции съезда [Там же, л. 227]. В них сконцентрированы основные проблемы, волновавшие партизан в тот момент, и потому они представляют собой отличный снимок состояния партизанского движения. В первой наиболее информативной резолюции перечислены главные беды партизанского движения: нахождение в полках большого количества женщин, пьянство, ма-

родерство, дезертирство, индифферентное отношение к народному достоянию. Съезд отмечал, что все эти пороки развращают и ослабляют армию. Поэтому было принято следующее решение: «всех женщин с передовой линии удалить в тыл армии и определить на какую-нибудь работу, а в крайнем случае и без работы поместив в качестве беженки» [Там же]. Видя в пьянстве причину вообще всех бед, съезд постановил всякого замеченного в нетрезвом виде предавать военно-полевому суду, а у торговцев спиртным конфисковывать имущество. При этом к ним допускалось применять самые суровые наказания вплоть до расстрела. С целью повышения общей дисциплины, были запрещены переходы из одной части в другую, а также отпуска. В исключительных случаях, решение о переводе или отпуске мог принять только командующий фронтом. Кроме того, указывалось, что за самовольные реквизиции и насилие над женщинами будет также применяться расстрел. В каждой партизанской части организовывалась милиция, задачей которой было следить за внутренним порядком и поведением бойцов. Также в резолюции отмечалось: «Оскорбление личности красноармейца на словах и в отношении одной части на другую, съезд считает недопустимым, борьбу с ними считает нужным вести в общем масштабе, агитацию привитие сознательности путем бесед, собраний лекций и т. д. в отдельных случаях предоставляется право каждому потерпевшему обращаться в третейский суд сотни, роты, полка решение которых считать по соглашению окончательным, а в противном случае передавать революционному трибуналу» [Там же].

Вторая резолюция съезда «О дальнейшей борьбе» дает характеристику общей политической ситуации, отмечая, «что общее политическое положение партии большевиков становится более прочным и устойчивым, что гражданская война с бандитом Семеновым подходит к концу, что армия народа растет не по дням, а по часам, что противник трепещет в последней предсмертной агонии» [Там же]. Далее съезд предложил агитационному отделу «напрячь все силы к распространению брошюр в стане противника указывая в них цели нашей борьбы, что ожидает их по завоеванию свободы, предлагая им сохранить народное достояние, которое расхищают их руководители» [Там же].

Третья резолюция, самая лаконичная, касалась взаимоотношений между пехотными и кавалерийскими частями партизан. Партизанские полки изначально формировались как кавалерийские, что было обусловлено

участием в партизанском движении большого количества забайкальских казаков. Эта особенность оказала влияние на весь ход гражданского противостояния в Восточном Забайкалье, сделав боевые действия очень маневренными и мобильными. При этом, появление постоянно контролируемой территории и образование фронта, вынуждали партизан создавать пехотные части, которые могли бы вести полноценную позиционную войну. Это обстоятельство ставило пехоту в зависимость от кавалерских частей в части снабжения. Если последние, находясь в постоянном движении, обеспечивали себя за счет местного населения занимаемых населенных пунктов, то пехота была этого лишена, полагаясь только на то снабжение, которое отправлялось на фронт кавалерией. Кроме того, бывали случаи, когда во время боевых действий кавалерийские полки могли отойти с занимаемых позиций, оставив пехоту на произвол судьбы. Эти факторы приводили к конфликтам меж-

ду пехотными и кавалеристскими частями. Именно такие случаи были представлены Щербаковым съезду в заключительный день его работы. По результатам этого доклада и была составлена третья резолюция съезда, в которой отмечалось: «такие явления считать недопустимыми и впредь виновных предавать суду» [5].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что протоколы первого фронтового съезда партизан Восточного Забайкалья содержат большое количество информации о партизанском движении. Состав делегатов съезда позволяет определить, насколько хорошо действовала связь между партизанскими полками и какие из них в этот момент практически были оторваны от основной базы. Рассмотренные съездом вопросы дают сведения об особенностях отношений между партизанскими полками, об экономической жизни партизанского движения, его актуальных на тот момент проблемах.

Список литературы

1. Аникьев Н. Партизанское движение в Восточном Забайкалье // Дальистпарт: сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке: в 3 кн. Владивосток: Кн. дело, 1925. Кн. 3. С. 109–136.
2. Василевский В. И. Дела легендарных дней. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 96 с.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 1031.
4. Партизаны: сб. ст., партизанских и красногвардейских воспоминаний, ист. документов и боевых песен – посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита: Печатное дело, 1929. 205 с.
5. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 874. Оп. 1. Д. 9.
6. РГВА. Ф. 874. Оп. 1. Д. 12.
7. РГВА. Ф. 37752. Оп. 1. Д. 6.
8. Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). О роли Дальневосточной республики в борьбе за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1966. 240 с.
9. Шиндялов Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 5–8. EDN: OHRYAR

Сведения об авторе

Таскин Д. А. – ведущий консультант государственно-правового управления, аппарат Законодательного Собрания Забайкальского края, г. Чита, Россия, tackind@yandex.ru

УДК 94 (751.54)

Бурят-Монгольская автономная область в составе ДВР: новый взгляд на историю образования

Татьяна Ефремовна Санжиева

Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
sanj_te@mail.ru

Образование Бурят-Монгольской автономной области (БМАО) Дальневосточной Республики (ДВР) стало логичным завершением политики первого легитимного органа управления – Бурятского национального комитета, добивавшегося автономии для бурят. Инициатором образования БМАО стал эсер и активный участник национального движения П. Н. Дамбинов. Основной целью Бурнацкова была автономия для бурятского

населения, и эта политика была продолжена лидерами бурят и после его закрытия. Основную задачу земельного распределения БМАО пришлось решать в условиях двоевластия: областной и губернской.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская автономная область ДВР, П. Н. Дамбинов, автономизация бурят

Республика Бурятия 30 мая 2023 г. отметила свой 100-летний юбилей, что стало крупным событием в политической и культурной жизни её населения. История создания первой государственности бурятского народа хорошо изучена. Опубликованы монографии А. А. Бартановой, Н. Д. Шулуновым, Д. Г. Бажеевым, Г. Л. Санжиевым, А. А. Елаевым, Е. Н. Хантаковой и др., которые раскрыли процесс формирования государственности, начиная с подготовительного этапа, образования Бурят-Монгольских автономных областей в ДВР и РСФСР и создание Бурят-Монгольской АССР. Исследователи дали высокую оценку значения появления БМАССР в судьбе бурятского народа.

Статья посвящена выявлению исторических событий, фактов и деятельности выдающихся личностей, которые не были раскрыты исследователями. Бурятский национальный комитет (Бурнацком) – легитимный орган управления бурятами действовал с весны 1917 г., выражая интересы народа, имел поддержку со стороны бурятского населения. В воззвании «Ко всем бурят-монголам Восточной Сибири» в апреле 1918 г. была изложена цель национального движения. Фактически Бурнацком отрицал советскую власть. После ареста и казни (в новогоднюю ночь 1919–1920 гг.) основателя Бурнацкома М. Н. Богданова, Бурнацком/Бурнардума фактически была закрыта, но лидеры национального движения продолжили свою деятельность по защите интересов бурят.

Советская историография отрицательно относилась к деятельности Бурнацкома и его лидеров, считая их буржуазными националистами. Однако именно лидеры национального движения обосновали и реализовали идею автономизации для бурят и смогли ее реализовать.

В связи со сложностью политической ситуации, незавершенностью земельной реформы и наличием крупных социальных проблем у бурятского населения Бурнацком обратился за помощью в Забайкальский исполком. 3 июля 1918 г. Исполком Забайкальского областного совета постановил установить пределы автономии бурят и её формы. Реализацию этого решения мог осуществить только Бурнацком, поскольку других органов управления бурятами в Забайкалье в тот период не было. Из всех лидеров национального движения организо-

ром формирования первого в истории бурят государственного устройства стал Петр Никифорович Дамбинов.

При всех отрицательных характеристиках членов Бурнацкома, автор фундаментального труда «Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.)» Н. Д. Шулунов отмечает деятельность эсера П. Н. Дамбинова [6, с. 261].

Дальневосточная республика была создана как буржуазно-демократическая, но ее характер был формальным, поскольку на ее территории продолжала существовать советская власть. В ДВР бурятское население получило возможность открыто поставить на обсуждение вопросы национального самоопределения [4, с. 161]. В условиях ДВР могли вести свою деятельность эсеры.

П. Н. Дамбинов обратился к председателю Правительства Дальневосточной республики А. М. Краснощекову с вопросом об образовании Бурят-Монгольской автономной области на основании «Декларации прав народов России». Получив одобрение со стороны правительства ДВР, П. Н. Дамбинов 17 марта 1920 г. созвал совещание представителей бурятского народа, на котором был сформирован временный общебурятский орган во главе с П. Н. Дамбиновым – Бурятский нарревком, в который вошли лидеры национального движения бурят бывшие члены Бурнацкома Э. Д. Ринчино, Б. Цыренжапов и Ц. А. Асалханов. На местах стали создаваться народно-революционные комитеты. 31 марта 1920 г. уполномоченный Народного Комиссариата иностранных дел по Сибири Я. Д. Янсон прислал в Верхнеудинск телеграмму о праве народностей на самостоятельность и автономию [6, с. 266].

На учредительном съезде бурят Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков, прошедшего 24 мая – 3 июня 1920 г. в г. Верхнеудинске «националисты», как пишет Н. Д. Шулунов: «заявили, якобы от имени бурятского народа» [Там же, с. 264]. Оказавшись без официального органа управления П. Н. Дамбинов, Э. Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Б. Цыренжапов, Ц. А. Асалханов и др. продолжали выступать в интересах бурятского народа от его имени.

В дальнейшем образовании автообласти занялись Дальневосточное бюро Центрального Комитета Российской коммунистической

партии большевиков (ЦК РКП(б)) и правительство ДВР. Перед бывшими членами Бурнацкова встал задача возвращения земельных угодий, изъятых у бурят царской администрацией, и они выступили с Декларацией, требуя вернуть переселенческие участки, бывшие кабинетские, церковные, монастырские, дацанские земли, а также земли, отчужденные государственной властью по разным основаниям [6, с. 269]. 17 января 1921 г. правительство ДВР признало аймачные, хошунные и сомонные народно-революционные комитеты органами национального самоуправления [4, с. 168].

П. Н. Дамбинову удалось преодолеть сопротивление большевиков на расширенном совещании представителей министерств и Бурятского нарревкома, оставив за собой право создания автономии. Совещание, признав необходимость образования Бурят-Монгольской области, приняло резолюцию, предложенную П. Н. Дамбиновым. 12 февраля 1921 г. началось заседание Учредительного собрания ДВР, на котором была принята Конституция ДВР. На основании ст. 116–120, территория, населенная бурятским населением, выделяется в особую область в составе ДВР [5, с. 26]. На Учредительном съезде автономной области ДВР 19 апреля 1921 г. Бурнарревком был распущен и избрано временное Бурят-Монгольское областное управление (Бурмонавтоупр), которое П. Н. Дамбинов возглавил. В состав нового органа управления вошли Ж. Ш. Шойванов и Б. З. Дылгыров [6, с. 78].

Перед руководством молодой БМАО встал основная задача – земельный вопрос, который являлся для бурят «решением их национального существования, вопросом жизни и смерти» [1, с. 17]. 14 декабря 1921 г. Народное собрание ДВР приняло Закон о земле, который дал основные направления для землеустройства, создал условия и установил определенные формы землепользования (ст. 2; ст. 29) [3, с. 1]. Закон о земле ДВР давал основные нормы землераспределения и землепользования, а также устранял чересполосицу.

Хотя РКП(б) заявила о необходимости решительной борьбы с результатами переселенческой политики царизма, на местах это с трудом осуществлялось. У Бурят-Монгольской автобласти не было административно цельной территории, не было и порядка, на ее территории фактически действовали две власти [1, с. 20]. В этих условиях решить земельный вопрос было практически невозможно. Бурятская администрация могла заниматься распределением земли только на землях бурят. Особенно сложно было в случае нахождения русской деревни на территории БМАО или

бурятского хошуна в Забайкальской области [Там же, с. 22]. Руководителям Бурят-Монгольской автобласти не совсем удалось решить земельный вопрос по объективным причинам.

У области было очень тяжелое финансовое положение, помощь от правительства ДВР и Забайкальской области не поступала [2]. Здесь следует отметить, что советская власть не оказывала полной поддержки Бурнарревкому и Бурмонавтоупру из-за партийной принадлежности руководителей автобласти, но и вследствие своей хозяйственной и финансовой слабости. Финансовое положение БМАО стало улучшаться, как сообщает источник, после ее советизации. «Плохо или хорошо, но у Бурятии намечаются свои финансы. Правда, только еще намечаются», отмечает источник 1923 г. [1, с. 20]. Незавершенность земельной реформы, порой полное отсутствие землеустроительных работ на большей части автобласти, требовало постоянного согласования с губернским руководством, политической гибкости и осторожности для эффективной защиты интересов бурят. Таким образом, П. Н. Дамбинову и его соратникам по Бурнацкову пришлось работать в чрезвычайно сложных условиях. В ноябре 1921 г. Бурят-Монгольскую автобласть возглавил коммунист М. И. Амагаев. П. Н. Дамбинов был арестован и сослан сначала в г. Ярославль, затем в г. Москву.

Эсеры возглавляли БМАО ДВР относительно недолгий период, но они сделали главное – создали новое национально-административное образование, включившее только бурятское население. За это время Бурнарревком, затем Бурмонавтоупр решали вопросы о выделении территории и установления границ. Несмотря на разбросанность аймаков, им удалось сформировать новую государственную структуру управления.

Одновременно им пришлось решать основной вопрос, стоящий перед бурятским населением – земельный. Незавершенность земельной реформы, порой полное отсутствие землеустроительных работ на большей части автобласти, требовало постоянного согласования с губернским руководством, политической гибкости и осторожности для эффективной защиты интересов бурят. Руководителям Бурят-Монгольской автобласти не совсем удалось решить земельный вопрос по объективным причинам. Одновременно они работали над созданием национальных школ, здравоохранения и культуры. Автономия в рамках автобласти была ограниченной по юридическим, политическим и социальным причинам. Полную автономию бурятское население получило в рамках Бурят-Монгольской АССР.

Список литературы

1. Бурят-Монгольская Автономная Область Д. В. (краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). Чита: Гос. тип., 1923. 120 с.
2. Бурят-Монгольская автономная Социалистическая Советская Республика. Очерки и отчеты. 1923–1924. Верхнеудинск: Издание Госплана Б-М.А.С.С. Р., 1925. 379 с.
3. Вестник Министерства Внутренних Дел. 1922. № 3. Чита: Гос. тип., 1922. 33 с.
4. Елаев А. А. Республика Бурятия: 100 лет автономии и государственности. Изд. 2-е, перераб. и доп. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2023. 566 с. DOI: 10.18101/978-5-9793-1853-0-2023-1-566. EDN: PVMSXX
5. Основной Закон (Конституция) Дальне-Восточной республики. Чита: Гос. тип., 1921. 72 с.
6. Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1972. 492 с.

Сведения об авторе

Санжиева Т. Е. – доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и филологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, sanj_te@mail.ru

УДК [94+27-575.2] (571.5)

Отношение сельского населения к культовым зданиям
Забайкальской епархии в начале 1920-х годов

Владимир Иванович Косых

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
kaf-ist-zabgu@yandex.ru

Газета «Забайкальский крестьянин» в начале 1920-х гг., являясь важным средством агитации и пропаганды нового советского образа жизни, публиковала в том числе и заметки сельских корреспондентов против церкви. Селькоры призывали использовать пустующие церковные здания для школ, изб-читален и клубов. Руководство Забайкальской епархии старалось сохранить культовые здания, духовенство и верующих.

Ключевые слова: сельский корреспондент, газета «Забайкальский крестьянин», Забайкальская епархия, культовое здание

В Забайкальской епархии в 1922–1923 гг. в некоторых православных церковных зданиях некому было служить. Часть духовенства к этому времени сумела покинуть свое ведомство, поэтому пустующие без священников приходские и приписные церкви закрывались.

В деревнях работали партийные и комсомольские ячейки, члены которых хотели показать себя в глазах земляков людьми нового времени. В пустующих церковных зданиях коммунисты и комсомольцы предлагали открыть школы, клубы или избы-читальни, в которых планировали организовать различные полит-просветительные беседы, спектакли, концерты и вечера. Местные верующие жители, кулаки и бывшие клирики выступали против захвата церковных зданий. На страницах читинской газеты «Забайкальский крестьянин» публиковались материалы сельских корреспондентов о судьбе пустующих церковных зданий.

Из с. Малышево Шелопугинской волости селькор И. Кириллов сообщал, что местная

община верующих передала старое здание пустующей церкви под народный дом. Коммунисты и комсомольцы приступили к ремонту церкви, построив сцену. Товарищ Кириллов обращался к читателям: «Наши действия – пример для многих» [4, с. 4].

Председатель волостного революционного комитета Манкечурской волости Е. Колобов отмечал, что местная коммунистическая ячейка на общих собраниях селян поднимала вопрос о передаче здания церкви «для общества», чтобы открыть клуб и читальню, где молодежь «могла бы разумно развлекаться вместо вечеров и гулянок» [5, с. 3].

Внештатный корреспондент под псевдонимом Местный сообщал, что общество верующих «как баран в стену уперлось» и не отдает «божью церковь проклятым комсомольцам» [3, с. 4]. Противостояние между кулаками и жителями с. Малышево закончилось передачей здания церкви под клуб. В селе Дая Копунской волости пустовал дом бывшей потребитель-

ской кооперации, который комсомольцы решили перестроить под клуб. На общем собрании местные кулаки выступили против комсомольского клуба: «Никогда! Мы своих детей в безбожный комсомол не пустим и здание им отдавать нельзя, а то как и в прошлый год безобразничать начнут, да наши седины высмеивать» [2, с. 3]. В итоге помещение под клуб комсомольцам получить не удалось. Сельский сход принял решение перенести туда школу, однако «дом пустует и ныне» [Там же].

Селькор Р. В. Крестьянин писал о суевериях пожилых местных жителей и кулаках, которые «не пускают своих детей посещать клуб» [6, с. 3]. Корреспондент под псевдонимом До-Фа сообщал о передаче в пос. Верх-Ягье Шелопугинской волости здания полуцеркви для клуба, считая «необходимым иметь очаг культуры для воспитания молодежи». В нем коммунисты и комсомольцы планировали поставить свой первый спектакль [1, с. 1].

Около года в селе Шахтама население боролось против местного священника, который «буквально охранял церковь» [7, с. 1]. Противостояние закончилось распродажей церковного имущества. На вырученные деньги местные жители уплатили волостной налог и отремонтировали школу. Церковный серебряный крест стоимостью более чем 100 руб. жители села передали в пользу голодающих СССР и Забайкалья [Там же].

В деревне Албазинка Завитинского уезда Амурской области крестьяне переорганизовали церковное здание в Народный дом, убрав кресты, купола и церковные колокола. Сообщалось, что в Народном доме «идет постоянная работа. Пока здесь не хватает литературы и оборудования, однако в последствии и это появится» [Там же]. Делалось это для того, чтобы крестьяне знали о том, что советская

деревня борется за новую жизнь, против религиозных предрассудков.

Читателей газеты «Забайкальский крестьянин» селькор Михалев информировал, что в с. Мучукан Бурюмканской волости верующих осталось совсем немного. Общее собрание жителей, познакомившись с текстом советского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, вынесло постановление о передачи здания церкви для школы, «имущество и церковные ценности употребить на культурные нужды и покупку учебников для школы» [8, с. 3].

Жители села Амазар Могочинской волости тоже приняли решение о том, что «церковь как орудие опутывания умов человеческих, как храм темноты и невежества закрыть и просить Волревком избавить их от охраны церковного имущества». Селькор Павлов написал обращение: «Могочинцы, очередь за вами, последовать примеру амазарцев» [9, с. 3].

Органы советской власти Забайкальской губернии в начале 1920-х гг. напрямую не вмешивались в решения местных сельских собраний о судьбе пустующих культовых зданий православной епархии. На страницах читинской печати, в т. ч. «Забайкальский крестьянин», публиковалась информация о практической реализации государственной политики по отношению к православной епархии в начале 1920-х гг.

Информационные сводки селькоров по форме и содержанию однотипны, составлены на основе сведений, поступающих из сёл Забайкалья. Однако, это не умаляет исторической значимости этой группы источников, позволяющей оценить состояние Забайкальской епархии в данный исторический период и политику государства по отношению к церкви через деятельность коммунистических и комсомольских ячеек забайкальских волостей.

Список источников

1. До-Фа Клуб нужнее // Забайкальский крестьянин. 1923. 8 апр. С. 1.
2. Местный «Ни себе, ни людям» // Забайкальский крестьянин. 1923. 31 янв. С. 3.
3. Местный «Ни себе, ни людям» // Забайкальский крестьянин. 1923. 25 марта. С. 4.
4. Кириллов И. Вместо пустующей церкви – народный дом // Забайкальский крестьянин. 1923. 4 февр. С. 4.
5. Колобов Е. Нужны ли церкви? // Забайкальский крестьянин. 1923. 18 февр. С. 3.
6. Крестьянин В. Р. Клуб вместо церкви // Забайкальский крестьянин. 1923. 25 марта. С. 3.
7. Любимов К. Шахтминцы отказались от церкви // Забайкальский крестьянин. 1923. 15 апр. С. 1.
8. Михалев Разумный подход // Забайкальский крестьянин. 1923. 8 июля. С. 3.
9. Павлов Решили закрыть // Забайкальский крестьянин. 1923. 8 июля. С. 3.

Сведения об авторе

Косых В. И. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, kaf-ist-zabgu@yandex.ru

История представительства Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы в документах Государственного архива Российской Федерации

Евгений Юрьевич Шаповал

Государственный архив Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия
ewgen8282@inbox.ru

В статье на основе документов Государственного архива Российской Федерации рассматривается история представительства Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930 гг. Анализируются правовые основы, механизмы формирования, функции и практическая деятельность представительства как ключевого института взаимодействия между центральной властью и автономной республикой. Архивные документы свидетельствуют, что представительство было активным субъектом в решении широкого круга проблем республики.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), национальная политика, государственное управление, автономия, представительство, архивные документы

Становление и развитие советской автономии народов Восточной Сибири в 1920–1930 гг. является многогранным процессом. Важным, но остававшимся длительное время на периферии научного внимания, аспектом этого процесса выступает система представительства автономных республик и областей при высших органах власти РСФСР. Представительство Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) при Наркомнаце (1921–1924 гг.), затем при Президиуме ВЦИК (1924–1938 гг.) было центральным звеном в цепи взаимоотношений между автономией и союзно-республиканским центром. Его деятельность обеспечивала прямое участие республики в подготовке общегосударственных решений, касающихся её интересов, и способствовала лоббированию её специфических нужд в области экономики, культуры и управления.

Целью статьи является попытка раскрыть историю представительства БМАССР на основе анализа документов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Для достижения этой цели решаются следующие задачи: выявление правовой базы деятельности представительства; анализ его структуры и кадрового состава; определение направлений и результатов работы.

Источниковую базу исследования составили документы из фондов ГАРФ:

Ф. Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). В данном фонде содержатся протоколы заседаний Президиума ВЦИК, постановления, переписка с представительствами автономных республик,

в том числе с представительством БМАССР [1–3].

Ф. Р-1318 – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац). Материалы этого фонда (за период до его ликвидации в 1924 г.) проливают свет на ранний этап формирования национальной политики и институтов представительства [20].

Ф. Р-3316 – Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК). Документы этого фонда содержат сведения о формировании советского государства и законодательства, влиявшего на статус автономий [21].

В ГАРФ хранятся значимые документы, регламентировавшие процесс формирования представительств автономных республик и областей. Среди нормативных документов выделяются:

– Постановление ВЦИК от 21 апреля 1921 г. «О представительствах автономных республик и областей при Президиуме ВЦИК», которое определило статус и полномочия представительств [17].

– Декрет ВЦИК «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками» от 6 октября 1922 г., который заложил основы для создания представительств республик [18, л. 1–3].

Стоит отметить, что правовой статус и функции представительств автономий также конкретизировались в специальных положениях.

Представительство БМАССР было образовано еще до официального создания самой республики – в 1921 г. Этот факт подчеркивает значение, которое придавалось созданию

канала коммуникации между национальными регионами и центром на раннем этапе советской государственности.

Представитель и его небольшой аппарат назначались и финансировались правительством БМАССР, но их деятельность контролировалась как ЦИКом республики, так и Наркомнацем и впоследствии ВЦИК [16].

Основными функциями представительства были:

1. Представление интересов БМАССР во всех центральных учреждениях РСФСР.

2. Участие в подготовке законопроектов и распоряжений центральной власти, затрагивающих интересы республики.

3. Содействие проведению в жизнь постановлений центральных органов на территории Бурят-Монголии.

4. Информирование правительства республики о деятельности центральных учреждений.

5. Ходатайство перед ВЦИК и СНК РСФСР по вопросам экономического и культурного развития БМАССР.

Первым постоянным представителем БМАССР при Президиуме ВЦИК был назначен М. Е. Атанов, впоследствии один из ведущих партийных и государственных деятелей республики [19, с. 7, 449].

Анализ архивных документов позволяет выделить несколько ключевых направлений в работе представительства.

1. *Участие в законодательном процессе и государственном строительстве.*

Представительство участвовало в обсуждении и доработке проектов Конституции РСФСР 1925 г. и последующих законодательных актов, касающихся прав автономных республик [4]. В переписке с ВЦИК представительство БМАССР вносило предложения по формулировкам, защищающим специфические интересы республики, в частности, в вопросах административно-территориального формирования, землеустройства и пользования недрами [7; 8; 13]. Документы фиксируют ходатайства представительства о разграничении полномочий между центральными и республиканскими органами власти.

2. *Решение хозяйственно-экономических вопросов.*

Это направление было наиболее объемным. Представительство играло роль в согласовании и защите бюджета республики, планов капитального строительства, выделении кредитов и материальных ресурсов. В архиве сохранились многочисленные докладные записки представительства с обоснованием необходимости финансирования строитель-

ства промышленных объектов (например, Верхнеудинского паровозовогоноремонтного завода), развития транспорта и связи [10–12]. В условиях острой нехватки ресурсов в 1920-е гг. представительство лоббировало выделение семенных ссуд, сельскохозяйственного инвентаря для борьбы с последствиями неурожая [13].

3. *Культурное и социальное развитие.*

Представительство выступало с инициативами по развитию национального образования [6], здравоохранения [14] и науки. В архиве отложились документы, связанные с ходатайствами об открытии в республике техникумов, выделении средств на издание учебной литературы на бурят-монгольском языке, организации научных экспедиций. Важным аспектом была работа по подготовке и направлению в республику квалифицированных кадров из центральных регионов.

4. *Информационно-отчетная функция.*

Представительство регулярно направляло в ЦИК и СНК БМАССР информационные сводки о работе центральных учреждений, проектах постановлений, а также о деятельности самого представительства [9; 10]. Эти отчеты, хранящиеся в том числе и в фондах ГАРФ, являются ценнейшим источником для понимания механизмов взаимодействия центра и периферии, отражая процесс принятия управленческих решений в сложной системе советской административной иерархии.

Проведенное исследование на основе документов ГАРФ позволяет сделать вывод о значительной, но эволюционировавшей роли Постоянного представительства Бурят-Монгольской АССР в государственном развитии республики в 1920–1930 гг.

В первый период своего существования (1920-е – начало 1930-х гг.) оно являлось действенным механизмом взаимодействия между центром и автономией, способствуя решению конкретных проблем экономического, социального и культурного строительства в Бурят-Монгольской республике. Архивные материалы демонстрируют, что представительство было вовлечено в широкий спектр вопросов – от конституционных до сугубо хозяйственных. Оно обеспечивало прямое участие республики в общегосударственной политике и позволяло доводить ее специфические нужды до сведения высших органов власти РСФСР. Однако в условиях становления централизованной командно-административной системы и свертывания реальных полномочий автономий, функции и значение представительства претерпели существенные изменения. Из активного субъекта политики, отстаивающего интересы реги-

она, оно превратилось в проводника директив центра, что отражало общую логику развития советской государственности в 1930-е гг. Дальнейшее изучение деятельности представи-

тельства может быть плодотворно связано с сравнительным анализом его работы с аналогичными институтами других автономных республик.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1235. Оп. 128.
2. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 130.
3. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141.
4. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 2.
6. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 3.
7. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 4.
8. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 6.
9. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 7.
10. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 9.
11. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 10.
12. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 12.
13. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 15.
14. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 17.
15. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 20.
16. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. Д. 24.
17. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1193.
18. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5.
19. У истоков федерализма: история представительства Бурят-Монгольской АССР во ВЦИК РСФСР в документах Государственного архива Республики Бурятия. К 100-летию Республики Бурятия: сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Е. Ю. Шаповал; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2022. 540 с.
20. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР. Текст: электронный // Путеводитель. 1996. Т. 2. Наркомат по делам национальностей РСФСР (1917–1924) и его подведомственные учреждения. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/1205> (дата обращения: 05.11.2025).
21. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР. Текст: электронный // Путеводитель. 1997. Т. 3. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР) и подведомственные учреждения. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/1397> (дата обращения: 05.11.2025).

Сведения об авторе

Шаповал Е. Ю. – кандидат исторических наук, начальник отдела информационных архивных технологий, Государственный архив Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия, ewgen8282@inbox.ru

УДК [94+351.746.1 + 355.31/35] (571.54)

Оперативно-чекистская деятельность войск НКВД в Забайкалье в предвоенный период

Александр Валерьевич Ануфриев¹,

Андрей Владимирович Южаков²

¹Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

²Иркутское региональное отделение Российского
военно-исторического общества, г. Иркутск, Россия

¹nnnadezhda@mail.ru, ²rvio38@rvio.org

Авторы, опираясь на широкий круг неопубликованных архивных источников, показывают оперативно-чекистскую деятельность войск НКВД в предвоенный период на территории Забайкалья. 70-й отдельный Читинский и 40-й отдельный Бурятский дивизионы проводили оперативно-чекистскую деятельность. В результате реформы войск НКВД в 1933 г. были ликвидированы территориальные оперативные дивизионы и ставка на востоке страны была сделана на пограничные войска и войска по охране железных дорог.

Ключевые слова: войска НКВД, диверсанты, железные дороги, Забайкалье, чекисты

В начале 1930 г. началось переформирование войск ОГПУ (НКВД). Если раньше костяк войск составляли местные территориальные дивизионы ОГПУ (НКВД), так в Забайкалье это был 70 отдельный Читинский и 40 отдельный Бурятский дивизионы. Именно на них легла обязанность проведения оперативно – чекистской деятельности на территории Забайкалья с 1924 по 1933 г.

Несмотря на свою малочисленность (а штат Читинского дивизиона в зависимости от периода составлял от 75 до 143 чел.), эти войска показали свою боеспособность, подавив многочисленные очаги восстаний на территории Забайкалья. Как констатирует автор исторического формуляра дивизиона, «контрреволюционные выступления предупреждены, благодаря умелой работе оперативного состава, чекистской выдержанности и быстро установленной связи с населением». Последней мощной вспышкой крестьянско-казацких восстаний стало начало 30 гг., когда по Забайкалью прокатились антиколхозные бунты.

После их подавления необходимость в тер. частях ОГПУ (НКВД) частично отпала, ходе реформы войск, территориальные дивизионы были расформированы, а единственной оперативной частью, расположенной в Восточной Сибири, стал 7 кавалерийский полк НКВД, дислоцированный в Иркутске. Но зато резко увеличивалась численность войск по охране железных дорог. Так, в соответствии с приказом ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю от 16.10.1932 г. была создана 6 бригада войск по охране железных дорог, принявшая под охрану Восточно-Сибирскую и Забайкальскую (дорога им. Молотова) железные дороги. В её состав входили 20 (Иркутск), 21 (Чита) и 22 (ст. Зилово) полки. Штаб бригады был размещен в Чите. Однако уже в конце года бригада стала именоваться 2 Забайкальской, а полки соответственно сменили нумерацию и тоже стали забайкальскими. Уже накануне войны – в 1939 г. бригада переформируется в 8 дивизию по охране железных дорог, а в соответствии с директивой № 24/19870 от 19.04.1941 г. к названию добавлено «и охране особо важных объектов». Хотя частей по охране ОВОП в Забайкалье (за исключением отдельных взводов) не было. Отдельный 193 полк по охране особо-важных объектов появился в составе дивизии только в самом начале войны в 1941 г. и в его состав были переданы взводы охраны Центрального телеграфа (Чита) и радиопередающего центра «Кенон» [2, л. 1–3].

Несмотря на название «войска по охране железных дорог», войны – чекисты активно привлекались к оперативно – чекистским ме-

роприятиям на территории Забайкалья. Конечно, такого количества вооруженных выступлений против Советской власти, как на рубеже 1920–30 гг. уже не было, но локальные стычки происходили с завидной регулярностью. Так, в феврале 1933 г. отряду под командованием младшего командира полковой школы 6 Забайкальского полка по охране железных дорог Касьяновского, пришлось усмирять бунт «тылоополченцев», из числа бывших кулаков, мобилизованных на строительные работы на ст. Зилово. Поводом к бунту послужила невыдача хлеба в течение 6 суток. Восставшие обвинили в этом начальство и ряд осужденных, сотрудничавших с администрацией. Захватив «стукачей», они, по словам очевидцев, «выжгли живот (им) каленым железом». Восстание было подавлено 2 марта отрядом школы младших командиров, всего было арестовано 7 «тылоополченцев» [4, л. 6, 21].

В 1934 г. у ст. Могоча опергруппой под командованием ком. взвода Шульги была ликвидирована вооруженная банда братьев Батеньковых. В 1936 г. только воинами – чекистами 6 Забайкальского полка было задержано 1 277 нарушителей режима, обезврежено 9 вооруженных диверсантов, 17 раз пришлось применять при задержании оружие. Но иногда противниками чекистов становились и настоящие шпионы, и диверсанты, переброшенные из Маньчжоу-Го, и курируемые японской разведкой. Наиболее характерный эпизод произошёл в сентябре 1936 г. 5 сентября в 19 часов в казарму железнодорожников на 7 064 км. Амурской железной дороги, явилась группа из 10 вооруженных винтовками и пистолетами людей в защитной одежде. Загнав мужчин в погреб, они похитили продовольствие и увели 2 коров и ушли в тайгу.

Для поимки преступников была сформирована оперативная группа из числа командиров и бойцов 6 Забайкальского полка и сотрудников местного районного отдела НКВД. Ход операции курировал зам. начальника УНКВД по Дальневосточному краю комиссар госбезопасности 3 ранга С. И. Западный. 7 сентября группа из 24 чекистов под командованием Калашникова в ходе поисков напоролась на ДРГ в составе 24 человек в районе устья р. Ушман (при впадении в Амазар). Командир взвода лейтенант Галатин, начальник оперпункта УГБ ст. Амазар Калашников (и 3 бойца передового дозора «проявили трусость, оставив поле боя»). Политрук Тимарин, принявший на себя командование, вступил в неравную схватку. В ходе боя младшие командиры Таскаев и Нелюбин и пулемётчик Крюков «ружейным и пулеметным огнем остановили врага и заста-

вили его отойти» в тайгу. Под покровом ночи банда бежала, оставив на месте боя 4 погибших и одного тяжелораненого. В результате боя противник потерял руководителя отряда Маслакова, среди чекистов потерь не было, но был убит рабочий – проводник отряда. На месте боя противник оставил оружие, обмундирование и до 8 тыс. патронов.

9 сентября опергруппа лейтенанта Красникова блокировала остатки ДРГ у прииска Калтагай. В результате боя был убит один из бандитов и двое были чекистами взяты в плен. 10.09 группа под командованием майора Кангера захватила раненого бандита Щукина. Остатки банды были рассеяны в тайге. Чекистам в качестве трофеев достались 32 винтовки, 32 пистолета (Браунинг), ручные гранаты и патроны. При допросе пленные назвались Первым отрядом спасения Родины. Отряд состоял из 32 белоэмигрантов, командовал отрядом Маслаков. Задачами отряда была разведка в забайкальском приграничье и проведение диверсий на линии железной дороги. За мужество и героизм трое воинов чекистов были удостоены правительственных наград. Орденами Красного знамени постановлением ВЦИК от 26.04.1937 г. были награждены: пулеметчики Н. С. Крюков (1912 г. рождения, из колхозников, беспартийный) и В. С. Тимофеев. В наградных документах содержалась формулировка: «за доблесть и героизм, проявленные при защите государственных границ (ликвидация банды Маслакова – Ершова) на участке 69 полка» [4, л. 24–28].

Стоит отметить, что это были не первые награды чекистов этого соединения, так, командир 67 полка полковник Ф. М. Бобраков ранее был награжден тем же орденом «за боевые подвиги по руководству подавлением контрреволюционных выступлений и бандитизма в Забайкалье» [6, с. 67].

Выполняли чекисты свои служебно-боевые обязанности и за пределами Советского Союза. В предвоенный период известно минимум о двух командировках воинов НКВД в Монгольскую народную республику. И если первая командировка для участия воинов – пограничников на Халхин-Гол в 1939 г. достаточно подробно описана в литературе [1; 5 и др.], то о второй почти ничего не известно. В соответствии с договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и МНР, заключенном 27 ноября 1934 г. в г. Москве, предусматривалась взаимная поддержка в случае военного нападения на одну из сторон. В 1937 г. на территорию Монголии был введен контингент советских войск.

Для обеспечения инфраструктуры началось строительство шоссейной дороги Сухэ-Батор – Улан-Батор – Ундур-хан – Баянтумэн протяженностью свыше 1 000 км и железной дороги Соловьевск – Баянтумэн. Были построены ряд аэродромов и других важных объектов.

Для строительства объектов и прежде всего шоссейной дороги активно использовался «спецконтингент». Для охраны и предотвращения побегов со строительства, на монгольскую территорию в августе 1936 г. была введена единственная оперативная часть НКВД, дислоцированная в Восточной Сибири – 7 кавалерийский полк НКВД. Полк был создан Приказом ОГПУ № 1060 от 02.03.1934 г. в Иркутске и включал в свой состав два кав. дивизиона НКВД (из состава 3 Ленинградского кав. полка НКВД и 67 полка по охране железных дорог) и сводные команды из числа 28,70 и 73 кав. дивизий РККА. В соответствии с приказом полк в августе 1936 г. выступил в поход, «не было ни одного грустного взгляда среди бойцов и командиров, вызванного неизвестностью командировки. У всех было единое желание – доехать скорее до места и выполнить с честью, оперативную задачу». До ст. Дарасун полк был переброшен по железной дороге, а далее начался конный марш. Поход был сложен и тяжёл: «... чувствовалась усталость... в последние дни усталость начала отступать, люди и лошади втянулись в поход».

По прибытию на место полк был размещён в землянках и приступили к несению службы. Зафиксированы не менее 3 крупных побегов, ликвидированных чекистами. Так, в ноябре 1936 г. группа осужденных совершила побег и ограбила кооперативный магазин, группа красноармейца Котова, при помощи местных жителей задержала преступников. 23.11.1936 г. группа лейтенанта Сальникова задержала осужденных, покинувших стройку в 1 120 км. от места побега. За время боевой службы полка на территории МНР, успешных побегов не было. Только перед Новым годом полк, совершив конный марш, через Акшу, выполнив поставленную задачу, вернулся в место постоянной дислокации [3, л. 1–5].

Можно констатировать, что части ОГПУ(НКВД) в предвоенный период выполнили поставленную перед ними оперативно-чекистские задачи. В отличие от рубежа 1920–1930 гг. массовые выступления против Советской власти в Забайкалье сошли фактически на нет. Отдельные выступления, которые были, легко подавлялись силами войск НКВД, дислоцированных в Забайкалье. В результа-

те реформы войск НКВД в 1933 г. были ликвидированы территориальные оперативные дивизионы, и ставка на востоке страны была сделана на пограничные войска и войска по

охране железных дорог, на которые кроме их основной служебно-боевой деятельности, были возложены оперативно – чекистские задачи, с которыми они с честью справились.

Список литературы

1. Жданов С. А. Пограничники Забайкалья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Оттиск, 2015. 192 с. EDN: UWIOJV
2. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 39026. Оп. 1. Д. 45.
3. РГВА. Ф. 34164. Оп. 1. Д. 81.
4. РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 226.
5. Сеченов И. В. Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 г. Иркутск: Географ, 2014. 108 с.
6. Ануфриев А. В., Чапыгин И. В., Южаков А. В. Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го иркутского полка от Байкала до Сталинграда: исследования и материалы. Иркутск: Оттиск, 2021. 335 с. EDN: LGBSRP

Сведения об авторах

Ануфриев А. В. – старший преподаватель кафедры истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, pnpadezhda@mail.ru

Южаков А. В. – председатель, Иркутское региональное отделение Российского военно-исторического общества, г. Иркутск, Россия, rvio38@rvio.org

УДК [94+631] (571.54)

Сельская жизнь по материалам протоколов заседаний Хохотуйского сельского совета Петровск-Забайкальского района Читинской области за 1948 год

Алексей Александрович Изосимов

Барнаульская духовная семинария, г. Барнаул, Россия
pokrovbds@yandex.ru

Статья посвящена истории жизни и деятельности сельских жителей послевоенных лет. Протоколы заседаний исполкома (исполнительного комитета) сельсовета (сельского совета), хранящиеся в архиве, являются важными историческими источниками. Село Хохотуй Петровск-Забайкальского района Читинской области (ныне Забайкальский край) в настоящее время значительно уменьшилось по численности населения в сравнении с советским периодом.

Ключевые слова: Читинская область, сельский совет, исполком, Хохотуй, колхоз имени Калинина, колхоз «Соц.стройка»

Протоколы, хранящиеся в архиве г. Петровска-Забайкальского, находятся в плохой степени сохранности. Написанные чернилами, иногда карандашом на бумаге низкого качества или напечатанные с помощью фиолетовой копировальной бумаги, в настоящее время протоколы трудно прочитать, потому что текст документов постепенно исчезает. Изучаемые протоколы разместим в хронологическом порядке и по тематике поднимавшихся вопросов, чтобы познакомиться с жизнью сельчан. 29 января 1948 г. на заседании 2-й сессии Хохотуйского совета народных депутатов, на которой присутствовало 10 депутатов и 9 приглашенных, секретарь Е. И. Гусякова и председатель М. Г. Иванова Многие вопросы затрагивались

на заседаниях сельского совета: от самых серьезных до, казалось бы, простых. Хотя в трудные послевоенные годы простых вопросов не могло быть. На январском заседании рассматривали следующие вопросы: полит-массовая работа среди колхозников с. Ушоты; распределение лошадей в колхозе «Соц.стройка»; использование ялового скота (прим. автора: яловый скот, который не приносил ещё потомства) на работах в колхозах. Затронули и вопросы материально-технического обеспечения к посевной в колхозе «Соц.стройка»: ремонт хоз. инвентаря, хомутов (прим. автора: важная часть конской упряжи). Депутаты интересовались мерами поощрений колхозникам, а также выполнением обязательств по выплате

колхозникам за 1947 г. Некоторые колхозники, отработав в колхозах до пенсионного возраста, пенсию до самой смерти так и не получали, по причине или утраты документов, или недоплатного трудового оформления. Интересовал депутатов план работы в колхозах и очень важный вопрос падежа скота в колхозе имени Калинина. После выступления Денисова, начальника ЛТХ (Хохотуйское лесотранспортное хозяйство), были заданы следующие злободневные вопросы: посещают ли председатели колхозов места лесозаготовок, обеспечены ли колхозники необходимыми инструментами, как питаются колхозники. Важно отметить, что до 90-х годов в селе Хохотуй было две заводских столовых: одна на территории завода, другая в селе, недалеко от клуба, школы и детского сада. Интересовал депутатов вопрос о санитарном состоянии на лесоучастке и условиях, созданных для стахановцев. На заседании был поднят индивидуальный вопрос депутатом Мищенко о замене конюха Куликова [3, л. 1].

Заседание, проходившее 4 февраля 1948 г., и зафиксированное в протоколе № 3, было полностью посвящено вопросу самообложения: о расходовании средств в 1947 г. и о проведении самообложения в 1948 году. На заседании присутствовало 12 чел., из них актив в следующем составе: И. А. Клишанец, М. Г. Иванов, В. П. Пермякова, М. Алексеев, И. Дзюба, В. Александров, Гусякова [4, л. 1].

На собрании исполкома 18 февраля 1948 г. присутствовало 6 чел. депутатов и 9 чел. приглашённых активистов. Заседание возглавил Н. Ю. Смыков. Секретарем собрания была Н. Симухина. На собрании заслушали доклад ветфельдшера товарища Бурлакова, который доложил о ходе зимовки в колхозах. Также был заслушан доклад товарища Луневой о работе мед.пункта. На заседании были подняты следующие вопросы: кто заведовал птицефермой в колхозе «Соц.стройка»; какие меры принимает колхоз «Соц.стройка» по строительству телятника; какое количество кормов имеется на период весеннего сева. Волновал депутатов вопрос с кадрами в колхозах, вопрос по контролю за лошадьми фонда Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), а также о тягловой силе в колхозах. Собравшихся волновали, казалось бы, самые простые для нашего современного понимания вопросы. Так, пред.завкома Попов поднял вопрос о том, что в рабочем стаде быка нет. Быка, который был в рабочем стаде ранее, отдали в подсобное хозяйство по причине того, что кормить было нечем. Приходилось коров с рабочего стада водить к колхозному быку [5, л. 1]. Ещё в 90-е гг. XIX в. в с. Хохотуй было значительное

подсобное хозяйство, большое стадо крупного рогатого скота, но с развалом Лестранхоза, всё рухнуло.

На заседании 18 февраля 1948 г. выступил и товарищ Проценко. Он отметил, что был падеж телят в колхозах. В 1948 г., по словам Проценко, дела обстоят лучше, но по весне нужен особый уход за телятами. Товарищ Проценко говорил о необходимости строительства нового телятника, а также он озвучил ситуацию о неизвестной болезни кур и о брони на корма в весенний период. Мы приводим полностью выступление председателя сельского совета товарища Смыкова: «Товарищи, не так давно проходила 19 районная партийная конференция, на которой особо было отмечено насчёт поголовья скота. Были отмечены в ряде колхозов успехи и также недостатки. Но я хочу сказать о наших колхозах. Пример создания комиссии по проверке колхозов. Из чего видно, что ферма колхоза имени Калинина далеко выглядит лучше. Дойные коровы хорошей упитанности, но в колхозе «Соц.стройка» упитанность коров плохая, сепаратная ферма очень плохо выглядит, сепаратор неисправный, телятник очень в плохом состоянии в том и другом колхозе. В обоих колхозах имеется нарушения, разбазаривание молока. Ветфельдшер Булдаков относится мягкотело. Надо обращать особое внимание на колхозы нашего сельиспокома и особо обращать внимание на лошадей, чтобы иметь к весеннему сезону хорошей упитанности» [Там же].

Исполком сельского совета принял ряд решений: нужно было правлению колхозов Соцстройка и Калинина немедленно улучшить уход за скотом, чтобы не допустить падеж. Дали три дня на побелку телятника. Товарищу Бурдукову, председателю колхоза «Соцстройка», было поручено подготовить помещение для телят к марту. Также было принято решение о выделении лучших кормов (овёс, зелёнку, сено) для слабоупитанного скота. Нужно было весь конский состав с марта поставить на отдых, ради подготовки к весенней посевной. В срок до 15 марта подготовить корма, необходимые для посевной. Ветфельдшеру Булдакову с 1 марта начать прививать скот, для чего выделить колхозам в распоряжение Булдакова по одному санитару [Там же].

Вторая часть заседания была посвящена положению дел в детском доме. Звучали требования наладить работу в детском доме (прим. автора: детский дом до сих пор в селе Хохотуй действует. Конечно, у него за эти годы были разные наименования. По сей день дети из детского дома выращивают картофель и овощи; приучаются к труду, заготавливают

вместе с воспитателями и сотрудниками сено на сенокосных угодьях). Были приняты следующие решения: работа мед. пункта села Хохотуй признана неудовлетворительной. Принято решение об утренних и вечерних часах приёма строго по времени без срыва приёма больных. Товарищу Луневой предложили провести воспитательную работу с нарушителями антисанитарии и до 10 марта 1948 г. сделать обход всего участка села. Товарищу Луневой предписали обратить особое внимание на детский дом. Луневой лично оказать помощь детскому дому в налаживании идеальной чистоты, правильного ухода и питания воспитанников; организовать наличие кипяченой воды для питья. До начала посевной поры организовать в каждом колхозе в полеводческих тракторных бригадах санитарные посты для оказания первой медицинской помощи, снабдив их аптечками. Колхозы должны были выделить людей для подготовки.

Предстояла сдача ГТО. Ответственной за подготовку к сдаче ГТО назначена товарищ Лунева. До 1 марта товарищ Лунева должна была проверить состояние полевых станов, тракторные будки, молочные фермы, жилые дома с предложением устранить имеющиеся недостатки. Товарищ Лунева в период февраля, марта и апреля должна поставить прививки против оспы, дифтерии и брюшного тифа колхозникам и неорганизованному населению. Депутаты приняли решение просить товарища Хаванскую из райздрава прислать фельдшера в детский дом, поскольку имеющаяся медсестра малоопытная в медицинской работе, а также малограмотная. Исполком сельского совета просил райисполком и райздрав воздействовать на зав.медпунктом товарищу Луневу за ее «бездеятельность». Депутаты предложили комиссии здравоохранения Хохотуйского с/совета в лице товарища Гусляковой немедленно оказать помощь Луневой по ликвидации антисанитарии и наведения надлежащего порядка в детском доме. 15 марта заслушать товарища Луневу и комиссию здравоохранения о выполнении данного решения. Протокол заседания от 18 февраля 1948 г. подписан председателем собрания Смыковым и секретарем Симухиной [5, л. 2].

Заседание исполкома Хохотуйского сельского совета 16 марта 1948 г. было полностью посвящено рассмотрению вопроса о выделении пособий матерям. Были заслушаны заявления многодетной матери Бельтиковой Матроны Николаевны (дети: Николай, Владимир, Анатолий), многодетной матери Сидориной Лидии Романовны (дети: Леонид, Валентина, Галина, Любовь, Нина, Анатолий), заявление одинокой

матери Захаровой Парасковьи Васильевны. Исполком сельского совета подтвердил то, что Парасковья Васильевна действительно одна воспитывает дочь Любовь Васильевну и просил райсовет всем просителям назначить пособие [6, л. 1].

Из протокола № 7 от 28 августа 1948 г., написанного от руки достаточно разборчивым почерком, повестка дня этого заседания была следующей: 1. О ходе уборочной кампании в колхозах (докладчик Смыков); 2. О подготовке колхозов к стойловому периоду скота в зиму 1948–49 года (докладчик товарищ Булдаков). П. В. Смыков – председатель сельского совета – в своем докладе доложил о том, что «крайне тихо справляются с хлебоуборкой» и привел следующие данные: колхоз «Соц.стройка» из имеющихся 262 га. зерновых, убрал всего лишь 105 га; колхоз имени Калинина из 162 га. зерновых убрал – 98 га., хотя хлеб в обоих колхозах созрел уже полностью. Смыков отмечал, что большинство колхозников не выполняют нормы выработки, что имеются большие потери зерна в колосьях. Докладчик заметил то, что после того, как колхозы рассчитались зерном с государством в августе месяце, то сразу и успокоились. Товарищ Бурдуков в своем выступлении, соглашаясь со словами Смыкова, добавил и то, что требуется помощь в людях. Товарищ Сафонов заметил, что крайне неорганизованно прошел воскресник в колхозе «Соц.стройка» (прим. автора: более привычно слышать о субботниках, но тут речь именно о воскресном дне). Правление колхоза не подготовилось к проведению воскресника: большинство людей ходили без дела, хотя в колхозе имени Калинина при меньшем количестве людей, но при правильной организации сделали больше. Товарищ Мищенко, защищая колхоз «Соц.стройка», просил отметить тот факт, что помимо нехватки рабочих рук, колхозу совершенно не помогают железнодорожным транспортом начальник станции Акиншин и дорожный мастер Лоцманов. Товарищ Толмачёв в своем выступлении обратил внимание на то, что наблюдается достаточно плохое руководство в бригадах. Толмачев говорил о необходимости разъяснений и выполнения выработки трудодня, приводя в пример товарища Хохрякова, скашивавшего 50–60 соток в день, выведшего из строя жатку и снятого с жатки и переведенного на другую работу. В прениях выступили: товарищи Грешилов, Скибо, Круглыхин, Бермадская.

По седьмой сессии Хохотуйского с/совета решили: «в основном ход уборки хлебов в колхозах идет неплохо. Колхоз им. Калинина убрал зерновых 98 га, сдал государству

хлеба 129 ц 83 кг. Колхоз Соц.стройка убрал зерновых 101 га, сдал хлеба государству – 251 ц 58 кг. Это говорит за то, что колхозы нашего с/совета идут в районе впереди, но несмотря на это, из имеющихся людей, работающих в колхозах, и уборочных сельхоз машин, уборка хлебов идет крайне медленно, что может затянуть уборку хлеба с корня. Имеются факты, особенно в колхозе Соц.стройка, неправильной расстановки рабочей силы на уборке. В обоих колхозах имеются потери колосьев на полях. Правления колхозов соответствующей борьбы с потерями не ведут. В колхозе Соц.стройка крайне плохо работают жнейки, не вырабатывают норму жнетва, правление так же никаких мер не принимает, скирдовкой хлеба обоим колхозам мало занимаются» [7, л. 1].

Читая эти строки, и сравнивая с современным состоянием полей, удивляться можно тому, как в Забайкалье, с таким суровым климатом могли выращивать зерновые. Мало того, что выращивать, а ещё и сдавать государству указанное количество зерна. В настоящее время большинство полей уже заросло. В некоторых местах эти поля стали сенокосными угодьями. Но в большинстве своём на полях вырос сосновый лес, где можно собирать грибы. В 90-е годы XX в. поля ещё существовали. Зерно не выращивали, но сенокосные угодья и картофельные поля организовывали. Даже были споры за земли под картофель. Проезжая на машине по федеральной трассе или на поезде по Транссибу, нужно понимать, что там, где сейчас молодой сосновый лес, были раньше колхозные и совхозные поля.

Возвращаясь к протоколу заседания, необходимо сказать о решениях, которые были приняты. Председатель колхоза Бурдуков обязан был закончить косовицу (сенокос) хлеба к 8 сентября, а товарищ Ткачев к 5 сентября. До 5 сентября оба колхоза должны были рассчитаться хлебом с государством. Также нужно было организовать в сроки посев озимой ржи. Помимо председателей колхозов, председатель сельского исполкома Смыков и

секретарь Гуслякова должны были организовать всё трудоспособное население на уборку хлеба в колхозе «Соц.стройка». Все руководители организаций и предприятий села Хохотуй обязаны были немедленно выделить из числа рабочих и служащих на уборку хлеба в колхозе «Соц.стройка». Контроль выделения рабочей силы поручили Смыкову. Вопрос о стойловом периоде скота в зиму 1948–1949 г. с повестки этого заседания был снят. Было отмечено, что докладчик товарищ Булдаков на сессию не явился. Вопрос о зимовке перенесли на следующую сессию [Там же].

На сентябрьском заседании исполкома Хохотуйского сельского совета № 21 от 15 сентября 1948 г. присутствовало членов с/исполкома – 5 чел., актива – 9 чел. Заседание прошло под председательством товарища Смыкова. Секретарем была товарищ Гуслякова. Рассматривали утверждение бюджета Хохотуйского сельского совета депутатов и трудящихся на 1949 г. Докладывал по этому вопросу Смыков. Бюджет на 1949 г. утвердили в сумме 64 300 руб., в т. ч. собственно закрепленных – 27 800 руб., регулирующих доходов – 36 500 руб. Исполком Хохотуйского сельского совета просил исполком районного совета утвердить проект сметы бюджета, а также выделить из средств доходной части Хохотуйского сельского совета на капитальный ремонт начальной школы села Ушоты 35 000 руб., так как школа к учебному году без капитального ремонта не пригодна [8, л. 1].

Многие фамилии сельских жителей, указанные в статье, известны старшему поколению села Хохотуй. Кого-то из них знали лично, но не всех. Некоторые из упомянутых участников послевоенной деятельности села похоронены на местном кладбище. Данное исследование – только начало кропотливого труда, поскольку имеются оцифрованные (сфотографированные) документы. В дальнейшем, помимо работы над описанием протоколов Хохотуйского сельского совета разных лет, автор планирует составить схему захоронений на кладбище родного села.

Список литературы

1. Информация о поселении. Текст: электронный // Забайкальский край. Петровск-Забайкальский район: [официальный портал]. URL: <https://clck.ru/3SueTr> (дата обращения: 21.08. 2025).
2. Гурова О. Н. Хохотуй. Петровск-Забайкальский район. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <https://clck.ru/3SueUL> (дата обращения: 21.08. 2025).
3. Отдел по делам архивов администрации городского округа «Город Петровск-Забайкальский» (Отдел по делам архивов). Протоколы сессий и решений Хохотуйского с/совета, принятые сессиями и материалы к ним. Протокол № 2 от 29 янв. 1948 г.
4. Отдел по делам архивов. Протокол № 3 от 4 февр. 1948 г.
5. Отдел по делам архивов. Протокол от 18 февр. 1948 г.
6. Отдел по делам архивов. Протокол № 4 от 16 марта 1948 г.

7. Отдел по делам архивов. Протокол № 7 от 28 авг. 1948 г.
8. Отдел по делам архивов. Протокол № 21 от 15 сент. 1948 г.

Сведения об авторе

Изосимов А. А. — проректор по учебной работе, заведующий сектором заочного обучения, Барнаульская духовная семинария, ответственный редактор журнала «Покров», г. Барнаул, Россия, pokrovbds@yandex.ru

УДК 94 (47) + 355.31 (571.54)

Забайкальское казачье войско: наградная символика эпохи возрождения 1990–2020-х годов

Павел Владимирович Бочков

Кузбасская православная духовная семинария, г. Новокузнецк, Россия
frpavel@inbox.ru

Статья посвящена страницам истории возрождения Забайкальского казачьего войска (З.к.в.), внёсшего огромный вклад в становление российской государственности и освоение Забайкалья. Процесс возрождения казачества начала 1990-х гг., происходивший в постсоветской России, затронул и Забайкалье. В статье приведена информация о наградах и знаках Забайкальского казачьего войска, которые стали не только непременным атрибутом казачьих организаций, но и заметным явлением в современной казачьей фалеристике.

Ключевые слова: Забайкальское казачье войско, казахи награды, возрождение казачества, современная казачья фалеристика

Началом истории забайкальского казачества можно считать 1640-е гг., «когда в Забайкалье появились первые отряды казаков во главе с И. Галкиным, В. Колесниковым, И. Похабовым» [10, с. 185]. Галкиным был заложен Баргузинский городок (1649), «служилые люди основали Верхнеудинский (1649), Иргенский (1693) и Нерчинский (1654) остроги, которые стали первыми опорными пунктами России в неизведанном крае» [1, с. 257]. Забайкальское казачье войско ведёт своё старшинство с 20 августа 1655 года – даты, которой была подписана грамота Московского царя Алексея Михайловича Романова, которой он повелевал Афанасию Пашкову и его сыну Еремею быть на государственной службе в Даурской земле. Впоследствии численность казаков пополнялась за счёт служилых людей других сибирских регионов, военных поселенцев и т. п., создавались укрепленные пограничные станицы, обживались территории, развивалось сельское хозяйство.

Забайкальское казачье войско было образовано в 1851 г.: часть инородческого населения, а также русских крестьян были поверстаны в казаки, пополнив собой ряды забайкальских казаков и получив при этом соответствующие права и обязанности [6, с. 243]. Как и все остальные казачьи войска, забайкальские казаки сотни лет несли службу в интересах Российской империи, участвуя во всех значимых военных кампаниях и походах.

Во время Гражданской войны в России забайкальское казачество разделилось на белых и красных, однако большая часть казаков, возглавляемая такими военачальниками, как атаман Г. М. Семенов (1890–1946) и барон Р. Унгерн фон Штернберг (1886–1921), выступила против большевизма и, по итогу неравной борьбы, потерпела поражение. В результате большая часть уцелевших казаков вместе с семьями ушла в эмиграцию, рассеявшись по всему миру. Впоследствии, на территории Забайкалья, как во всех прочих бывших казачьих областях, забайкальские казаки были подвергнуты репрессиям, расказачиванию и ссылкам. В результате, к началу 1990-х гг., по оценкам исследователей, прямых потомков служилых казаков на территории Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось всего 1–1,5 % населения [5, с. 113–114].

Начиная с конца 1980-х гг., начинается процесс возрождения казачества, появляются первые военно-исторические клубы, этнокультурные общества и землячества. После принятия на государственном уровне ряда документов в отношении казачества, голос казачества всё громче слышится в постсоветском обществе. В июне 1990 г. в г. Москве проходит Большой Круг, который создаёт первую всероссийскую (на тот момент – еще всесоюзную) общественную организацию казаков – Союз казаков. Выбранный Верховный атаман

А. Г. Мартынов [15, с. 100–101] вместе с правлением организации провёл колоссальную работу как по организации казачьих структур, так и по разработке ряда документов, определивших дальнейший вектор развития российского казачества в целом. В эти годы был создан еще ряд организаций общероссийского значения [9, с. 40–44], однако они не имели такого влияния, численности казаков и географии распространения, как Союз казаков.

«Забайкальское казачье войско было создано 16–17.11.1990 г. на Учредительном круге Забайкальского казачьего войска; приняты Устав и программа, избраны Правление войска, первый атаман – подполковник Г. В. Кочетов. На Круге принято решение о вхождении З. к. в. в Союз казаков России. Руководство войска активно участвовало в разработке законодательной базы казачества, атаманы А. В. Богданов и В. А. Матафонов являлись членами Совета атаманов Союза казаков. Атаманом Забайкальского казачьего войска Союза казаков России избран Матафонов. В марте 1998 г. Союзом казаков по историческим эскизам было изготовлено Знамя к. в. В З.к. в. входят: Читинский отдел, Нижнеудинский отдел и «Союз казаков Бурятии» (г. Улан-Уде). Центр З. к. в. – г. Чита.

Атаманы З.к. в. в период возрождения: Г. В. Кочетов (нояб. 1990 – нояб. 1991); Г. П. Панкратьев (нояб. 1991 – апр. 1993); А. В. Богданов (апр. 1993 – май 2000); В. А. Матафонов (май 2000 – май 2004); Ю. П. Ткаченко (май 2004 – август 2006); Ю. Л. Касьянов (с августа 2006)» [3, с. 543].

Союз казаков России, будучи структурой, опирающейся на исторический опыт казачества, учредил собственные казачьи регалии, в которые входят герб, эмблема, знамя, гимн, нагрудный знак. Эти регалии символизируют «атаманскую власть и дух, символику того или иного казачьего войска» [8, с. 200]. Помимо этого, организация учредила ряд знаков и медалей, составивших собственную наградную систему организации. Этими наградами, по решению Верховного Атамана и Правления СКР, награждаются члены организации всей страны, в том числе и забайкальские казаки. Помимо этого, в региональных отделениях и войсках, а также в некоторых отделах и округах существуют собственные медали и знаки.

Как и практически повсеместно, в середине 1990-х гг. в результате разделений, произошедших в казачестве, был создан дубликат Забайкальского войска – «Забайкальское войсковое казачье общество» (в 1997 г. вошло в государственный реестр казачьих войск).

Пожалуй, знаком, общим для всех казаков-забайкальцев, независимо от того, в какую организацию они входили, является *исторический войсковой знак Забайкальского казачьего войска*. Знак был утвержден императором 31.10.1914 г. Подробное описание войскового знака дано в издании «Нагрудные полковые знаки России» [12, с. 419].

В период возрождения Забайкальского казачества в 1990–1991 гг. вопрос об изготовлении войскового нагрудного знака стоял довольно остро. В результате были изготовлены 3 знака из алюминия, которые были стилистически похожи друг на друга.

Нагрудный знак Забайкальского казачьего войска 1990 г. с изображением двуглавого орла, наложенном на щит темно-зеленого цвета. На груди орла были расположены буквы «ЗКВ». В основании щита расположен щит красного цвета, с изображением св. Георгия Победоносца, поражающего копьём змея. По бокам от щита были расположены даты «1851» и «1990». Знак был изготовлен из алюминия, был покрыт холодной эмалью и имел размеры 54х64 мм. Крепление – закладка.

Нагрудный знак Забайкальского казачьего войска 1990 г. меньшего размера, в общих чертах напоминающий исторический войсковой знак, также содержал изображение двуглавого орла, геральдический щит белого цвета со св. Георгием Победоносцем. По краям щита были расположены даты «1655» и «1990». На месте вензелей была помещена аббревиатура «ЗКВ». Внизу знака был также расположен бревенчатый частокол и извивающийся змей. Знак был изготовлен из алюминия, покрыт холодной эмалью и имел размеры 40х31 мм. Крепление – закладка.

Нагрудный знак Забайкальского казачьего войска 1991 г. также имел в своей основе изображение двуглавого орла, на груди которого был расположен небольшой щит желтого цвета с аббревиатурой «ЗКВ». Орел держал в когтях щиток цветов российского триколора. В самом низу располагалась дата «1991». Знак был изготовлен из алюминия, покрыт холодной эмалью и имел размеры 72х53 мм. Крепление – закладка.

В собрании автора имеется несколько знаков, копирующих исторический войсковой знак ЗКВ, однако их качество сильно уступает оригинальным знакам начала XX в. Кроме того, эти знаки в большинстве своем изготовлены полукустарным способом в частных мастерских, о чем свидетельствуют различные винтовые крепления, материалы (алюминий, силумин, латунь, бронза), а также довольно грубо положенная горячая эмаль. Тем не менее,

в отсутствие более качественных знаков, эти экземпляры встречаются на представителях забайкальского казачества до сих пор.

В собрании автора также имеется крайне редкий знак «*Верхнеудинского отдела ЗКВ*», который выполнен из алюминия, и для крепления на форменной одежде пришивался к последней. Знак представлял собой коллаб-орацию из российского двуглавого орла и герба Верхнеудинска. Знак имел размеры 75 на 60 мм.

В организации, входящей в состав Союза казаков, для награждения казаков дальневосточных войск в ноябре 2000 г. была учреждена медаль в память о Святом Алексии, человеке Божиим [2, с. 368], небесном покровителе Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. *Медаль «Алексий человек Божий»* была выполнена в весьма высоком качестве и отчеканена на Московском монетном дворе. Кроме того, она стала самой крупной медалью Союза казаков по величине. Ее диаметр – 37 мм. Среди награжденных этой медалью – выдающиеся деятели Союза казаков, общественные и государственные деятели России [8, с. 88–89]. Положение о медали и ее описание были утверждены Постановлением Совета Атаманов Союза Казаков России № 7 от 29 ноября 2000 г. [11, с. 5], а затем – Постановлением Совета Атаманов Союза Казаков России № 4 от 19.02.2006 г. (Приложение № 5). В 2015 г. была выпущена дополнительная партия этой медали, отчеканенная в Китае.

В реестровой организации – «Забайкальском войсковом казачьем обществе» – было также учреждено несколько медалей. К сожалению, в открытом доступе информация об этих медалях отсутствует, и в настоящее время доподлинно известно только о медалях «150 лет Забайкальскому казачьему войску» и «XX лет возрождения казачества. Забайкальское казачье войско».

Медаль «150 лет Забайкальскому казачьему войску» была учреждена в 2001 г. «На лицевой стороне в центре, в солнечном сиянии изображен герб забайкальского казачества: в главе восходящий двуглавый орел, пояс, под ним обращенный влево дракон, поражаемый четырьмя молниями с одним зигзагом, выходящими из пояса. На оборотной стороне медали, в центре помещено изображение скрещенных лавровой ветви и казачьей шашки, в нижней части – цифры «1851–2001». По кругу медали сделана надпись «150 лет образования За-

байкальского казачьего войска». Медаль изготавливается из металла белого цвета и имеет форму круга диаметром 35 мм, а также кант по краю 1 мм. Медаль носится на традиционной русской колодке, обтянутой муаровой лентой зеленого и желтого цветов – войсковых цветов забайкальского казачества» [4]. Медаль имеет разновидность со щитком металла желтого цвета, который приварен к основной медали.

Медаль «XX лет возрождения казачества. Забайкальское казачье войско» на лицевой стороне имела изображение римской цифры «XX», сделанной из четырех перекрещенных казачьих шашек и надпись: «Возрождение казачества». А на реверсе были изображены православный восьмиконечный крест и надписи: «Спаси и Сохрани» и «1990–2010 Забайкальское казачье войско». К сожалению, описание этой награды, её статут и необходимые уточнения обнаружить не удалось. Однако эту награду можно встретить на казаках разных войск и организаций.

Кроме чисто казачьих знаков, существует несколько значков казачьей тематики, посвященной казачьим молодежным организациям, различным фестивалям, слетам и т. п., а также знаки казачьих кадетских корпусов. Судя по ряду фотоснимков в открытых источниках, Забайкальский казачий кадетский корпус, основанный в 2001 г. [13, с. 82], имеет свои знаки отличия, однако подробная информация о них отсутствует. Улан-Удинский казачий кадетский корпус был открыт в 2001 г. и просуществовал немногим более 10 лет, и в настоящее время прекратил свою деятельность. Известно, что у корпуса были также свои нагрудные знаки в виде небольших крестов с центральным изображением двуглавого орла [14, с. 262].

Подводя краткий итог краткому обзору нагрудных знаков Забайкальского казачьего войска, можно сделать вывод, что наградная система этого казачьего войска имеет совсем немного объектов для изучения, что делает это обстоятельство особенностью этого войска, в отличие, например, от Кубанского или Центрального казачьих войск. Редкость знаков, практически полное отсутствие информации о них в информационном поле современного интернета и литературы, касающейся современной жизни казаков-забайкальцев, делают их желанным объектом для пополнения собраний коллекционерами и вызывают интерес со стороны исследователей современной казачьей фалеристики.

Список литературы

1. Агафонов О. В. Казачьи войска Российской Империи. М.: Эпоха; Калининград: Русская книга, 1995. 560 с.

2. Батырев В. Д. Награды Союза казаков // Казачество: энцикл. / В. А. Абросимов, С. А. Гавриляченко, П. Ф. Задорожный [и др.]; гл. ред. А. Г. Мартынов. М.: Казачья энцикл., 2015. С. 368.
3. Батырев В. Д., Задорожный П. Ф., Ичев А. Г., Кухтин В. Г. Союз казаков России // Казачество: энцикл. / В. А. Абросимов, С. А. Гавриляченко, П. Ф. Задорожный [и др.]; гл. ред. А. Г. Мартынов. М.: Казачья энцикл., 2015. С. 543.
4. Забайкальское казачье войско. Текст: электронный // Награды и нагрудные знаки современного казачества. URL: <https://clck.ru/3Sxmuh> (дата обращения: 18.09.2025).
5. Казаки России: прошлое, настоящее, будущее. М.: [б. и.], 1992. 133 с.
6. Казачество – Щит Отечества. М.: ТОНЧУ, 2005. 335 с.
7. Казачество на изломе веков (XX – XXI века) / А. Г. Мартынов, В. А. Абросимов, А. И. Изюмов [и др.]; под общ. ред. проф. А. Г. Мартынова. М.: [б. и.], 2017. 341 с.
8. Казачество на изломе веков. XX–XXI. Изд. 2-е, испр. и доп. / А. Г. Мартынов, В. А. Абросимов, В. А. Ковалев-Волков [и др.]; под общ. ред. проф. А. Г. Мартынова. М.: [б. и.], 2019. 415 с.
9. Мациевский Г. О. Общероссийские казачьи организации: становление, цели и задачи деятельности // Казачество в социокультурной жизни России: история, культура, традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания: материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. (Чита, 23–24 сентября 2021 г.). Чита: ЗабГУ, 2022. С. 40–44. EDN: GCCBMF
10. Милованов В. И. Забайкальское казачье войско // Казачество: энцикл. / В. А. Абросимов, С. А. Гавриляченко, П. Ф. Задорожный [и др.]; гл. ред. А. Г. Мартынов. М.: Казачья энцикл., 2015. С. 185.
11. Награды Союза казаков России. Машинопись. [Б. м, б. г.]. 19 с. // Архив автора.
12. Нагрудные полковые знаки России / под ред. В. В. Санько. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. 672 с.
13. Пеньковский Д. Д. Возрождение российского казачества на современном этапе (1990–2013 гг.). М.: Нац. ин-т бизнеса, 2013. 224 с. EDN: XFBOVP
14. Поляков М. Ф. Альманах кадетских знаков: 80-летию создания Суворовских военных училищ посвящается... Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: [б. и.], 2021. 295 с.
15. Соклаков А. Ю., Ичев А. Г., Изюмов А. И., Мохов А. Е. Союз казаков России: 1990–2010. М.: Витязь-Братишка, 2010. 272 с.

Сведения об авторе

Бочков П. В. – священник, хабилитированный доктор богословия (*Dr. hab.*), доктор теологии (*ThDr*), кандидат юридических наук, доцент кафедры библейско-богословских дисциплин, Кузбасская православная духовная семинария, г. Новокузнецк, Россия, frpavel@inbox.ru

УДК 069.5(571.5)+001.32

История строительства Читинского участка БАМа в коллекциях Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова

Сергей Георгиевич Васильев

Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия
79144952731@yandex.ru

Статья посвящена вкладу исследователя Т. А. Константиновой в комплектование и популяризацию музейных коллекций по истории строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМа). Музейные предметы, собранные во время научных экспедиций в районе строящейся железнодорожной магистрали, сформировали бамовскую коллекцию Забайкальского краевого краеведческого музея и послужили основой для открытия экспозиций музея на станции Новая Чара.

Ключевые слова: Т. А. Константинова, исследователь, сотрудники музея, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, история строительства Читинского участка БАМа

Коллекция предметов основного фонда, отражающих историю строительства Байкало-Амурской магистрали, насчитывает в музее более двух тысяч единиц уникальных экспонатов. Это фотографии и негативы, документы, награды и значки, предметы быта и этнографии, произведения искусства.

Основу коллекции составляют предметы, собранные под руководством заведующей Отделом истории советского периода Т. А. Константиновой. Данное подразделение музея в 1980-е гг. стало основным донором комплектования фондов. При этом активно использовались экспедиционные сборы, проводимые не-

посредственно в местах строительства Читинского участка БАМ. Сотрудниками музея было совершено более двух десятков выездов, инициатором и активным участником которых стала Татьяна Андреевна. Ценнейшими документами стали её подробные отчеты и дневники, отражающие не только хронологию событий, но и множество фактов о строящихся объектах, сведений о рабочих и руководителях.

Достаточно кратко рассказать о трёх первых поездках исследователей на север Забайкалья. Первая экспедиция Т. А. Константиновой совместно с младшим научным сотрудником И. П. Амелькиной и фотографом музея Е. В. Кузововым на Читинский участок магистрали состоялась в июне 1983 г. Маршрут включал посёлки Чару, Леприндо, Кодар, Сьюлбан, Куанду – почти 200 км вдоль строящейся дороги. Были посещены следующие организации:

- отдел культуры Каларского района;
- специализированный строительно-монтажный поезд «КазахБАМстрой», подразделение, которое возвело поселок Новая Чара;
- строительный отряд «Читинский комсомолец», прокладывающий водопропускные железобетонные трубы на магистрали;
- Дом быта п. Новая Чара;
- студенческий строительный отряд «Монолит» Читинского политехнического института;
- Дом пионеров Каларского района;
- бригады Л. И. Карева и В. П. Кударя, строящими поселок Леприндо;
- тоннельный отряд № 12 в поселке тоннельщиков Кодаре;
- строительно-монтажный поезд 597 в поселке Сьюлбан;
- производственно-техническое объединение «УзБАМстрой» и строительно-монтажный поезд 695 в поселке Куанда.

В последний день экспедиции Т. А. Константинова прочла лекцию по истории Забайкалья коллективу автобазы в Новой Чаре. Большое значение имела встреча с руководством района – обсуждались вопросы создания музея на станции Новая Чара с председателем Каларского райисполкома В. И. Кузьминым и секретарём райкома КПСС В. Е. Шантуровым. Татьяна Андреевна сообщила о том, что Читинский областной краеведческий музей окажет будущим коллегам методическую помощь в создании экспозиции.

27 сентября 1983 г. приказом Министерства культуры РСФСР был создан отдел Читинского областного краеведческого музея – филиал в п. Новая Чара (ныне муниципальное учреждение Каларский историко-краеведческий музей). Это означало, что в последующей

командировке Отделу истории советского периода необходимо было сформировать предметную базу для экспозиции будущего музея. Поездка состоялась 8–14 мая 1984 г. В с. Чапо-Олого Т. А. Константинова приобрела этнографические предметы, отражающие быт и хозяйство эвенков. Материалы о БАМе пополнились документами о бригаде монтеров пути И. Н. Варшавского и прибытии первого поезда в Новую Чару. Закончилась поездка знакомством с технической документацией на здание нового музея в районном отделе архитектуры.

В ходе поездок планировались разделы экспозиций, поэтому материал собирался целенаправленно. Так, сборы в ССМП «КазахБАМстрой» предполагали подтему «БАМ строит вся страна», отражающую дружбу народов советского государства. В своём отчёте Татьяна Андреевна писала: «Материал позволяет наглядно видеть, что было сделано казахами за полтора года их бамовской биографии...».

Планировались и будущие поездки, – посетив Кодарский тоннель и узнав сроки его сбойки, она отметила в дневнике: «...обязательно надо приехать, собрать материал». Тяжёлые условия поездок по бездорожью, иногда на попутках – «...восемь часов без передышки, без обеда и ужина ехали до станции...» не могли стать препятствием на пути к поставленной цели.

В августе 1984 с БАМа пришла новость о прибытии первого поезда в Куанду и о завершении строительства последнего крупного моста. 10 августа 1983 г. Т. А. Константинова прибыла к месту события с младшим научным сотрудником музея Е. Я. Бородиной. Они встретились с рабочими и руководством Мостоотряда № 47, а также собрали материалы о знаменитой на весь БАМ бригаде лауреата премии Ленинского Комсомола А. В. Бондаря.

Собранных за время экспедиций материалов было много. В фотофонд музея попали портреты рабочих разных специальностей, передовиков, репортажные фотографии знаковых событий, снимки, отражающие бытовые условия бамовцев, панорамы основных объектов строительства. Документальный фонд был пополнен персональными и коллективными грамотами, дипломами, графиками строительства, обязательствами, газетами, историческими справками. В нумизматической коллекции появилась, ставшая в наше время редкой, серия значков и медалей о строительстве магистрали. В фонды музея также вошли личные вещи, принадлежавшие строителям, рабочие каски и спецовки, лозунги и транспаранты, кустарная бамовская мебель и многое другое. Этнографические сборы включали предметы

конца XIX – начала XX вв. – медный котелок для копчения чая, кузнечные меха для походной кузницы эвенка, эвенкийскую люльку для перевозки грудных детей на оленях во время кочёвок, кожемялку, сделанную из цельного куса дерева, седла для верховой езды на оленях, кумаланы.

Каждая из совершённых в 1983–1984 гг. поездок сотрудников музея на Читинский участок БАМа была наполнена встречами с множеством людей, причастных к строительству магистрали. Каждый из них был готов предо-

ставить необходимую помощь, сообщить нужную информацию, безвозмездно передать в музей предметы, отражающие историю великой стройки.

Можно с уверенностью сказать, что музейщики Читы прокладывали магистраль вместе со строителями. И в этом немалая заслуга Татьяны Андреевны Константиновой. Благодаря её энергии, энтузиазму и трудолюбию в музей поступило более 1,5 тысяч предметов. Все они заняли достойное место в Музейном фонде Российской Федерации.

Список литературы

1. ЗККМ НА (Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова. Научный архив). Дело. Константинова Т. А. Дневник экспедиции в район строительства БАМа (27.06.–13.07.1983).
2. ЗККМ НА. Константинова Т. А. Отчет о научной командировке в Каларский район – район строительства БАМа (08.05.–14.05.1984).
3. ЗККМ НА. Константинова Т. А. Отчет о научной командировке на БАМ – Тында (10.08.–13.08.1984).

Сведения об авторе

Васильев С. Г. – кандидат исторических наук, главный хранитель, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия, 79144952731@yandex.ru

РАЗДЕЛ 5

Сохранение исторической памяти. Актуальные проблемы изучения темы Великой Отечественной войны в вузе и школе. Забайкальцы на фронтах Великой Отечественной войны. Подвиг тружеников тыла

УДК 930.1:316.74 (476)

Отношение к сохранению историко-культурного наследия и исторической памяти в Республике Беларусь в условиях вызовов современности

Людмила Викторовна Николаева

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Республика Беларусь
Mikalayeva@bsuir.by

В статье анализируется место исторической памяти в системе памяти о прошлом и концепция П. Нора, раскрывающая механизм формирования «мест памяти» и привязки к ним ритуальных практик. Охарактеризована работа по сохранению историко-культурного наследия и исторической памяти в Республике Беларусь в условиях вызовов современности.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историко-культурные ценности, историческая память, вызовы современности

Процессы глобализации, неизбежные в наше время, рано или поздно приводят к ситуации, в которой общества вынуждены становиться более открытыми. Как следствие усиливается и их взаимодействие, и обоюдная зависимость. В данной связи, в условиях стремительной унификации всего и вся, национальные государства сталкиваются с проблемой защиты своего историко-культурного наследия, традиционных духовно-нравственных ценностей народа. В последнее время насильственное разрушение историко-культурного достояния человечества стало одним из острейших вызовов планетарного масштаба. Деструктивная деятельность в этом направлении, информационное влияние, наносящее вред национальным интересам, стали систематическими и более эффективными. Под влиянием указанных обстоятельств различные аспекты исторической политики в наши дни постепенно становятся частью приоритетов государств в сфере обеспечения национальной безопасности. В Республике Беларусь мы также наблюдаем проявление данной тенденции.

Историко-культурное наследие Беларуси находит своё воплощение во всём многообразии выдающихся исторических, культурных и духовных памятников, созданных белорусским народом в процессе своего развития, которые принято называть историко-культурными ценностями [7, с. 10]. Их многоликость и богатство прямо взаимосвязаны с феноменом исторической памяти, для которой они выступают одними из основных видов источников.

В ходе исследований было выяснено, что система памяти о прошлом является сложной структурированной. В качестве её компонентов обычно определяют индивидуальную и коллективную память. В рамках коллективной памяти выделяют коммуникативную и культурную память. Историческая память, в свою очередь, является формой коллективной культурной памяти. В исторической науке нет единого определения понятия «историческая память». На наш взгляд, её можно рассматривать как особый, постоянно развивающийся социально-культурный феномен, содержащий в себе совокупность знаний, мнений, оценок,

убеждений и представлений о событиях, явлениях и процессах прошлого, формирующийся посредством специфических социально-культурных действий и практик. В данной связи представляет интерес концепция П. Нора [4], раскрывающая механизм формирования «мест памяти» и привязки к ним ритуальных практик. Исследователь считал, что воспоминания современников, участников пережитого ими события, создают память, а последующие поколения конструируют историю о нём. Когда событие утрачивает своё влияние на общество, оно переформатируется в «место памяти» как своеобразный «символический ритуал», существование которого зависит от государственной поддержки.

Следовательно, историческая память относится к числу важнейших интегрирующих условий, которые способны консолидировать членов общества в рамках общего культурно-политического пространства, каковым в наши дни является государство как центральный институт политической системы. В рамках исторической памяти формируются представления народа о его коллективном прошлом, задействуются механизмы социализации для их транслирования в межпоколенческой коммуникации. При этом прошлое сквозь призму исторической памяти воспринимается в насыщенной эмоциональной и частично мифологизированной форме. В то же время историческая память предстаёт не только как совокупность культурных смыслов, обеспечивающих связь различных временных эпох. Она имеет важное политическое значение, поскольку выступает эффективным инструментом управления сознанием общества.

Существенной составляющей существующих концепций исторической памяти является мемориальное законодательство. В последнее время в Республике Беларусь оно получило последовательное развитие. Так, взаимосвязь и взаимозависимость понятий «историко-культурное наследие» и «историческая память» нашли свое отражение в Конституции Республики Беларусь (ст. 15; ст. 54) [2, с. 7, 17]. 14 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [6], 5 января 2022 г. – Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» [5]. В целом сохранение исторической правды и памяти о событиях Великой Отечественной войны признаётся в Республике Беларусь фактором укрепления национально-государственной идентичности.

По причине того, что «образы прошлого», как базис идентичности, не являются неизменными, в ситуациях дестабилизации усили-

вается противоборство субъектов политики с целью навязать обществу собственные трактовки истории государства. В результате чего историческая память превращается в объект и субъект исторической политики, инструмент завоевания власти и контроля над обществом.

Фальсификация истории всегда имеет идеологическую подоплеку, в силу чего разрушительно влияет на историческое сознание людей, в первую очередь молодого поколения, не обладающего достаточным жизненным опытом и должным уровнем критического мышления. Закрепление в общественном сознании ложных исторических фактов и смыслов приводит к размыванию чувства патриотизма и гражданственности, подрыву социально-культурной идентификации молодёжи [1, с. 326, 329].

В данной связи особую значимость обретает охрана объектов историко-культурного наследия как важнейших источников формирования исторической памяти, которая в условиях современных вызовов превращается в основополагающее условие стабильного развития государственных и общественных институтов. Материальные и духовные ценности берутся под охрану правовых норм, становятся объектами национальной безопасности и приоритетами культурной политики белорусского государства. Историко-культурное достояние рассматривается в числе базовых социокультурных институтов, формирующих национальное и культурное единство народа, его уникальность [7, с. 10].

Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. в подразделе 4.6 «Сохранение культурного наследия и рост национального самосознания» в ходе деятельности, направленной на сохранение и популяризацию историко-культурного наследия, отмечено, что «будет продолжена целенаправленная работа по сохранению историко-культурных ценностей и исторической памяти народа, национально-культурной самобытности и традиций» [3].

Белорусским государством ведётся постоянная и всесторонняя работа по сохранению национально-культурного достояния. Нарушение законодательных норм в сфере охраны историко-культурного наследия влечёт за собой как административную, так и уголовную ответственность [7, с. 11].

Резюмируя, можно сказать, что в Республике Беларусь деятельность, направленная на сбережение и приумножение объектов и элементов историко-культурного достояния, осуществляется на системной основе. Она реализуется в условиях, когда защита, передача

и актуализация исторической памяти превратилась в ярко выраженный компонент политики государства. При этом эффективными инструментами формирования и обновления исторических символов выступают историко-культур-

ные ценности, играющие значительную роль в становлении гражданственности и патриотизма личности, являясь важным фактором в обретении национальной идентичности и развитии белорусской государственности.

Список литературы

1. Коваленя А. А. Учебная литература как источник разоблачения фальсификаций истории Великой Отечественной войны // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 6: Белорусоведение / редкол.: Е. И. Пивовар, Н. В. Вологина, А. В. Гуцин [и др.]. М., 2023. С. 326–352.
2. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022. Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 80 с.
3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Текст: электронный // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <https://clck.ru/3Suf6c> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
5. О геноциде белорусского народа: Закон Республики Беларусь: [5 января 2022 г. № 146-3]. Текст: электронный // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://clck.ru/3Suf7c> (дата обращения: 20.11.2025).
6. О недопущении реабилитации нацизма: Закон Республики Беларусь: [14 мая 2021 г. № 103-3]. Текст: электронный // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://clck.ru/3Suf8A> (дата обращения: 20.11.2025).
7. Сборник информационно-методических материалов по охране историко-культурного наследия Республики Беларусь / сост. Г. Н. Ходор. Гомель: Колор, 2023. 204 с.

Сведения об авторе

Николаева Л. В. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, факультет информационных технологий и управления, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Республика Беларусь, Mikalayeva@bsuir.by

УДК 94 (47) 084.8

Книга Л. М. Рейзиной «Рядовые Победы» как опыт сохранения исторической памяти об истории Великой Отечественной войны

Наталья Анатольевна Сугако

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Республика Беларусь
sugako@bsuir.by

Л. М. Рейзина родилась в г. Оха Сахалинской области. Окончила исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена (1978), Белорусский государственный педагогический университет (1994). С 1984 г. работала учителем истории в школах г. Минска. Л. М. Рейзина изучала события и материалы (музейные, библиотечные, архивные) по истории Великой Отечественной войны, организовывала личные встречи с ветеранами, принимала участие в конференциях. Это позволило собрать большой и ценный материал. Он лег в основу книги «Рядовые Победы».

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, партизанский отряд, архив, фронтовые дневники и воспоминания, рядовые

Изучение исторической памяти является одной из актуальных проблем современной науки. Начало её изучению было положено на Западе в работах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Нора, П. Хаттона и др. Теорией исторической памяти занимаются историки, философы, социологи, культурологи. Ныне существуют

разные научные направления и подходы к изучению этого феномена. Ведутся научные дискуссии о значении, формах, сущности исторической памяти. Существуют такие понятия как историческая память, коллективная память, социальная память, национальная память, этническая память, память человечества и др.

Вместе с тем исследователями признается значимость и важность исторической памяти в жизни государства и общества. Сейчас идёт настоящая борьба за историческое прошлое. Этот вопрос очень актуален и для белорусского народа, особенно в сохранении памяти и оценке событий Великой Отечественной войны. На передовой этой борьбы находятся учреждения образования и преподаватели.

Важную роль в дело сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны внесла педагог Л. М. Рейзина, которая с 2006 по 2023 г. преподавала в гимназии № 42 г. Минска. Одной из важных сфер её деятельности являлось сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны. Сведения, полученные во время бесед с ветеранами, архивные и музейные материалы, фотографии, личные документы легли в основу ряда очерков. В 2023 г. в г. Москва была издана книга «Рядовые Победы» [2]. В 2024 г. в г. Минске в издательстве «Адукацыя і выхаванне» вышло второе издание данной книги [3]. 23 октября 2024 г. в Доме русского зарубежья (г. Москва) состоялась ее презентация. В ней приняли участие представители Посольства Республики Беларусь в России, руководство НИЦ проблем национальной безопасности и издательства «Адукацыя і выхаванне», руководство и члены национально-культурных автономий «Белорусы России» и «Белорусы Москвы». Все те, кому доводилось подержать эту книгу в руках, отмечают её талантливое оформление, интересные иллюстрации, богатство и разнообразие источников (материалы дневников, воспоминаний, архивные материалы, фотографии), оригинальный авторский стиль.

Реконструируя судьбы людей, Л. М. Рейзина отдавала предпочтение фронтовым дневникам и воспоминаниям. Фронтовые дневники – явление довольно редкое. Как правило, ведение дневников запрещалось. Чаще всего в годы войны делались небольшие, короткие записи в блокнотах или тетрадях для себя или на память. Записи велись нерегулярно, их трудно было сохранить. Однако до нас дошли немногочисленные дневники, которые создавались на фронте, в партизанском отряде или тылу. Они хранятся в семейных или государственных архивах [5, с. 257]. Они позволяют узнать настроение и духовное состояние общества, охарактеризовать ход исторических событий.

В книге Л. М. Рейзиной «Рядовые Победы» историческая память живая, потому что события прошлого реконструируются через общение с поколением, на долю которого вы-

пала война. Книга посвящена родителям автора и поколению советских людей, чьи судьбы связаны с Великой Отечественной войной. Предваряет произведение стихотворение М. М. Рейзина (отца Л. М. Рейзиной) «Ты будешь вечно молода, Победа» [2, с. 7]. Думается, что в нём сформулирована главная цель этой книги: сохранить историческую память о Великой Победе, не дать осквернить, забыть, переписать, отнять её у предков поколения победителей.

Издание состоит из 12 очерков. Они размещены в хронологическом порядке, то есть в той последовательности, в которой создавались автором. Можно сказать, что эта книга – труд всей жизни. Л. М. Рейзина проводила исследования и писала материалы в период с 1998 по 2023 г. Очерки посвящены судьбам разных людей. «Рядовые Победы»: так называет их автор. Судьбы людей, представленные в очерках, разные, но незаурядные. Первый очерк, датируемый 1998 г., посвящён Елене Васильевне Кабиной (в замужестве – Свирина). Она служила в 736 зенитно-артиллерийском полку. Л. М. Рейзина реконструировала жизнь этого человека на основе ее дневников и личного общения [Там же, с. 9–21]. Можно сказать, что этот материал был пробой пера для автора.

Следующий очерк о судьбе Степана Степановича Воробьева, который в довоенные годы работал трактористом в Забайкалье. В 1937 г. был призван в Красную Армию и прошёл через Халхин-Гол. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл добровольцем на фронт. Был контужен, попал в плен, бежал из лагеря в д. Лапичи (Могилевская область) и попал в партизанский отряд. Воевал в нем до освобождения Беларуси. После войны жил в г. Минске и налаживал транспортную систему столицы [Там же, с. 23–31].

Среди героев книги Лев Семенович Шейкман – ребёнок войны. Трижды сбежал из дома на фронт. Хотел воевать как отец. Был зачислен воспитанником телефонно-телеграфной мастерской 1-го отдельного полка связи 1-й воздушной армии. Дошёл до Берлина. После войны получил образование и работал учителем в г. Минске [Там же, с. 33–39].

Три очерка из книги посвящены семейной чете Марии Михайловне и Илье Мартыновиче Фёдоровым, а также бригаде «Штурмовая». В состав этой бригады входили отряды «Штурм», «За Отечество», «Грозный», имени М. Ф. Фрунзе, Г. К. Жукова, П. К. Пономаренко. М. М. Фёдорова (в девичестве – Путейко) была связной партизанского отряда «За Отечество» [Там же, с. 41–51]. Она спасла документы бригады и теперь они хранятся в Национальном архиве

Республики Беларусь. И. М. Фёдоров был комиссаром бригады «Штурмовая». В феврале 1944 г. он организовал операцию по спасению 274 детей Семковского приюта, который немецко-фашистские захватчики хотели ликвидировать. Операция была сложная, о ней много писали в 1960–1980-х гг., но незаслуженно забыли в 1990-х – начале 2000-х гг. [2, с. 65–81]. В 2014 г. рядом с бывшим детским домом в Семково (Минский район) была установлена мемориальная доска в память о тех событиях. Работая с архивными материалами бригады, Л. М. Рейзина обратила внимание на Устав дисциплинарной службы бригады имени К. Ворошилова. В последующем этот документ стал руководством для всех партизанских бригад Слуцкой зоны. Он свидетельствует о том, что вопросам дисциплины (борьба с пьянством, хулиганством, мародерством, дезертирством и др.) в партизанском движении уделялось важное значение [Там же, с. 53–63].

Клавдии Ксенофоновне Абражевич в начале войны было пятнадцать лет. В таком юном возрасте она ушла в партизанский отряд, который затем превратился в бригаду. Первоначально работала на кухне и в санчасти, а потом входила в группу разведки. Л. М. Рейзина отмечала, что она чаще рассказывала о боевых товарищах, военных операциях, а не о себе. В послевоенное время К. К. Абражевич заведовала сельской почтой [Там же, с. 83–93].

Ещё одним героем книги является Петр Игнатьевич Счеславский. Он был автором «Дневника боевых действий отряда Иванова партизанской бригады «Чекист»». Отряд действовал в Могилевской и Витебской областях. П. И. Счеславский был его комиссаром и одним из создателей мастерской по ремонту и изготовлению оружия. К маю 1944 г. мастерская, которая насчитывала 23 человека, выпустила 119 автоматов. За образец был взят ППШ (создатель Г. С. Шпагин). В условиях войны, фактически из имевшихся подручных материалов был налажен выпуск боевого оружия. П. И. Счеславский, как свидетельствуют архивные материалы, усовершенствовал автомат. Свои технические предложения и эскизы он изложил в письме, адресованном «В бюро по изобретениям СССР» [Там же, с. 95–107].

Отдельная часть книги посвящена судьбе участницы минского подполья Надежде Иосифовне Лисовец. В январе 1944 г. она была арестована СД и отправлена на железные рудники в Эрувиль (Франция). С другими узницами лагеря она совершила побег и создала партизанский отряд «Родина». Бойцы этого отряда являются участниками французского

Сопротивления, а Н. И. Лисовец и Р. З. Фридзон получили звание лейтенанта французской партизанской армии [Там же, с. 109–123]. После Великой Отечественной войны Н. И. Лисовец участвовала в восстановлении разрушенного г. Минска и работала в строительном тресте № 7. При активном участии Л. М. Рейзиной в 2020 г. на здании ОАО «Стройтрест № 7» по адресу г. Минск, проспект П. М. Машерова, 16 была установлена мемориальная доска в честь Н. И. Лисовец [4]. Интерес к истории данного отряда сохраняется до сегодняшнего дня. Об этом свидетельствует тот факт, что 9 апреля 2025 г. в г. Барановичи в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска в честь Розалии Фридзон. В мероприятии приняли участие председатель Брестского облисполкома П. Пархомчик и Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Беларуси Б. Грызлов [1].

Павел Петрович Шостаковский имел дворянское происхождение, участвовал в Первой мировой войне. После Октябрьской революции эмигрировал. В разные годы жил в Европе и Южной Америке. В годы Великой Отечественной войны издавал журнал «Русская земля», на страницах газеты «Ла Насион» печатал сводки с фронтов. Выступал по радио Уругвая, рассказывая о ходе боев. В 1943 г. стал председателем Славянского объединения в Аргентине. В 1947 г. семья Шостаковских подала прошение о советском гражданстве и переехала в СССР. Местом жительства стал г. Минск [2, с. 125–141].

Григорий Антонович Евсейчик в 1930-е гг. прошёл подготовку в аэроклубе и с 1939 г. находился в рядах Красной Армии. В первые дни войны принял участие в десантной операции. Затем был отозван с фронта и проходил подготовку в Саратовской военно-авиационной планерной школе, был курсантом воздушно-десантного училища в Куйбышеве. В последующем служил в воздушно-десантном батальоне 11 гвардейской воздушно-десантной дивизии. Готовил диверсионные группы и разведчиков для выброски на оккупированной территории, а также сам осуществлял боевые задачи. После войны занимался подготовкой летчиков к выживанию в чрезвычайных ситуациях. Г. А. Евсейчик работал с первым отрядом космонавтов как инструктор-парашютист и специалист по выживанию. Автор мировых рекордов, тренер сборной БССР по парашютному спорту [Там же, с. 143–155].

Заключительный очерк книги посвящён Георгию Георгиевичу Давыденко. В годы войны он входил в состав отдельного 112 Горького отряда, служил в конной разведке. После

освобождения Беларуси был призван в Красную Армию. Участвовал в освобождении Польши и Германии. В конце войны был определён в военное училище. После его окончания служил в рядах вооружённых сил Советского Союза [2, 157–165].

Вот такие они, рядовые Победы. Разные люди, разные судьбы. Из них складывается образ целого поколения, на долю которого

выпали военные испытания. Объединяет этих людей и то, что они активно делились своими воспоминаниями, жизненным опытом с молодым поколением. Данная книга способствует передаче памяти об этих неординарных людях, защищает историческую правду, даёт живое и наглядное представление о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. В Барановичах открыли мемориальную доску в честь подпольщицы и командира партизанского отряда Розалии Фридзон. URL: <https://clck.ru/3SufmW> (дата обращения: 09.04.2025). Текст: электронный.
2. Рейзина Л. М. Рядовые Победы. М.: НИЦ проблем нац. безопасности, 2023. 168 с.
3. Рейзина Л. М. Рядовые Победы. 2-е изд. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2024. 160 с.
4. Сугако Н. А. Л. М. Рейзина: педагог, соединявший эпохи и поколения. Текст: электронный // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: история и современность: материалы республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием (Минск, 7 мая 2024 г.). Минск, 2024. С. 36–38. URL: <https://clck.ru/mOBNv> (дата обращения: 09.04.2025).
5. Сугако Н. А. Человек на войне. Письма, дневники, воспоминания военных лет, опубликованные на страницах журналов Беларуси // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнародная навуковая канферэнцыя (Магілёў, 25–26 чэрвеня 2015 г.). Магілёў: МДУХ, 2015. С. 257–261.

Сведения об авторе

Сугако Н. А. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Республика Беларусь, sugako@bsuir.by

УДК 378.147: 930.85

Организация научно-исследовательской работы студентов как фактор формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне

Наталья Николаевна Ковалёва

Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь
natalliakavaliova4@gmail.com

Автор анализирует возможности использования научно-исследовательской работы студентов высшего учебного заведения в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне. На конкретных примерах из собственного опыта руководства научной работой выделяет наиболее интересные и эффективные направления исследований и формы организации этой работы.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, исследовательская работа, геноцид, героизм, мемориализация

Для молодых государств, возникших в ходе развала Советского Союза, формирование исторической памяти имеет огромное значение, так как на ней базируется национальная идентичность. Вместе с тем, следует признать, что у белорусов нет единой исторической памяти, она неоднородна и фрагментарна вследствие того, что трактовка национальной истории неоднократно менялась, а историческая политика белорусского государства, призванная формировать историческую

память с помощью различных приёмов и механизмов (средства массовой информации, институт образования и другие возможности) была непоследовательной.

В представлениях белорусов об истоках своей государственности социологические исследования демонстрируют, мягко говоря, разноречивой, также, как и в определении исторических персоналий. Вместе с тем граждане Беларуси проявляют удивительное единство мнений относительно ключевого события сво-

ей истории. Наиболее значимым событием в истории Беларуси, которым можно гордиться, для белорусов, конечно же, является победа в Великой Отечественной войне. По данным Белорусского института стратегических исследований, центральное место в исторической памяти белорусов занимает Великая Отечественная война, которая воспринимается, в первую очередь, как героический подвиг советского народа (52 %) и как трагическое и страшное испытание (44,6 %) [1].

Победа в Великой Отечественной войне объединяет белорусов с другими народами бывшего СССР, прежде всего, с россиянами, в восприятии победы в массовом сознании россиян и белорусов долгое время существовали некоторые отличия. Россияне делали акцент на уничтожении фашистского режима и всемирно-историческом значении этого события. Для белорусов победа означала и означает, в первую очередь, спасение от угрозы порабощения и уничтожения. Поэтому для них память о войне, это, главным образом, память о жертвах и о героях. Последние годы продемонстрировали сближение позиций в восприятии победы в Великой Отечественной войне у россиян и белорусов. Признание Россией нацистской оккупационной политики на территории СССР геноцидом было целиком и полностью поддержано Беларусью. А объявление 2022 г. в Беларуси годом исторической памяти активизировало процесс переосмысления событий прошлого, делая акцент на формировании в общественном сознании образа захваченной, но непокорённой Беларуси, сумевшей выстоять в условиях полной оккупации и целенаправленной политики геноцида.

Система образования играет значительную роль в формировании исторической памяти, хотя смена образовательных парадигм, которая происходила в высшей школе Беларуси в последние 30 лет, препятствовала организации последовательной работы в этом направлении. В настоящее время курс «Великая Отечественная война...» преподаётся в технических вузах как спецкурс, а в новом курсе «История белорусской государственности» предусмотрено изучение соответствующей темы. В этой ситуации возрастает роль индивидуальной работы со студентами, особенно активизации их поисковой, исследовательской работы, тем более что инновационная творческая деятельность студента помогает более эффективно усвоению конкретных знаний, чем это даёт пассивное прослушивание лекционного курса, содействуя формированию личности будущего специалиста.

Исследовательская работа студентов, направляемая преподавателем, открывает возможности использования материалов устной истории, краеведческого материала и значительно повышает их интерес к исследуемой проблеме, в частности, и к теме Великой Отечественной войны вообще. Проблематика исследовательской работы не ограничивается содержанием учебной программы, а выстраивается в русле современных подходов политики памяти. Одной из главных проблем, на которые мы ориентируем исследовательскую работу студентов, является геноцид белорусского народа.

Обращаясь к данной проблеме, студенты, используя местный материал, смогли внести определённую лепту в выявление новых фактов злодеяний фашистов, почерпнутых из воспоминаний очевидцев и участников событий того времени, а также обобщение имеющихся данных по конкретному региону. Например, в работе студентки строительного факультета Трубчик Дарьи «Трагедия деревень Брестчины» приведены факты уничтожения целых деревень с жителями, которые укрывали евреев, членов семей военнослужащих: в августе 1941 г. было уничтожено 9 деревень в Гайновском районе (теперь – Каменецкий) [10]; в деревне Атечизна Жабинковского района немцы убили 278 евреев; в деревне Бусни было убито 45 чел. членов семей военнослужащих [2]; в июле 1941 г. сожжено 34 населённых пункта [3, с. 4]. В 1942 г. с развёртыванием партизанского движения объектом нападения фашистов становятся деревни, расположенные в месте дислокации партизанских отрядов: в деревне Борки расстреляли 711 чел., в Заболотье расстреляли 289 чел. и сожгли 151 двор, в Борисовке расстреляли 169 чел. [3, с. 172; 10]; в деревне Байки (Пружанский район) в домах сожгли 957 жителей [3, с. 257]. Работа студентки Д. Трубчик стала вкладом в создание памятника «Кладбище деревень», как одного из способов увековечивания памяти жертв фашизма.

В центре внимания исследовательской работы студентов и судьба еврейского населения, уничтоженного в ходе Холокоста. На территории Беларуси в современных границах Холокост унёс жизни от 705 тыс. до 720 тыс. евреев. С учётом территории Белостокской области, которая входила в состав БССР накануне войны, потери белорусских евреев составили от 853 тыс. до 894 тыс. человек [9, с. 26]. Студентка экономического факультета Королёк Дарья в проекте «Судьба еврейской девушки Химы» через исследование судьбы Химы Гольдфарб, жительницы г. Кобрин (где до войны евреи составляли 70 % населения и

где в 1942 г. были уничтожены все узники еврейского гетто), выявляет масштаб трагедии и героизм местных жителей, некоторые из которых отваживались укрывать евреев. Хима осталась жива только благодаря семье Анны и Иосифа Назаруков, с дочерью которых студентка встречалась лично и которым впоследствии были присвоены звания Праведников мира.

Героизму непокорённых жителей Беларуси посвящены исследования студентов строительного факультета Ю. В. Демяника «Боевой путь отряда В. З. Коржа», А. С. Буштера «Участие партизан в Белорусской наступательной операции «Багратион», студентки экономического факультета Явтухович Таисии «Участие духовенства в сопротивлении немецко-фашистским оккупантам на территории Беларуси» и другие. Студентка Явтухович, анализируя различные материалы, приходит к выводу, что, проявляя заботу о благе людей, священники не могли остаться равнодушными к их страданиям, вызванным человеконенавистнической политикой оккупационных властей, поэтому многие из них оказывали помощь партизанам в различных формах: снабжение продуктами, медикаментами, сбор разведанных, предоставление укрытия лицам, подвергавшимся преследованиям. А отдельные представители клира вступали в партизанские отряды и открыто участвовали в актах неповиновения властям. Например, Протоиерей Александр Фёдорович Романушко, настоятель Мало-Плотницкой церкви Логишенского района Пинской области участвовал в партизанском движении с 1942 по 1944 г. Иерей Иоанн Лойко настоятель церкви Покрова Божией Матери в селе Хоростово, ныне Солигорского района Минской области погиб вместе с прихожанами, когда немцы заживо сожгли в церкви села Хоростово больше трёхсот чел.

Важным направлением исследовательской работы студентов становится мемориализация, ключевой задачей которой является сохранение памяти о жертвах через возвращение их имен. Причем наибольший интерес у студентов-исследователей вызывают конкретные факты реализации этой задачи в местах их жительства. Например, студентка строительного факультета Анна Новицкая в качестве цели своего исследования поставила задачу: обогатить и расширить знания о памятниках Радваничского сельского совета Брестского района, посвященных людям, событиям Великой Отечественной войны. Её исследовательский проект «История одного памятника» выявил в ходе социологического опроса, проведённого среди учащихся 5–

10-х кл. СШ Большие Радваничи, что 27 % опрошенных, не знают, сколько памятников находится на территории Радваничского сельского совета и в честь кого они воздвигнуты. Студентке в ходе бесед с местными жителями и с использованием доступных материалов удалось установить имена 30 жителей деревни Радваничи, расстрелянных немцами осенью 1942 г., тела которых захоронены в братской могиле, где установлен памятник, значащийся в книге «Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область» под номером 413, названный «Могила жертв фашизма».

Интересным аспектом исследовательской работы студентов становится анализ роли литературы и искусства в увековечивании памяти о войне и патриотическом воспитании. Заинтересовавшись проблемой «Тема Великой Отечественной войны в творчестве брестских художников», студентка экономического факультета Таисия Явтухович проследила основные тенденции в творчестве художников старшего поколения участников войны (П. А. Данелия, Э. С. Куфко, Н. Д. Чурабо и др.), стремившихся документально точно отобразить подвиг советского народа в войне, и художников послевоенного времени (Н. Селещук, Т. Денисова), делавших упор на эмоциональную сторону произведений, прибегая к использованию аллегории и метафор. Интересной идеей исследователя стало обращение к детскому творчеству. В детских рисунках, посвященных войне, студентка увидела, при общем техническом несовершенстве, оригинальность идей и подкупающую зрителя искренность, что, по ее мнению, свидетельствует о важности детского творчества, как средства патриотического воспитания и способе пробуждения эмоционально-положительного отношения к людям, защищавшим нашу страну.

Итоги исследовательской работы студентов регулярно представляются в докладах на студенческих научных конференциях, круглых столах, Республиканских и международных конференциях, публикуются в сборниках материалов [4–8], а также используются в учебном процессе, при проведении воспитательных мероприятий, тематических выставок, организации экскурсий в места, связанные с геноцидом, и в работе по мемориализации этих мест, что безусловно содействует формированию представлений о Великой Отечественной войне как о трагическом событии, принёсшем белорусскому народу многочисленные потери и, в то же время, выявившим великий героизм народа, сумевшего выдержать испытания.

Список литературы

1. Актуальные аспекты в исторической памяти белорусов. Текст: электронный // Белорусский институт стратегических исследований: [офиц. сайт]. URL: <https://socio.bisr.by> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Из справки Рогознянского сельского Жабинковского районного совета об убийстве населения деревни Атечизна и Бусни. 3 июня 1969 г. Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/312389> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев [и др.]; редкол. В. И. Адамушко [и др.]. М.: Фонд «Историческая память», 2011. 536 с.
4. Трубочик Д. В. Погибшие в «Треугольнике» // Глаза, что видели войну: сборник материалов Республиканской науч.-практ. конф., посвящённой 78-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (в рамках Года мира и созидания) (Брест, 27 апр. 2023 г.) / редкол.: Ю. В. Азаркевич (гл. ред.) [и др.]. Брест: БрГТУ, 2023. С. 55–57.
5. Новицкая А. Н. История одного памятника // Глаза, что видели войну: сборник материалов Республиканской науч.-практ. конф., посвящённой 78-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (в рамках Года мира и созидания) (Брест, 27 апр. 2023 г.) / редкол.: Ю. В. Азаркевич (гл. ред.) [и др.]. Брест: БрГТУ, 2023. С. 126–129.
6. Явтухович Т. И. Тема Великой Отечественной войны в творчестве брестских художников // Глаза, что видели войну: сборник материалов Республиканской науч.-практ. конф., посвящённой 78-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (в рамках Года мира и созидания) (Брест, 27 апр. 2023 г.) / редкол.: Ю. В. Азаркевич (гл. ред.) [и др.]. Брест: БрГТУ, 2023. С. 138–140.
7. Ковалёва Н. Н., Трубочик Д. В. Трагедия деревень Брестчины в годы Великой Отечественной войны // Память о Великой Победе: межвуз. сб. ст.: в 3 ч. / под ред. А. А. Александрова и В. К. Балтяна. М.: Ассоциация технических ун-тов, 2025. Ч. 3. С. 188–194.
8. Королёв Д. А. Судьба еврейской девушки Химы // Актуальные проблемы историографии Второй мировой войны: сб. материалов Регионального круглого стола, посвящ. 80-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне (25 апреля 2025 г.) / редкол.: Л. Ю. Малыгина (гл. ред.), С. В. Грибова, Н. Н. Ковалёва [и др.]. Брест: БрГТУ, 2025. С. 56–58.
9. Холокост в Беларуси: трагедия и память: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2022. 1039 с.
10. Электронная база данных «Белорусские деревни, сожжённые во время Великой Отечественной войны» // Совместный проект Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национального архива Республики Беларусь и Белорусского фонда мира при поддержке Российского фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память».

Сведения об авторе

Ковалёва Н. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь, natalliakavaliova4@gmail.com

УДК 94 (47)+930.25

Воспоминания ветеранов как неоценимый источник сведений о войне 1941–1945 годов

Лидия Григорьевна Литвинова

Музей истории МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
lindali@yandex.ru

В статье сделана попытка провести краткий обзор книг с воспоминаниями участников и ветеранов МГУ, в которых они рассказывают о своих фронтовых буднях в годы Великой Отечественной войны, о боевых товарищах, о событиях, очевидцами которых были сами. Многие из них не только воевали за родную землю, но и участвовали в освобождении стран Европы от фашистской чумы, дойдя до Берлина и Праги, где и встретили День Победы. Каждый из этих храбрых людей посвятил свои воспоминания солдатам той кровавой войны 1941–1945 гг., которые, не раздумывая, сразу после нападения Германии на СССР вступили в ряды Красной Армии или записались в ряды Народного ополчения, чтобы защитить свою Родину, свою Alma Mater.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московский университет, студенты, добровольцы, Красная Армия, Московская битва, оборона Сталинграда

В 2025 г. во всех уголках России прошли празднования по случаю 80-летия Победы. Торжественные мероприятия, приуроченные к этой знаменательной дате, состоялись и в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (Московский университет). За годы войны из его стен ушли на фронт более 5 000 чел., из которых около 3 000 не вернулись (в числе погибших были студенты, аспиранты, преподаватели и сотрудники университета). Их имена увековечены в мемориальных досках, памятных знаках и памятниках, установленных на территории Московского университета, а также в местах гибели бойцов 8-й Красногвардейской дивизии Народного ополчения. Артиллерийский полк этой дивизии мог быть назван университетским, так как был «полностью укомплектован студентами всех факультетов МГУ» [2, с. 271].

Молчаливыми свидетелями тех страшных событий стали фотографии военных лет, документы, награды и личные вещи фронтовиков, которые теперь представлены в одном из залов Музея истории МГУ, посвящённого деятельности Московского университета в годы Великой Отечественной войны. Здесь же находится и собрание книг о войне, которые очень дороги не только ветеранам, но также и исследователям, и сотрудникам музея.

Их внимание направлено, в первую очередь, на изучение книг с воспоминаниями участников войны и ветеранов МГУ о своей нелёгкой службе, о фронтовой жизни, о подвигах боевых товарищей, о своих командирах. К сожалению, не все ветераны изъявили желание вновь пережить те страшные события, которые с ними произошли на фронте.

Однако нашлось немало и тех из них, которые решили рассказать всю правду об этой ужасной войне. Эти люди нашли в себе силы поведать миру и будущим поколениям россиян обо всех зверствах, которые творили фашисты на оккупированной ими территории СССР с мирными, ни в чём не повинными людьми, включая малолетних детей, женщин и беспомощных стариков, и инвалидов. Фронтовики не понаслышке знали, что сделали гитлеровцы с советскими военнопленными и коммунистами, оказавшимися по стечению обстоятельств в немецких концентрационных лагерях. Между тем, в памяти сразу всплывают кадры документального фильма «Обыкновенный фашизм» режиссера Михаила Ромма, вышедший на экраны в 1965 г. В этом фильме были использованы подлинные немецкие хроники и фотоматериалы, на которых сняты гитлеровцы, позирующие на фоне повешенных или зверски убитых советских людей, которых они

считали низшей расой по сравнению с собой. Руководство фашистской Германии, вероломно вторгнувшись в пределы СССР, преследовали одну цель – захватить его обширные земли и стать обладателями природных богатств, но без его населения, которое безжалостно уничтожалось.

Книги с воспоминаниями ветеранов попали в Музей истории в разное время – некоторые сразу после выхода в свет, другие лишь годы спустя. В зале, посвящённой деятельности Московского университета в годы войны выставлена книга «Москва устояла. 1941. История и судьбы людей» [3], написанная участниками Великой Отечественной войны, докторами философских наук, профессорами МГУ, супругами Григорием Дмитриевичем Карповым и Анной Петровной Серцовой. Эта книга, приуроченная к 850-летию Москвы, была издана при содействии Российского и Московского комитетов ветеранов войны в 1996 г. На ее первой странице имеется авторская запись – «В дар Музею истории МГУ от бывших питомцев Московского университета». Ценность этой книги заключается, прежде всего, в том, что в ней изложены воспоминания не только ее авторов, но здесь также содержатся и свидетельства ветеранов, встретившихся вместе с Г. Д. Карповым и А. П. Серцовой на праздновании 50-летия Победы. Она написана в виде кратких дневниковых записей, сделанных авторами в годы войны, бывшими тогда еще молодыми. Однако Карпов и Серцова решились описать события, свидетелями которых они сами были, лишь в 1990-е годы. Согласно названию книги основная ее часть посвящена событиям 1941 г., началу войны и Московской битве.

Война началась 22 июня 1941 г. в 4 часа утра, когда, «немецкие войска на всех участках фронта от Финляндии до Черного моря перешли в наступление» [2, с. 129] против СССР. Советские граждане, узнав о вероломном нападении Германии, были настолько возмущены этим страшным известием, что уже на возникших митингах в вузах, учреждениях, на предприятиях и в других трудовых коллективах стали заявлять о своей готовности встать на защиту родной страны и сражаться до последней капли крови. Люди ринулись в военкоматы: одни вступали в ряды Красной Армии, другие записывались в ополчение. Из-за большого числа желающих в военкоматах образовались длинные очереди.

В то же время большая группа студентов, главным образом девушек, была мобилизована на строительство оборонительных сооружений [Там же] под Москвой. Хотя сами по себе

эти оборонительные сооружения не могли преградить путь врагу, однако это «ничуть не умаляет того вклада, который внесли люди – защитники столицы» [2, с. 215]. Выпускник философского факультета МГУ Г. Д. Карпов, став бойцом 8-й Краснопресненской дивизии Народного ополчения, он участвовал в сражениях за Москву, в так называемой Московской битве, осенью 1941 г. К слову, заметить, что «на Западном фронте каждый шестой защитник столицы был ополченец» [Там же, с. 17]. Защищали подступы к столице и бойцы четырех сформированных Западным фронтом армий, свежие «готовые ринуться в бой дивизии прибыли из Сибири и с Дальнего Востока» [Там же, с. 15]. Как известно, на этом этапе Московской битвы (оборонительном), «противник превосходил в 1,5–2 раза по численности личного состава, а также в оснащении техникой, особенно артиллерией и танками» [Там же] Красную Армию. Силы были неравными. Поэтому 7 октября 1941 г. замкнулось кольцо немецкого окружения в районе Вязьмы. В котле оказалось несколько армий Западного и Брянского фронтов и «путь на Москву был фактически открыт» [Там же, с. 225]. Ополченцы, оказавшись в окружении, «небольшими группами просачивались через заслоны врага» [Там же, с. 221], чтобы пробиваться на восток к своим. В то время «в фашистском плену оказалось свыше 3 миллионов наших воинов, и большинство из них – пленные 1941 года» [Там же, с. 209]. Те ополченцы, кому повезло остаться в живых и выйти из окружения, присоединились затем к частям Красной Армии или вступили в партизанские отряды, чтобы продолжить воевать против ненавистного врага. Среди выживших был и Г. Д. Карпов. Свою службу он продолжил в качестве солдата Красной Армии, в составе которой он участвовал в обороне Сталинграда и в Курской битве. День Победы Г. Д. Карпов встретил в Праге.

Другой автор книги о 1941 г. студентка философского факультета МГУ А. П. Серцова, как и многие университетские девушки, окончила курсы медсестер, горя желанием попасть на фронт. Получив свидетельство об окончании курсов она была направлена в истребительный батальон 299-й стрелковой дивизии 66-й армии, в составе которого воевала на Западном, Калининском и Сталинградском фронтах. В качестве медсестры А. П. Серцова участвовала в битве за Москву, в обороне Сталинграда, в освобождении Харькова, также в Ясско-Кишиневской операции и Пражской операции. За время войны А. П. Серцова была ранена и дважды тяжело контужена. За свою самоотверженную службу по спасе-

нию раненых солдат Анна Петровна была награждена боевыми орденами и медалями. В 1945 г. она вернулась в Московский университет и завершила учебу на философском факультете МГУ.

Следующая книга «Пёстрые лики войны: дневник военного переводчика» была написана ветераном, доктором филологических наук, профессором МГУ Петром Григорьевичем Пустовойтом. Она была опубликована в 1992 г., а в 1997 г. автор лично подарил её Музею истории МГУ, оставив на её первой странице следующую запись: «Музею истории МГУ от заслуженного профессора П. Г. Пустовойта, участника войны» [8, с. 3]. Своё повествование автор начинает с рассказа о первых военных днях. За день до вероломного нападения Германии на СССР выпускник филфака МГУ Петр Пустовойт успешно защитил диплом. Ничего не предвещало беды. Однако его планы на счастливое будущее перечеркнула начавшаяся война. Благодаря воспоминаниям П. Г. Пустовойта стало известно о настроениях, царивших в то время среди молодежи. Так, «в порыве ненависти к врагу многие студенты с остервенением рвали учебники немецкого языка и тетради с записями» [Там же]. Тогда они ещё не осознавали, что эти учебники им пригодятся, так как «врага, каким бы он ни был ненавистным, надо изучать» [Там же, с. 7]. В итоге П. Г. Пустовойт, как и многие его однокашники, пройдя подготовку в Военном институте иностранных языков, решили отправиться на фронт в качестве военных переводчиков, чтобы помочь своей стране.

Он служил в разведывательных частях Юго-Западного, Донского, 1-го Украинского фронтов. Большую часть времени он, как военный переводчик, провёл в составе 1-го радиополка Особого назначения Ставки Верховного Главнокомандования. С его слов известно, что радиополк занимался стратегической разведкой (радиоперехватом и пеленгированием), «устанавливал дислокацию вражеских радиостанций, начиная от дивизии и кончая Ставкой Гитлера» [Там же, с. 5]. Благодаря дневниковым записям П. Г. Пустовойта читатель имеет возможность ознакомиться с большим числом фактического материала о разных военных операциях. В книге он использует свои записи о Сталинградской битве, разгроме немцев на Курской дуге и многих других. В связи с тем, что радиодивизионы 1-го полка Осназ (полк особого назначения) [Там же, с. 55] располагались в зонах фронтов, то у военного переводчика Пустовойта «имелась возможность непосредственно быть в курсе боевых операций того или иного фронта, той или иной армии» [Там же, с. 5].

При работе над книгой автор использовал также материалы английского журналиста А. Верта и труды немецких историков И. Видера, Г. Дёрра, Р. Грамса, К. Цейтцлера и др., а также использовал рассказ адъютанта фельдмаршала Паулюса В. Адама. Автор книги Пустовойт не просто рассказал о своей фронтовой службе, он сверял факты, оставившие в памяти глубокий след, с книгами воспоминаний наших выдающихся полководцев, таких как: Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. И. Чуйков и др.

Книга воспоминаний сотрудника кафедры физвоспитания и спорта МГУ Владимира Родионовича Качинского «В боях за Сталинград. Записки солдата» [4] была передана в Музей истории МГУ его дочерью Н. В. Качинской осенью 2024 г., хотя книга опубликована ещё в 1998 г. В ней описаны воспоминания непосредственного участника Сталинградской битвы, который излагает события того времени практически в хронологическом порядке, рассказывает о своих боевых товарищах. В те дни ни голод, ни холод, ни бытовые неудобства не смогли сломить солдатский дух защитников Сталинграда. Как известно, именно после сокрушительной победы в Сталинградской битве солдатам и военному руководству страны, и даже немецкому командованию, стало ясно, что наступил коренной перелом в ходе войны. С этого времени на оккупированной территории Советского Союза началась освободительная поступь войск Красной Армии по изгнанию жестокого врага.

Вместе с книгой дочь солдата передала в музей его фотографию в военной форме тех лет и подлинное удостоверение К № 35530, гласившее о том, что сержант В. Р. Качинский награждён медалью «За оборону Сталинграда» [6, 924/3] 22 декабря 1942 г.

Аспирант 3 курса мехмата МГУ Цаль Борисович Альперин добровольно вступил в ряды Краснопресненской дивизии Народного ополчения 14 октября 1941 г., о чём свидетельствует нотариальная справка, выданная ему партбюро МГУ [5, 139/11]. В составе этой дивизии Ц. Б. Альперин участвовал в сражениях за Москву. Во время одного из боёв под Звенигородом он был ранен и попал в госпиталь. После лечения капитан Ц. Б. Альперин продолжил службу в рядах Красной Армии. На его долю также выпало стать участником Сталинградской битвы, по окончании которой он, как и его товарищи, был награждён 22 декабря 1942 г. медалью «За оборону Сталинграда» [Там же, 139/4]. В 1944 г. Ц. Б. Альперин погиб в Гомельской области в боях за освобождение Белоруссии, не дожив до победы. Однако память об аспиранте мехмата МГУ,

капитане Красной Армии до сих пор жива. Его медаль вместе с подлинным удостоверением А № 1409 к ней [Там же, 139/8], а также его орден Отечественной войны II степени № 86453 [Там же, 139/3], фотография, наручные часы и копии документов были переданы его сестрой Б. Б. Альпериной 17 мая 1985 г. в музейную группу, существовавшую тогда при историческом факультете МГУ. В настоящее время рядом с материалами Ц. Б. Альперина находятся и материалы В. Р. Качинского.

Следующая книга «Воспоминания о годах войны» написана ветераном войны, профессором МГУ Евгением Евгеньевичем Милановским. Из неё известно, что в 1941 г., окончив школу, он стал студентом 1 курса геолого-почвенного факультета МГУ. Из-за начавшейся войны конкурса для поступления в университет не было, зачисление прошло без экзаменов. Более того, из-за своей сильной близорукости Милановский не был пригоден к воинской службе, он сразу «в соответствии с заявлением был зачислен студентом» [7, с. 32]. Ему даже не понадобился его аттестат отличника, который давал право поступления в вуз без экзаменов. Сразу после зачисления студенты выехали на работу по сооружению оборонительных сооружений в район станции Малые Вязёмы Белорусской железной дороги [Там же]. Несмотря на военное время занятия на всех факультетах Московского университета начались 1 сентября 1941 г., но они должны были проходить по ускоренному и сокращённому с пяти до трёх лет учебному плану. Однако после нескольких лекций учебные занятия прекратились. Из воспоминаний Е. Милановского узнаем, что «остановленные в конце августа – начале сентября 1941 г. примерно в 250–300 км к западу от Москвы германские войска подтянули свои резервы» [Там же], а 1 октября 1941 г. перешли в генеральное наступление на столицу. Далее он пишет, что фашисты прорвали Западный фронт, «окружили и разгромили несколько наших армий, захватили Орел и Калинин» [Там же]. И к середине октября немцы уже находились «на расстоянии всего около 150–100 км (а местами ещё ближе) от столицы» [Там же]. Из книги известно также, что тогда началась срочная эвакуация столичных учреждений, в том числе и Московского университета в Среднюю Азию, в г. Ашхабад. В те дни в Москве было очень напряженно, даже возникли панические настроения. И уже 19 октября 1941 г. в городе было введено осадное положение.

В это тревожное время студент Е. Милановский становится бойцом военизированного отряда противовоздушной и противопожарной

обороны Московского университета. Бойцы дежурили на крышах университетских зданий, чтобы гасить зажигательные бомбы, которые сбрасывали немцы при бомбардировках столицы. Налёты вражеской авиации особенно усилились к концу октября 1941 г., по мере приближения немцев к Москве. Поэтому дежурства длились по 48 час. с 24-часовым интервалом. Из книги узнаем, что бойцы ПВО «участвовали также в упаковке, погрузке и транспортировке к московским вокзалам университетского оборудования» [7, с. 34] и книг. Подтверждением этих слов может служить фотография студентов в военной форме, которые грузят ценные университетские книги на машины для отправки их в эвакуацию.

Из воспоминаний осени 1941 г. студенту особенно запомнился день 7 ноября, когда на Красной площади состоялся парад воинов Красной Армии. В Музее истории МГУ выставлена картина «Парад на Красной площади» художника В. Р. Романова, ныне покойного. Как известно, подготовка парада проходила с соблюдением особой секретности. И состоялся он не в 10 часов, как было запланировано, а на два часа раньше – в 8. Сделано это было для того, чтобы обмануть немцев и избежать авиационных бомбардировок. Эта картина написана в темно-синих тонах. Она всегда производит на экскурсантов неизгладимое впечатление и не только из-за своего большого размера. На ней изображены солдаты Красной Армии, торжественно идущие хмурым ноябрьским морозным утром стройными рядами по Красной площади, направляясь отсюда прямо на фронт. Лица участников парада на картине В. Р. Романова сосредоточены и полны решимости хоть сейчас вступить в неравный бой с вероломным врагом, который без объявления войны, нарушил мирную жизнь советских граждан, обрекая их на смерть и страдания.

Е. Милановский и его сокурсники стремились на фронт. Из-за сильной близорукости он был назначен на должность чертёжника-картографа. В этом качестве он провёл почти три года и «прошёл путь от г. Владимира на Клязьме до Берлина, Праги и Вены» [Там же, с. 37], завершив военную службу в звании сержанта. После демобилизации Е. Е. Милановский продолжил учёбу на геологическом факультете МГУ.

К сожалению, нет возможности даже перечислить все книги, написанные участниками войны и ветеранами МГУ, в статье представлена лишь их малая толика. Ценность воспоминаний безмерна, так как они написаны участниками и очевидцами тех страшных событий,

которые произошли по вине немецко-фашистских захватчиков, вторгшихся без объявления войны в пределы Советского государства и причинившие нечеловеческие страдания его многонациональному народу.

Невозможно забыть и о тех погибших 27 миллионах советских людей, ставших жертвами германской агрессии. За все годы Второй мировой войны ни одна европейская страна не потеряла столько своих граждан как СССР. Это Красная Армия, а не армия США как сегодня любят говорить «образованные» лидеры Европы, освободила европейские народы от коричневой чумы – немецкого фашизма и его сателлитов. Высшим цинизмом стало то, что в Соединенных Штатах Америки была выпущена Медаль Победы, приуроченная к 75-летию со дня окончания Второй мировой войны. На ней изображены флаги стран-победительниц: США, Великобритании и Франции, и нет флага СССР [1]. Хотя медаль отчеканило не госказначейство, а частная компания Bradford Exchange, но сам факт ее выпуска является показателем того, как США относится ко Второй мировой войне.

Нельзя замалчивать и того факта, что Советский Союз практически в одиночку сражался на протяжении нескольких лет против армий вермахта вплоть до высадки американско-британских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. Это событие и стало, наконец, началом открытия второго фронта союзниками. Одной из причин его открытия было, видимо, и то, что весной 1944 г. боевые действия Красной Армии уже переместились на земли Европы, когда советские войска перешли границу с Чехословакией и вступили на территорию с Румынией.

Между тем, в наше время складывается парадоксальная ситуация, когда в разных странах, особенно в тех, за освобождение которых полегли сотни советских военнослужащих, процветает дикая русофобия, сносятся памятники советским воинам-освободителям, искажается история Великой Отечественной войны, всячески перевираются начало и итоги Второй мировой войны. Теперь же именно в этих европейских странах фашизм вновь поднимает голову. Именно поэтому так важны книги с воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной войны, рассказавших правду о зверствах фашистов, которые они творили с живыми людьми на оккупированных землях СССР и в концентрационных лагерях на территории Европы. Поэтому всегда необходимо помнить о подвиге советского солдата – Солдата-Освободителя, благодаря которому наша страна отстояла свой суверенитет.

Список литературы

1. Васильев М. В США на «медали победы» убрали флаг СССР. Текст: электронный // Экспресс газета. 2019. 24 мая. URL: <https://clck.ru/3Sug8E> (дата обращения: 30.01.2026).
2. История Московского университета: в 2 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. Т. 2. 455 с.
3. Карпов Г. Д., Серцова А. П. Москва устояла. 1941. История и судьбы людей. М.: Рекламный мир, 1996. 319 с.
4. Качинский В. Р. В боях за Сталинград. Записки солдата. М., 1998. 68 с.
5. Материалы аспиранта механико-математического ф-та МГУ, участника Великой Отечественной войны Ц. Б. Альперина // Музей истории МГУ им. М. В. Ломоносова. МИМУ. КП-139. 12 ед. хр.
6. Материалы ветерана Великой Отечественной войны, преподавателя кафедры физвоспитания МГУ В. Р. Качинского // Музей истории МГУ. МИМУ, КП-924. 9 ед. хр.
7. Милановский Е. Е. Воспоминания о годах войны. М.: Логос, 2005. 168 с. EDN: QPBIXV
8. Пустойт П. Г. Пестрые лики войны: дневник военного переводчика. Ярославль: Изд-во «Содействие», 1992. 124 с.

Сведения об авторе

Литвинова Л. Г. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и. о. директора, Музей истории МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, lindali@yandex.ru

УДК 378.147: 930.85

Забайкальский тыл: завод № 117 в 1941–1943 годах

Виктор Иванович Мерцалов

Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Чита, Россия
mercalov47@mail.ru

В статье сделана попытка развёрнутого освещения истории завода № 117, который действовал в Чите с 1941 по 1943 г. Позитивно раскрыты создание и освоение производственной базы завода, возведение социальных объектов, формирование трудового коллектива и рост его трудовой активности в суровых условиях военного времени. Несмотря на эвакуацию завода в Москву, он не исчез бесследно в Восточном Забайкалье, на его производственных площадях возник Читинский электромеханический завод.

Ключевые слова: Забайкальский тыл, Чита, завод № 117, Наркомат авиационной промышленности, Читинский государственный электромеханический завод, Читинский машиностроительный завод, машиностроение Читинской области

Завод № 117 с самого начала своего возникновения был машиностроительным предприятием советского времени. В отличие от Паровозо-вагоно-ремонтного завода (ПВРЗ) и Сретенского судостроительного завода, он не имел предшественников в дореволюционное время. По времени происхождения он был полностью не только советским, но и военным предприятием, которое так и осталось номерным, не успев приобрести своего собственного имени. Завод № 117 следует отнести как ПВРЗ и Сретенский судостроительный завод независимо от их ведомственной принадлежности к транспортному машиностроению, что отражает их общую основу возникновения и подчеркивает не случайность создания завода № 117. Его можно рассматривать как первенца советского машиностроения в Восточном Забайкалье. В 1940 г. он был задуман как предприятие по производству авиацион-

ных нормалей. Накануне войны началось его строительство.

История завода № 117 была короткой. Она уложилась в три года – 1941–1943 гг. Впервые о заводе № 117 как таковом было рассказано в статье Г. А. Жеребцова, опубликованной в «Энциклопедии Забайкалья» [8]. Имеющиеся публикации носят информационный характер или содержат упоминание о нём при освещении истории Читинского машиностроительного завода. По их данным, в 1939 г. в Чите было положено начало предприятию С-5. Директор бывшего музея Читинского машзавода А. М. Сушкова называла его ремонтной базой. Автор книги о Читинском машиностроительном заводе В. И. Зуева относила начало завода к строительству с 1939 г. в Чите парашютной фабрики. В 1940 г. по свидетельству авторов публикаций началось перепрофилирование предприятия С-5 в завод по произ-

водству авиационных нормалей. В условиях начавшейся войны в третьем квартале 1941 г. в Читу из Киева были эвакуированы оборудование и специалисты [1, с. 197; 9, с. 9; 10; 12, с. 30]. Архивные материалы, хранящиеся в ГАЗК, дают возможность воссоздать историческую картину его существования с 1941 по 1943 г. Они хранятся в фонде Читинского машиностроительного завода и в фонде его партийной организации.

Начавшееся до войны строительство завода велось на двух участках – промышленном и жилищном. Площадь промышленного участка составляла 52 600 кв. м. Она занимала территорию с периметром, проходящим по улицам Журавлёва, Смоленской, Курнатовского и Новобульварной. Это была окраина города, граничащая с сосновым лесом. Здесь развернулось строительство производственного корпуса «А» – трёхэтажного кирпичного здания и производственного одноэтажного кирпичного корпуса «Б». Оба здания имели железобетонные перекрытия. В них впоследствии были размещены все заводские цехи. Гараж размещался отдельно в одноэтажном, каменном здании. Отдельно строилось трехэтажное каменное здание для заводууправления. На территории промышленного участка воздвигались здания социального предназначения – одноэтажные, бревенчатые столовая и баня-душевая. Каркасная проходная будка завершала комплекс, строившихся сооружений [3, л. 1]. Вниз по улице Новобульварной на её противоположной стороне возводились десять деревянных двухэтажных домов. С началом войны строительство продолжалось только пяти домов, другую часть законсервировали, ограничившись дополнительным строительством двух каркасных засыпных барачков. Один из них отводился под общежитие [Там же].

С началом войны обострилась проблема обеспечения строительства завода рабочей силой. Поэтому всё строительство во второй половине 1941 г. сосредоточивалось в руках директора завода Горьковенко [7, л. 6], использовался труд заключённых, выделенных в так называемую лагерную точку. В конце 1941 г. был введён в строй корпус «А», установлены металлообрабатывающие станки и оборудование. Декабрь 1941 г. стал первым месяцем начала производственной деятельности завода. Социалистические обязательства, принятые строителями и рабочими по докладу Сталина на торжественном заседании Московского Совета и общественных организаций 6 ноября 1941 г., были выполнены в декабре по выпуску валовой продукции – на 105 %, по росту производительности труда – на 148 % [Там же, л. 1, 3].

Строительство завода сталкивалось с большим дефицитом стройматериалов, рабочей силы, особенно квалифицированной, и самое главное – дефицитом времени, когда в первую очередь требовалось ввести в строй новое производство. Страдало качество строительных работ. В корпусе «А» вызвали претензии работы по настилу пола, в гараже и в столярной мастерской рабочие жаловались на холод, столовая была принята с большими щелями в полу, неровными стенами и некачественно выложенной кровлей [Там же, л. 5].

В целом ввод корпуса «А», гаража и столовой, можно рассматривать как ввод первой очереди сдачи завода в эксплуатацию. В это время основным видом выпускаемой промышленной продукции были детали для сельскохозяйственной техники, выпускаемые по заказу областных властей. Начало производственной деятельности выдвинуло на одно из первых мест подготовку кадров и формирование трудового коллектива.

Создание производства авиационных нормалей охватывает 1942 г. с его первых месяцев до четвёртого квартала. Он ознаменовался вводом в строй корпуса «Б», преимущественно предназначенного для термического цеха. Его строительство требовало учёта размещения оборудования с производственным использованием высоких температур. Это, прежде всего, две печи для закаливания. Одна – с температурой 900°, работающая на каменном угле; вторая – с температурой 1 200°, действующая на использовании нефти. В технологической связке с ними размещались две ванны «для отпуска» с температурами 850° и 350°. В корпусе также разместили два кузнечных горна с использованием каменного угля. К четвертому кварталу 1942 г. все технологическое оборудование было запущено [3, л. 7].

Из-за войны эта работа сопровождалась серьезными трудностями, связанными с нарушением материально-технического снабжения в промышленности страны в целом. По Читинской области общий процент снабжения её предприятий материалами, оборудованием в 1942 г. к 1941 г. составил 31 %, по горючему – 28 % [11, с. 125]. Наркомат авиапрома долго не мог определиться с производственным профилем завода № 117. Завод находился в полной неопределённости, что должен производить, каков его производственный план, как он будет обеспечен материалами, оборудованием и финансированием. Его настойчивые попытки с конца 1941 г. определиться с производственным профилем нередко завершались тем, что завод из одного главка Наркомата переводился в другой главк [7, л. 6]. Но усилиями мест-

ных властей и руководства предприятия завод строился. Характерной чертой его строительства в 1942 г. было возведение зданий социального предназначения. В это время активно велось строительство жилья, детского сада, строились объекты подсобного хозяйства, которое вошло в состав заводского ОРСа.

Внешний вид завода приобретал вполне завершённый военный облик. Об этом свидетельствовали принятые меры в октябре 1942 г. по обеспечению безопасности завода. Они предусматривали установление по периметру заводской территории забора, который дополнительно сверху стягивался колючей проволокой. 8 линий проволочного ограждения должны были опоясывать бензиновый склад, локомобильную подстанцию, и топливный склад. На ряде заводских объектов предусматривалась установка караульных постов, оборудованных будками и грибами. Входы в корпуса и здания закрывались на замок и имели электроосвещение. Для военизированной команды охраны предусматривалось казарменное помещение. Она доукомплектовывалась новым составом и довооружалась винтовками и пистолетами. Усиливалась противопожарная команда [6, л. 4].

С четвертого квартала 1942 г. завод готовился к производству авианормалей для скоростного бомбардировщика СБ. Уже в первом квартале 1943 г. завод покрыл почти всю годовую потребность УВВС в запчастях к самолетам СБ [2, л. 2]. В связи с этим завод запросил у Главка новую продукцию для ее изготовления. В третьем и четвертом кварталах производственными планами предусматривалось производство шасси и запасных частей к ним для самолета ИЛ-2. Для этого пришлось создать заготовительный цех и направить в Иркутск 30 человек для их обучения клепке,

сварке и сборке «оперения» нового самолета [Там же, л. 3]. Практически в течение 1943 г. производственный профиль завода менялся три раза [Там же]. Несмотря на это, завод не только выполнил план третьего квартала, но и перевыполнил его [Там же, л. 4].

Создание производственной и социальной сфер нового предприятия были всецело делом рук заводского коллектива. Он развивался под влиянием двух процессов – завершения строительства, и развертывания основной производственной деятельности. В течение этого времени партийная и комсомольская организации с самого начала действовали как заводские. Численный рост партийной организации привел к созданию в августе 1942 г. партбюро. Ее общая численность в это время составила 16 чел. В комсомольской организации насчитывалось 57 членов ВЛКСМ (1942). В производственно-общественной жизни завода партийная организация играла активную роль и достигла тесного взаимодействия с дирекцией, влияя на все основные направления деятельности заводчан. Заводской профорганизации первоначально не было, действовала профсоюзная организация строителей, возглавляемая постройкомом [7, л. 16]. Создание заводской профсоюзной организации в апреле 1942 г. свидетельствовало о формировании заводского коллектива, в котором бывшие строители становились промышленными рабочими.

Заводской коллектив стал активно формироваться к моменту введения в строй корпуса «А». Численность рабочих заметно росла за счёт женщин и молодежи. Для них было особенно актуальным строительство детского сада и общежития. О динамике роста численности трудового коллектива свидетельствует таблица.

Среднесписочный состав производственного персонала завода № 117 [2, л. 39; 5, л. 48]

Персонал Годы	Рабочие	Ученики	ИТР	Служащие	МОП	Пожарная и пожарно- сторожевая охрана	Всего
1941	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1942	118	35	28	25	7	27	240
1943	194	57	50	34	7	31	373
1944	102	55	21	20	8	31	237
1945	165	27	26	17	8	27	269

Данные таблицы показывают, что максимальная численность заводского коллектива была достигнута в 1943 г. – 373 чел. Одновременно это был год полного перехода на производство авиационных нормалей и

максимального трудового подъема заводчан. Но приказом Наркомата авиационной промышленности завод эвакуировался в Москву. С 1 декабря 1943 г. он прекратил производственную деятельность. До 1 января 1944 г.

работало только заводоуправление [2, л. 6]. Под влиянием эвакуации, как показывает таблица, численность рабочих в 1944 г. оказалась ниже уровня 1942 г., количество ИТР уменьшилось более, чем в 2 раза, общее число работников завода в сравнении с 1943 г.

составило 63,5 %. Заводские цехи были буквально опустошены – их оборудование было тоже эвакуировано. В феврале 1944 г. завод все-таки возродился, но как электромеханический завод Наркомата электростанций СССР.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края: путеводитель по фондам Государственного архива Забайкальского края / отв. ред. А. О. Баринов. Чита: Экспресс-изд-во, 2014. Т. 2. 536 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р. 457. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАЗК. Ф. Р. 457. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАЗК. Ф. Р. 457. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАЗК. Ф. Р. 457. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАЗК. Ф. П. 1664. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАЗК. Ф. П. 1664. Оп. 1. Д. 2.
8. Жеребцов Г. А. Завод № 117 // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 2. А – З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2003. С. 387.
9. Зуева В. И. Годы и Судьбы. Чита: Поиск, 2004. 200 с.
10. Макаренко Т. Д., Крылов Е. И. Машиностроение // Энциклопедия Забайкалья. Чита / гл. ред. А. Д. Михалёв. Новосибирск: Наука, 2014. С. 310.
11. Мерцалов В. И. Экономика Восточного Забайкалья в годы Великой Отечественной войны // Великая победа армии и народа. 1941–1945 гг.: сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Константинов, А. В. Константинов. Чита: ЗабГПУ, 2005. С. 119–130.
12. Сушкова А. М. Читинскому машзаводу – 50 лет // Политический собеседник. 1989. № 11–12. С. 30–32.

Сведения об авторе

Мерцалов В. И. – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Забайкальский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Чита, Россия, mercalov47@mail.ru

УДК 94 (47) + 930.25

Письма с фронта и воспоминания ветеранов как исторический источник (по документам Государственного архива Забайкальского края)

Татьяна Гавриловна Васильева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
tvzabspu@yandex.ru

Статья посвящена вкладу исследователя и архивиста Т. А. Константиновой в изучение источников личного происхождения – воспоминаний участников Великой Отечественной войны, писем с фронта из фондов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Архивные документы послужили основой для подготовки к изданию сборника «Воспоминания, письма, документы участников Великой Отечественной». Совместно с сотрудниками Читинской телерадиокомпании Татьяна Андреевна создала документальные телефильмы о судьбах земляков – участников войны на основе воспоминаний и писем с фронта.

Ключевые слова: Т. А. Константинова, историк, исследователь, архивист, источники личного происхождения, Великая Отечественная война

Публикации воспоминаний, писем, документов забайкальцев – участников Великой Отечественной войны, подготовленные читинскими архивистами, становились достоянием общественности не только в связи с актуализацией военной темы в памяти потомков защитников и победителей нацистов, но и развитием

«антропологического поворота» в современном гуманитарном знании. Татьяна Андреевна Константинова данный «поворот» не просто понимала, как профессиональный историк и опытный исследователь, но и принимала деятельное участие в публикации сборников архивных документов [1; 4]. Сборники архив-

ных документов, по мнению Т. А. Константиновой, должны служить для использования этих ценных письменных источников при изучении повседневности фронтовых будней, чувств и настроений защитников Родины, а также для подготовки и проведения мероприятий по патриотическому воспитанию школьников и студентов.

Сбор воспоминаний забайкальцев-фронтовиков, писем с фронта и других документов военного периода, комплектование специального фонда хранения составляли одно из важных направлений работы Государственного архива Читинской области (ныне ГАЗК). В фондах постоянного хранения отложились коллективные письма – обращения из фронтовых частей жителям Читинской области, например, письма гвардейцев 26-й стрелковой дивизии, гвардейцев-летчиков 31-й авиационной дивизии и письмо партизан 5-й партизанской бригады. В этих письмах выражались чувства признательности и благодарности за подарки фронтовикам и партизанам, финансовую и материальную помощь трудящихся Читинской области из личных сбережений, передавших на постройку новых самолетов и танков, а также поставки хлеба, мяса и продуктов на фронт и на освобожденные территории от нацистов [1, с. 7–11].

Начиная с 70-х гг. XX в., на постоянное хранение в ГАЗК ветеранами Великой Отечественной войны и их родственниками было передано значительное количество письменных документов – воспоминаний, писем и копий памятных материалов периода войны. Необходимо отметить значительную работу, сделанную составителями сборника архивных документов в выборе не только интересных и информативных воспоминаний и писем для публикации, но и фотографий военных лет, а также фото ветеранов через 30–40 лет после войны. Проверка и уточнение биографических данных авторов воспоминаний или писем тоже входило в обязанность архивистов [2, с. 83]. Воспоминания забайкальцев-фронтовиков читаются на одном дыхании, несмотря на то, что они порой написаны бесхитростно, часто буднично или, напротив, пронзительно и эмоционально, иногда излишне с политизированным изложением признательности и благодарности коммунистической партии, советскому народу – защитнику и победителю. В название каждого очерка воспоминаний Татьяна Андреевна выносила короткую цитату, которая точно отражала основные мысли и своеобразие представленных воспоминаний фронтовиков. «Шли тяжелые бои за город Ржев»: воспоминания Александра Ильича Иванова из г. Нер-

чинска [1, с. 73]; «Работа связистов – не из лёгких, особенно на передовой» – о Георгии Георгиевиче Каргине из Калганского района [Там же, с. 79]; воспоминания о боевой мощи реактивного оружия Сергея Павловича Миرونюча со станции Карымская «Бойцов в эти части отбирали специальной комиссией» [Там же, с. 92–93] и др.

Воспоминания Жапа Абидуевича Абидуева из колхоза «Путь Ильича» Агинского района о боях на Орловщине зимой 1941 г. и об участии в освобождении населённых пунктов и городов Седлец, Минск, Лугов, Чернигов, Познань, Лодзь и др. За успешное выполнение заданий в составе разведгрупп Абидуев награждён боевыми орденами и медалями [Там же, с. 14]. Аюров Жамбалдоржи Аюрович из Дульдургинского района воевал под Волоколамском, на р. Жидре в 1942 г. Написал воспоминания об участии в партизанском движении на Украине с мая 1944 г. по апрель 1945 г. [Там же, с. 17–18]. Блохин Николай Степанович за годы войны выполнил 352 боевых вылета. Об этом он оставил воспоминания, которые хранятся в архиве, а также лётная книжка Н. С. Блохина [Там же, с. 22–23]. Буньков Мефодий Павлович из Нерчинско-Заводского района до войны работал учителем и заведующим начальной школой. Воевал с 1942 г. в войсках Калининского, 1-го Прибалтийского, Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов. В звании капитана в 1947 г. уволен в запас. Был ранен, контужен. Награждён орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды [Там же, с. 27]. На хранение в архив переданы фотографии военных лет, которые также являются важными историческими источниками. На обратной стороне личной фотографии 25 июня 1945 г. из Берлина Мефодий Буньков написал маме и Нюре: «Не могу быть с Вами сейчас, так говорит мне Родина, которую я три года защищал, отстаивая её честь и свободу. Пусть этот портрет будем Вам живым. Он многое расскажет Вам обо мне. Будьте здоровы, счастливы. Ждите. Скоро встретимся...» [Там же, с. 30].

В основном, письма и воспоминания принадлежат мужчинам, воспоминаний женщин гораздо меньше. Из 52-х воспоминаний только 4 очерка принадлежат «волшебникам в белых халатах». Их имена: Ольга Федоровна Бобкова, Мария Петровна Кузьмина, Таисия Андреевна Савватеева, Антонина Николаевна Шулятьева (Викулова). Женщина на войне – это особая тема изучения судеб людей в экстремальных условиях боевых действий. А. Н. Шулятьева родилась в Кировской области, перед войной училась в медицинском училище в Одесской

области [1, с. 152]. За годы войны она спасала не одну тысячу раненых солдат, командуя взводом санитаров-носильщиков, и оказывая медицинскую помощь в тяжёлых условиях военно-полевых госпиталей. После окончания войны Шулятьева (Викулова) проживала с семьёй в Борзе, а затем в Чите [3].

Знакомясь с фронтовыми письмами Михаила Петровича Чикичева своей жене Домне Ивановне в Читу, можно узнать не только краткие сообщения «жив и здоров», но и отрывочные сведения об участии в боях, о повседневности и быте в блиндаже отдельного стрелкового батальона, в котором воевал автор писем в должности заместителя командира по политической части, или в госпитале после ранения осенью 1943 г., а между строк уловить проявление его нежности, любви и заботы к жене и родным. Всего сохранилось 16 фронтовых писем Михаила Петровича. Их дополняет сообщение о гибели капитана Чикичева и его фронтовая фотография. Документы передала в архив его вдова Иванова Домна Ивановна. Письма М. П. Чикичева (1903–1944), который был призван на фронт в августе 1941 г. Шахтинским военкоматом Читинской области, будут опубликованы в сборниках архивных документов [1, с. 135–148; 4, с. 657], напечатаны в газете «Читинское обозрение» и использованы в телевизионном фильме «Письма с фронта». Т. А. Константинова при подготовке к изданию писем капитана Чикичева стремилась дать не частичный пересказ содержания фронтовых писем, а подлинные тексты. Комментируя эти ёмкие по содержанию письма, Т. А. Константинова обращала внимание исследователей на то, что фронтовые письма – это средство общения людей, разделённых войной на фронт и тыл, и задача потомков сохранить эти письма

не только как военную реликвию, но и важный исторический источник о судьбе земляка, защитившего Родину ценой собственной жизни.

Благодаря значительной работе, проделанной составителями сборника архивных документов – воспоминаний и писем забайкальцев, читателям представилась возможность познакомиться с реальными судьбами земляков, оживить историю советских людей в военное время. О совместной творческой работе Татьяна Андреевна говорила: «Без хорошей и профессиональной команды работать в архиве невозможно». Т. П. Казакова, И. В. Куриленко и другие архивисты – замечательные коллеги, каждый из которых искренне предан нашему делу и любит нашу малую родину.

В 2010 г. к 65-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне совместно с сотрудниками Читинской телерадиокомпании Т. А. Константинова создала документальные телефильмы о судьбах земляков – участников войны на основе воспоминаний и писем с фронта из фондов Государственного архива Забайкальского края. Сотрудники архива, не только собирая и сохраняя документы, но и предоставляя возможности использования архивных фондов для публикации сборников и выпуска телевизионных фильмов, вносят вклад в сохранение исторической памяти. Зрители, просматривая эти документальные фильмы, навсегда сохраняют увиденное в своей памяти. Татьяна Андреевна выражала уверенность, что изданные документы личного происхождения позволяют историкам, краеведам и преподавателям использовать их для изучения повседневности фронтовых будней, чувств и настроений забайкальцев, выполняющих свой воинский долг перед Родиной, отчим домом, родными и близкими.

Список литературы

1. Воспоминания, письма, документы участников Великой Отечественной: документы и материалы / сост. Т. П. Казакова, И. В. Куриленко; ред. Т. А. Константинова. Чита: Экспресс-изд-во, 2010. 160 с.
2. Константинова Т. А., Куриленко И. В. Воспоминания участников Великой Отечественной войны в документах Забайкальского краевого архива // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. 2. С. 82–85. EDN: UCYOLN
3. Константинова Т. А. «Через мои руки прошла не одна тысяча раненых». Текст: электронный // Воспоминания А. Н. Шулятьевой. URL: <https://baikal24.ru/text/18-03-2010/cherez/> (дата обращения: 30.09.2025).
4. Читинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2005. 660 с.

Сведения об авторе

Васильева Т. Г. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, tvzabspu@yandex.ru

Фронтовые треугольники (по письмам, воспоминаниям и документам Нерчинского краеведческого музея)

Евгения Павловна Легун

Нерчинский краеведческий музей, г. Нерчинск, Россия
mbuknkm@mail.ru

Фронтовое письмо – это ценнейший документ с информацией о судьбе бойца не только в семейном архиве, но и в фондах краеведческого музея. В статье анализируются документы участников Великой Отечественной войны, которые хранятся в Нерчинском краеведческом музее: подлинные письма В. С. Голобокова и братьев Сафоновых, воспоминания С. В. Сабирова и дневник А. А. Бусарова.

Ключевые слова: письма, военная цензура, теплушка, эвакуационная, дневник

В фондах Нерчинского краеведческого музея хранятся подлинные письма, воспоминания и дневники участников Великой Отечественной войны – это бесценные документы, которые позволяют окунуться в прошлое и не имеют срока давности. Чужие письма читать неприлично, но письма с фронта просто необходимо читать и перечитывать. Порой только письмо да фотокарточка – это всё, что оставалось от родного и дорогого сердцу человека.

Молодым, здоровым и красивым запомнилась маленькая сестричка Тамара своего брата, которого весной 1942 г. вместе с другими призывниками из села Шивки Нерчинского района на полуторке от Сельсовета увозили на фронт в неизвестность [1]. Черенцова Тамара Сосипатровна проживала в Сретенском районе и в 2011 г. передала в наш музей на вечное хранение письма брата, письмо командира части и фотокопию. Письма Голобокова Василия наполнены теплом и заботой о родных. В письме от 15 февраля 1944 г. он сообщал родным, что жив и здоров, был ранен, лежал в госпитале. Дома получили несколько писем от Василия Голобокова. 2 сентября 1944 г. родные получили письмо от командира части: «Уважаемый, Сосипатр Сергеевич. В дополнение к высланным документам, Вашего сына, героически погибшего в боях с немецкими захватчиками 20 августа 44 г. у границы разбойничьего государства – Восточной Пруссии. Извещение и другие документы Вам будут вручены отдельно через военкомат. За погибших друзей отомстим! Враг будет разбит и уничтожен!..» [3]. В конце своего письма Тамара Сосипатровна приписала: «И чтобы молодёжь смотрели на это фото, какие мальчишки героически погибали, защищая свою Родину». Голобоков Василий Сосипатрович погиб 20.08.1944 г. Литовская ССР, Каунасский уезд, Шакинский р-н, вблизи деревни М. Сынтоты.

В 2005 г. в Нерчинский краеведческий музей Сафоновой Татьяной Николаевной были сданы на хранение письма и извещение братьев-фронтовиков. В своём сопроводительном письме Татьяна Николаевна рассказала, что их семья до войны проживала в Могоче, старшая сестра вышла замуж и жила в с. Бишигино Нерчинского района. О брате Александре Николаевиче Сафонове (1919–1942) она сообщила, что в 1941 г. должен вернуться со службы домой, но из Биробиджана воинская часть была направлена прямо на фронт. Младший лейтенант Александр Сафонов был назначен в разведроту. Писал письма домой [4]. Девять писем, адресованных старшей сестре Ксанне Николаевне от брата, начинались все одинаково: «Добрый день, здравствуйте дорогая сестра Ксанна, а также ваши уважаемые родители Коли, Папаша, Мамаша и малый Вася. Во-первых, разрешите передать вам свой привет и одновременно сообщить вам о своей жизни... нахожусь здоров, чего и вам желаю». По пути следования их поезд шёл мимо станции Приисковая. Александр заблаговременно известил сестру, но повидаться им не пришлось – поезд не остановился. Поэтому Александр чувствовал неудобство перед сестрой, о чём сообщал в первом письме. Зато радостно сообщил: «...мамаша, папаша хорошо угадали, говорил с ними минут сорок». Посчастливилось им повстречаться на станции Могоча. Из писем Александра стало известно, что ехал он через Москву, и даже удалось проехать на трамвае. Проходил курсы в городе Вышний Волочек. Молодой лейтенант знал, что письма проверяет военная цензура, поэтому сообщения были сдержанные, в основном о погоде. А родные были рады любой весточке, получили письмо – значит, жив.

Сафонов сообщал: «Гитлеровцев приходится видеть почти каждый день. Погода

очень плохая, но ничто не может остановить и ослабить дух наших воинов. Враг получает по заслугам». Или строки из другого письма: «Вы знаете, как бы я хотел увидеть вас, иногда вспомнишь и разочаруешься. Только тогда приходится забывать, когда пули свистят над головой, это часто бывает. С фашистами приходится видаться, на 50 или даже на 25 м. Фашистам скоро отомстим за прошлое и настоящее. Вы должны понять по адресу, какая у меня специальность» [5]. Если в первых письмах Александр подписывался «С боевым приветом к вам, всем известный Сафонов Александр Николаевич», то в последних письмах к старшей сестре чувствуется, как он скучает по родным, он обращался с просьбами выслать бумагу и фото, и стал подписываться «Ваш братишка Шурик». Из сообщения сестры стало известно, что последнее письмо было на маленьком треугольнике. Он писал: «...мы попали в окружение, силы неравные, если не удастся нам вырваться, обо мне не скучайте. Мы будем драться до последнего патрона. После этого пришло извещение (похоронка). Младший лейтенант Сафонов Александр Николаевич погиб 06.09.1942, Ленинградская обл., Лычковский р-н, с. Язвищи, южнее, 500 м, выс. 167,6, Похоронен на дивизионном кладбище, могила № 200.

Татьяна Николаевна написала также воспоминания о брате Никифоре Николаевиче Сафонове (1923–1942), который в июне 1942 года после последнего экзамена в школе получил повестку из военкомата. Лейтенант Сафонов воевал на Калининском фронте, в конце декабря 1942 г. пропал без вести [6].

В деле «Купцы Колобовниковы» из фондов Нерчинского краеведческого музея хранятся письма с фронта их правнука Бусарова Александра Александровича, которые он писал родным: жене и детям [7]. Каждая строчка его писем пропитана любовью и заботой к родным. Бусаров Александр Александрович – педагог по образованию, ветеран войны, политрук 1111-го Пушечного Артиллерийского полка Резерва Главного командования 64 Армии прошёл с боями от Сталинграда до Европы. В боевых условиях находил время вести дневник боевого пути полка. Этот дневник был издан путём машинописи в 1987 г. после смерти Бусарова друзьями-фронтовиками. А передала его в музей его дочь Эльвира Александров-

на Рунько, которая проживала там же, «где болел её отец с бандитами, а теперь почитают его главаря». Дневник о Сталинградской битве с 12 марта 1942 г. по 2 февраля 1943 г. рассказывает о трёх периодах времени: формирование полка и отъезд на фронт; вступление в бой с немцами и участие в оборонительной операции; участие в контрнаступлении, окружении немецких войск и разгром их в «котле». Дневник не проходил военную цензуру, поэтому в нём вся правда о войне. Описано, как обнаружили первые дезертиры в полку, как три дня не подвозили горячую пищу, как ввели приказ № 227, прозванный в народе «ни шагу назад», как возобновили выдачу водки в ноябре 1942 г. в период оборонительных боёв под Сталинградом и др. Читая дневник, чувствуешь человеколюбие, несмотря на все ужасы войны. Педагог в условиях войны стал и политологом, и психологом для бойцов, ведь от умелых командиров и политруков зависел моральный дух и психологический настрой бойцов [2].

В годы Великой Отечественной войны в городе Нерчинске был создан эвакуационный госпиталь, в который поступали раненые с разных уголков страны. Среди них был молоденький рядовой ВДВ Сабиров Саяр Вафинович, который через сорок лет написал письмо в Нерчинский Райком партии с просьбой прислать ему фото госпиталя. Письмо пролежало 26 лет и случайно попало в руки научного сотрудника музея. К обоюдной радости фронтовика удалось разыскать. Завязалась переписка. Письмо из Нерчинска так воодушевило старого солдата, что он стал писать воспоминания о жизни в госпитале, о медицинских работниках и жителях Нерчинска, отмечая доброту и сердечность сибиряков [8]. Два года переписки. Большие подробные письма Саяра Вафиновича дали информацию об этом лечебном учреждении и стали основанием для музейного ролика «Нерчинский Эвакогоспиталь 1478».

Письма – это единственная связующая нить между военным и гражданским населением. Их с нетерпением ждали. Письмо с фронта придавало сил и надежду. Письма из дома согревали сердце бойца, поднимали боевой дух, давали силы. Документы эпистолярного жанра (письма, воспоминания, дневники) – это часть нашей Российской истории, которая объединяет людей, делает сильнее, подпитывает дух русского народа.

Список литературы

1. Легун Е. П. Привет с фронта // Нерчинская звезда. 2011. 6 мая. № 34.
2. Легун Е. П. Боевой путь забайкальца Бусарова // Нерчинская звезда. 2011. 21 июня. № 40.
3. НКМ (Нерчинский краеведческий музей). Ф-П. О-31. П-57. ВСП-1345.
4. НКМ. Ф-П. О-3. П-61.

5. НКМ. Ф-П. О-1. П-61. ВСП–1360/1-9.
6. НКМ. Ф-П. О-1. П-61. ВСП–1361.
7. НКМ. Ф-П. О-1. П-276. ВСП–1349/13.
8. НКМ. Ф-П. О-1. П-61.

Сведения об авторе

Легун Е. П. – младший научный сотрудник, Нерчинский краеведческий музей, г. Нерчинск, Россия, mbuknkm@mail.ru

УДК [94 + 631] (571.54)

**Техническое состояние колхозов Балейского района
в годы Великой Отечественной войны
по воспоминаниям сельских тружеников**

Иван Александрович Бузов

Читинский педагогический колледж, г. Чита, Россия
vanechka_buzov@mail.ru

На основе источников личного происхождения и архивных документов в статье рассматриваются особенности решения вопросов оснащённости колхозов техникой в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания сельских тружеников Балейского района Читинской области детально раскрывают факты о занятости, подготовке кадров, работе колхозов над выполнением государственных заданий снабжения фронта.

Ключевые слова: колхозы, тыл, техника, трактора, машины, сельскохозяйственный инвентарь, ремонт, труженики, экономия топлива

Годы Великой Отечественной войны оставили много воспоминаний о труде и жизни в глубоком тылу. Это были люди, закалённые трудом, верой в себя, героический дух советского воина и в скорую Победу над врагом. В настоящее время из них практически не осталось никого. Старики, женщины, дети войны вместе с историей уходят в прошлое, но оставляют для потомков бесценную память о героическом подвиге далёкого забайкальского тыла.

Со всех колхозов района мужчины уходили на фронт. Женщины, сменив мужей и сыновей, сами организовывали труд, работали без выходных и праздничных дней, сутками не покидали своих рабочих мест. В хозяйствах района имелся довоенный инвентарь: изношенные трактора, автомашины, двигатели, молотилки, сеялки, сенокосилки, плуги, бороны, веялки, конные повозки и телеги. Их численность к 1941 г. составила 20–25 %. В каждом колхозе находилось много неисправных тракторов. Однако большинство из них оставалось на ходу, новая техника отсутствовала. Большая часть находилась в неотрегулированном состоянии. С началом войны Балейский районный комитет ВКП(б) принудительно изъёмл у колхозов технику, состоящую на военном учёте. В сжатые сроки из Балейского района отправили трактора и другую технику из колхозов на погрузку железнодорожной станции Приисковая (Нерчинский район) в «Фонд обороны Крас-

ной Армии» [11, с. 10]. Об отправке колхозной техники и лошадей на фронт летом 1941 года вспоминал старейший житель с. Ундино-Поселье, труженик тыла А. Коротков [6].

В первые месяцы войны возникла острая нехватка рабочих рук по многим техническим специальностям. Ставился вопрос о необходимости обучения, подготовки кадров. Из колхоза имени К. Е. Ворошилова (с. Матусово) А. Е. Баранова вспоминала о курсах подготовки трактористок и специалистов по ремонту сенокосилок [2]. Сельские жители отправлялись учиться на трактористов в Ундино-Посельскую машинно-тракторную станцию (МТС). Матусовские девушки ходили пешком за 9 километров, обучение продолжалось около 3 месяцев и казалось им вечностью. После окончания учёбы в селе Ундино-Поселье организовалась первая женская бригада трактористок, затем стали появляться бригады и в других колхозах. В 1939–1942 гг. только Ундино-Посельская МТС подготовила около 80 трактористок. В колхозе имени К. Е. Ворошилова (с. Матусово) во время войны на тракторах работали Анастасия Егоровна Баранова, Степанида Петровна Бузова, Евдокия Петровна Лапшакова. Тех, кто не смог учиться на курсах, ставили работать прицепщиками [11, с. 10]. Жительница села Гробоно, труженица колхоза Евдокия Абрамцева рассказывала о работе на колхозных полях детей, девушек и женщин [1].

Проблема обслуживания и ремонта техники – самая сложная среди хозяйств военного времени. К 1941 г. колхозы района смогли только на 10–15 % в полной мере обеспечивать ремонт старого изношенного сельскохозяйственного инвентаря. В 1942 г. в колхозах Балецкого района к началу сева плуги, бороны и сеялки не были подготовлены к работе. Труженики колхоза имени В. И. Ленина (с. Колобово) в разгар сева спешили отремонтировать телеги, чинили и подгоняли конские сбруи, собирали тары для перевозки зерна. Всё это отразилось на сроках проведения весеннего сева, который растянулся на 60 дней. Балецкий райком ВКП(б) принял решение: наказать правление колхоза и лично председателя товарища Попова, который был снят с должности. В подобных случаях при разбирательстве отсутствовала вина руководителей и ответственных [5, л. 76]. Особо серьёзным перед тружениками стало решение вопроса с ремонтом в зимний период. Труженица тыла, трактористка с. Матусово С. П. Бузова вспоминала, что руки стыли на ветру, когда ремонтировали зимой трактора [3]. Только ко второй половине 1943 г. удалось разрешить проблему поставок в колхозы района из области сельскохозяйственного инвентаря (бывшего в употреблении), а также уже использованных запчастей к тракторам, машинам и механизмам.

Тяжёлым обстоятельством в выполнении госплана. Успех выполнения сельхоз работ в 1941–1943 гг. зависел от состояния техники и инвентаря, тщательного проведения осмотров и ремонта. Правление колхозов это понимало, но в 1941 г. «боялось требовать» с района помощи. Партийные власти вели скорее «обратное». В 1943 г. перед колхозами Балецкий райком ВКП(б) поставил задачу «недопущения повторения халатной практики в условиях войны». Колхозники учли это обстоятельство. Мало хозяйств смогли увеличить объём механизированной обработки полей средствами МТС, другие – за счёт увеличения использования на весенне-летних полевых работах животного тягла и простейших сельскохозяйственных машин. Третьи – подобными успехами не располагали вовсе. В колхозе имени С. М. Будённого (с. Сарбактуй) «подобное упущение привело к большому невыполнению плана обработки паров и подъёма зяби в течение лета 1942 года». Оштрафовали председателя колхоза имени С. М. Журавлёва (с. Журавлёво) товарища Лескова «за отсутствие запчастей по ремонту конных плугов и борон».

Поэтому между хозяйствами часто использовалась практика обмена техникой и сельхоз инвентарём. Соседствующие колхозы вынуж-

денно обменивались инвентарём и агрегатами «на собственный страх и риск», однако такое «самоуправство» зачастую пресекалось Балецким райкомом. Техники не хватало у слабых хозяйств. Так, упомянутый выше колхоз имени С. М. Будённого во время посевной кампании 1942 г. использовал «по арендной описи» конные плуги, культиваторы, бороны и сеялки колхоза имени К. Е. Ворошилова. Передача техники практиковалась между многими колхозами, находящимися «по соседству» [5, л. 76]. Труженица села Ново-Ивановск А. Н. Веселкова вспоминала о жёстком контроле использования сельхоз машин, обмена инвентарём и техникой между хозяйствами, как «ремонтировали и пользовались техникой, сельхоз машинами. Куда мы отправляем их, как содержим. Бережно ли относимся» [4].

Особое внимание удалось уделить созданию ремонтных бригад. К 1944 г. только шесть колхозов района создали бригады разных специальностей по 10–12 чел. В колхозы сёл Ложниково (по р. Унда), Буторино, Подойницыно, Нижний Кокуй направлялись сборные бригады рабочих – ремонтников. Общими усилиями к весне 1945 г. в колхозах района отремонтировали и ввели в строй 120 плугов, 357 борон, 39 косилок и 80 сеялок. Однако большинство колхозов не производили ремонта вовремя. Плуги, бороны, сеялки, тракторные и конные телеги колхоза «Красная Заря» (с. Подойницыно) требовали осмотра и текущего ремонта. С осени 1942 г. они простаивали у кузниц под снегом и ждали своей очереди на ремонт. В колхозе «Новый путь» (с. Буторино) отсутствовали ремонтные бригады. В нём работало всего 2 кузнеца, которых в 1943 г. обвинили в том, что они «продали за алкоголь тракторные запчасти в соседние хозяйства». В других колхозах возникали случаи «продажи» или «обмена запасных частей на продовольствие» [5, л. 76].

Большую роль в ремонте инвентаря оказала Бочкарёвская МТС, от которой активно трудились две женские тракторные бригады под руководством К. А. Щербаковой и А. Матафоновой. Под руководством женщин «машины и сельхоз инвентарь пять раз успешно прошли технический уход и в течение посевных кампаний работали исправно». Благодаря бережному отношению к технике и инвентарю бригадиров колхозных отрядов К. Щербаковой и А. Матафоновой многие колхозы «достигли успехов в выполнении аграрных планов» [7, с. 4].

Особую остроту приобрела борьба за режим экономии топлива. В 1942 г. управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) опубликовало письмо «О развёртывании массово-полити-

ческой работы в связи с проведением режима экономии». Бaleyский райком ВКП(б) организовал обсуждение письма на партийных и профсоюзных собраниях по колхозам, в которых участвовали главы предприятий, ставя вопрос «о важности и путях проведения режима экономии». Райком партии проводил встречи с агитаторами под девизом: «Режим экономии – закон военного времени». Во всех колхозах по конторам и клубам появились плакаты с призывом к экономии средств, материалов, топлива, рациональном использовании рабочего времени. Каждому хозяйству райком направил плановую памятку-постановление «О жёсткой экономии горючего при выполнении полевых и иных работ» [8, л. 78].

О проблемах жёсткой экономии топлива, простаивании техники Варвара Ивановна Петрова из колхоза «Новый путь» (село Буторино) вспоминала, что из-за экономии топлива приходилось выполнять тяжелую работу только физическим трудом на полях во время уборки урожая [10]. Все колхозы включались в систему экономии и сбережения топлива, создавался контроль за правильным расходованием средств и горючих материалов. В результате большого нажима Бaleyского райкома на хозяйства уже в первые месяцы 1942 г. сложился «определённый эффект экономии». Однако колхозники стали против такого решения. К концу ноября 1942 г. районный комитет ВКП(б) стал чаще проверять колхозы на «режим экономии», что вызывало среди трудящихся колхозов масштабные протесты [Там же]. Бaleyский

райком ВКП(б) систематически контролировал ход «всенародного движения за экономию средств и материалов», жёстко и строго требовал с председателей колхозов, если они недооценивали государственного значения этой проблемы. Во всех колхозах возникла проблема с расходом топлива. Из воспоминаний тружеников колхоза «Красная Заря» (с. Подойничино): «дефицитное сырьё становилось ещё более дефицитным» [9, л. 58].

С сентября 1942 г. колхозы регулярно обсуждали вопрос «О самостоятельной экономии топлива и неиспользовании местных ресурсов», однако большинство председателей выступало против утвердительного решения проблемы. К весне 1943 г. техника 70 % колхозов ввиду «жёсткой экономии» стала простаивать чаще. К 1945 г. общая недостача составляла 21 тыс. руб., несмотря на строгий учёт горючего и горюче-смазочных материалов (ГСМ) в колхозах [8, л. 78]. Согласно статистическим данным Бaleyского района, женщины составляли до 75 % работников сельского хозяйства, 55 % механизаторов и работниц МТС, 80 % трактористок [Там же].

Таким образом, несмотря на все трудности и тяжелейшие условия в годы Великой Отечественной войны, труженики сельского хозяйства Бaleyского района ударными темпами внесли свой посильный вклад в оказание помощи фронту и государству. Труженики колхозов поддерживали жёсткие, но крайне необходимые условия организации труда военного времени.

Список литературы

1. Абрамцева Е. Воспоминания жительницы с. Гробоно от 4.08.2015 // Архив автора.
2. Баранова А. Е. Воспоминания жительницы с. Матусово от 14.06.1992 // Архив автора.
3. Бузова С. П. Воспоминания жительницы с. Матусово от 9.05.1996 // Архив автора.
4. Веселкова А. Н. Воспоминания жительницы с. Ново-Ивановск от 17.08.2013 // Архив автора.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-2140. Оп. 1. Д. 5.
6. Коротков А. Воспоминания жителя с. Ундино-Поселье от 1.07.2011 // Архив автора.
7. Лаптев Н., Смагин Д. Бочкарёвская МТС. В отряде Капитолины Щербаковой // Забайкальский рабочий. 1942. 1 мая. С. 4.
8. Муниципальный архив Бaleyского района. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 6.
9. Муниципальный архив Бaleyского района. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 10.
10. Петрова В. И. Воспоминания жительницы с. Буторино от 4.08.2008 // Архив автора.
11. Рязанцев М. Труженицы Бaleyского тыла // Земля. 2011. 14 авг. С. 10.

Сведения об авторе

Бузов И. А. – преподаватель истории и обществознания, Читинский педагогический колледж, г. Чита, Россия, vanechka_buzov@mail.ru

РАЗДЕЛ 6

Культура, наука и просвещение

УДК 94 (571.5)

Поваренная история декабристов: два столетия спустя

Лариса Вадимовна Храмова

Краевед, независимый исследователь, г. Чита, Россия
dekabr.museum@mail.ru

В данной статье рассмотрены документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Забайкальского края. Малоизвестные архивные документы позволили дополнить краеведческим материалом книгу «И опыт прошлого как дар бесценный: кулинарные традиции от декабристов до...». Чита стала местом опальных декабристов два столетия назад в самый сложный начальный трёхлетний период пребывания их в Сибири.

Ключевые слова: 200-летие со дня восстания декабристов, питание узников в Читинском остроге, декабристы, Д. И. Завалишин, семья горного начальника С. И. Смольянинова, исследователь Т. А. Константинова

2025 год был отмечен многими календарными датами разной степени исторической значимости, и в их числе – 200-летие со дня восстания декабристов. В масштабах страны, вероятно, она не будет столь широко отмечена, как прежде, но для забайкальцев дата эта остаётся незабываемой. Город Чита, а ранее Читинский острог, первая встречала опальных декабристов два столетия назад, став для них приютом на самый сложный начальный трёхлетний период пребывания в Сибири.

Так совпало, что 2025 год стал юбилейным и для культового фильма Мотыля «Звезда пленительного счастья»: за 50 лет он не исчез с экранов благодаря таланту режиссёра, погружившего зрителя в удивительную эпоху, в которой жили, страдали, любили не менее удивительные люди. Поздравительная телеграмма от знаменитого создателя фильма по случаю одного из юбилеев Музея декабристов г. Читы бережно хранится его сотрудниками.

В связи с исторической датой – 200-летием событий на Сенатской площади в Петербурге – Забайкальский Краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова разработал проект воссоздания рукописной копии так называемой «Поваренной книги декабристов», оригинал которой вышел в свет в Москве в 1818 году. Этот арт-объект 200-летней давности хранится в запасниках музея более столетия, постепен-

но «обрастая» множеством легенд, главная из которых связывает его создание с жёнами государственных преступников, последовавшими за своими избранниками к месту их 30-ти летнего периода каторги и ссылки.

Документально не выверенная версия благополучно прижилась в Интернете, вызвав не только интерес к экспонату, но и ряд претензий со стороны специалистов – рестораторов, обвинивших музей в сокрытии такого интересного источника информации. Предполагалось в короткий срок не только подтвердить либо опровергнуть основную версию, но и популярно рассказать читателю о кулинарных традициях сибиряков первой половины 19-го столетия, проблемах питания самих декабристов, и всё это каким-то образом привязать к рецептам прошлого, собранным в этой поваренной книге. О каких-то кулинарных традициях, сложившихся в период пребывания декабристов на каторге и в ссылке, говорить, конечно, не приходится.

На архив в данном случае рассчитывать было нереально, учитывая своеобразие темы и сроки её разработки, поэтому пришлось обратиться к личным архивным записям прежних лет в надежде найти что – либо подходящее. И вот среди тетрадей обнаружилась одна с подписью – «От Татьяны Андреевны»: речь шла о деле из фонда Ф-31

(Нерчинское горное правление) [1]. В своё время, в декабре 2014 г., Т. А. Константинова, после завершения работы с означенным делом предложила посмотреть его автору этих строк, в тот период работавшему над переизданием книги по истории Михайло-Архангельской церкви (Церкви декабристов). Дело было просмотрено, многое взято на заметку, хотя в книге данный материал не был использован. И вот спустя 10 лет два документа из этого дела совершенно неожиданно стали своеобразным зачином для вновь создаваемой книги по поваренному искусству и кулинарным традициям первой половины 19-го столетия.

«Условия для маркитанта в Читинском остроге» (март 1827 г.) и «Правила к наблюдению» [Там же] за тот же период – так назывались эти документы, вполне соответствующие не только временному периоду, совпавшему с прибытием декабристов в острог, но и самой темой, касающейся питания узников. Условия поставки провианта для узников в Чите оговаривал комиссионер Смольянинов с «верхнеудинским купецким сыном Степаном Лосьевым». Документ довольно большой, поэтому приводится выборочно: особый интерес представляет ассортимент поставляемой продукции и цены на неё. По правилам закупки от заколотого скота требовалось «принять всё, в том числе и мелочи, и сало, а что останется, то можно продать на сторону». Цена же в Чите постановлялась следующая:

1. Мясо свежее всё вообще по 3 руб. за пуд.
2. Сало нетопленое, без примеси иных сторонних частей – 7 руб.
3. Голова без ушей, губ, языков – 45 коп. пуд.
4. Брюшина – 35 коп.
5. Языки – 20 коп., осердьё – 75 коп.
6. Сычуги с почками – 25 коп.
7. Студени, т. е. ноги, губы, уши – 35 коп. за пуд.

Второй документ – «Правила к наблюдению» – предусматривал «чтоб маркитант был здоров. Чтоб при колотье было чисто и чтоб сало или жир брались из приличных токмо для того мест». Маркитанту разрешалось поставлять и другие продукты, как то: «масло коровье, хорошей доброты – 16 руб. за пуд; рыбы сухой – 3, 50 за пуд; омулей солёных, хорошей доброты, с бочками, каждую тысячу на перече́т или по верным нарезкам – по 118 руб.; мясо баранье, хорошей доброты во всякое время года, мяготь по – 3 руб., сало по 8 руб.» [Там же, л. 616–619].

В итоге, оба приведённых документа позволили создать целую сюжетную линию в кни-

ге. Вопросы колебания цен в разные временные периоды, а также в зависимости от мест проживания декабристов нашли отражение в их обширном эпистолярном наследии. Особенно это становилось важным при выходе на поселение, так как разрывался прежний тесный круг общения, а многие их поселенцев не были в достаточной мере обеспеченными людьми, и на казённое, хотя и довольно скудное питание, теперь рассчитывать не приходилось.

Следующий документ, введённый в создаваемую книгу, также в своё время оказался в деле, которое разрабатывала Татьяна Андреевна, исследуя историю Петровского завода. Касался он винных откупов, которыми, в силу сложившихся обстоятельств, пришлось заниматься некоторым из декабристов, чтобы как – то прокормить себя или имеющуюся семью. Обнаруженный документ сотрудниками музея прежде в работе не использовался, но сейчас стал счастливой находкой. Дело в том, что пятый раздел «поваренной книги» посвящён разного рода напиткам, в том числе и алкогольным, и документ оказался весьма кстати. В нём подробно оговаривались «Условия для содержания питейных сборов» [2, л. 38–69], разработанные специально для Сибирских губерний на 1839–1850 гг. Особые требования к качеству и хранению спиртных напитков предъявлялись к откупщикам. И вновь архивный документ стал основополагающим в развитии целой сюжетной линии в книге, позволив пополнить её краеведческим материалом. С произволом откупщиков пришлось столкнуться Д. И. Завалишину; по питейным откупам служили И. В. Киреев и А. И. Тютчев; поставками вина по Восточной Сибири занимались В. Ф. Раевский и В. А. Бечаснов. Собственную систему неприятия государственной политики откупов выдвинул Пётр Муханов. Известно также, что вступивший на престол Николай I, желая после подавления восстания декабристов сделать примирительный жест в отношении дворянства, сразу же, с января 1826 г., восстановил частично откупную систему, а с 1828 г. полностью отменил государственную монополию на водку.

С учётом сказанного можно утверждать, что «поваренная история» пополнилась ценными документальными свидетельствами краеведческого характера. А новая версия, согласно которой авторами рукописной копии являются не жёны декабристов, а члены семьи горного начальника С. И. Смольянинова, разрешила спор в загадке двух столетий. Именно горный начальник Семён Иванович Смольянинов, упоминавшийся в документе об условиях закупки продукции для государственных пре-

ступников как комиссионер, стал впоследствии тестем декабриста Д. И. Завалишина. Одна из его дочерей, Аполлиния, будущая супруга Дмитрия Иринарховича, обладая самым аккуратным почерком, в основном, и занималась этим трудоёмким делом по переписыванию оригинала издания 1818 г. Современный ва-

риант «Поваренной книги» под названием «И опыт прошлого как дар бесценный...» действительно увидел свет, будучи отпечатанным в одной из типографий Новосибирска в 2025 г. [3]. Таким образом, благодаря научному сотрудничеству исследователей, архивный поиск привёл к положительным результатам.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 867.
2. ГАЗК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 139.
3. Храмова Л. В. И опыт прошлого как дар бесценный: кулинарные традиции от декабристов до... Чита; Новосибирск: Деал, 2025. 176 с.

Сведения об авторе

Храмова Л. В. – краевед, независимый исследователь, г. Чита, Россия, dekabr.museum@mail.ru

УДК 94 (47) + 92

Бестужев Михаил Александрович – моряк, писатель, декабрист (к 225-летию со дня рождения)

Людмила Мусалимовна Карчанова

Российский государственный архив

Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург, Россия

zulay.331@mail.ru

В статье на основе документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота показана роль М. А. Бестужева в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., его значительный вклад в культурное и сельскохозяйственное развитие Забайкалья в период поселения в Селенгинске. Сделан акцент на переписку М. А. Бестужева с вице-адмиралом М. Ф. Рейнеке, раскрывающую духовный облик декабриста и его научные интересы.

Ключевые слова: 14 декабря 1825, Сенатская площадь, декабристы, М. А. Бестужев, Н. А. Бестужев, капитан К. П. Торсон, вице-адмирал М. Ф. Рейнеке, ссылка, поселение, Забайкалье, Н. Н. Муравьев-Амурский, манифест 1856 г., амурские сплавы

200 лет назад, 14 декабря 1825 г., в Петербурге на Сенатской площади случилось событие, всколыхнувшее Россию своей безрассудной дерзостью – попыткой государственного переворота. Последствия оказались катастрофические: убитые, раненые, аресты, каторга и ссылка. Одним из наиболее деятельных участников мятежа был морской офицер Михаил Александрович Бестужев – третий из пяти сыновей славной семьи Бестужевых, вовлеченных в горнило этого беспрецедентного восстания.

Бестужев Михаил Александрович родился в Санкт-Петербурге на переломе столетий – в 1800 г. Священник Иоанн Филиппов свидетельствовал о том, что сына статского советника Александра Федосеевича Бестужева – Михаила крестили 22 сентября в Андреевской церкви на Васильевском острове.

Его судьба по военно-морской стезе началась в 1811 г., когда 10-летний «недоросль

из российских дворян греческого исповедания Михайла Александров сын Бестужев» подал прошение о вступлении Морской кадетский корпус. Годом ранее, в 1810 г. в возрасте 49 лет, умер его отец Александр Федосеевич Бестужев – писатель, просветитель-демократ, педагог, «правитель канцелярии по части Екатеринбургской мраморной ломки и приемки цветных камней» [5, л. 1]. Михаил, уже обученный «по-русски читать и писать, и части арифметики», страстно желал стать морским офицером. Его вдохновлял пример старшего брата Николая, который к этому времени уже состоял на флоте в чине подпоручика [8, л. 89]. Хранящийся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) «Послужной список Михаила Бестужева за 1825 г.», по понятной причине, и последний, и короткий, гласит: в 1814 г. произведен в гардемарины, в 1817 г. – в мичманы, а в 1822 г. – в лейтенанты. Он служил в Кронштадте, в Ар-

хангельске, на линейном корабле «Не тронь меня» плавал в французский город Кале. «... Юность и самую поэтическую часть нашей жизни – молодость, мы провели в море... это были самые счастливейшие дни моей юности», – писал он позже бывшему товарищу по морскому корпусу и сослуживцу вице-адмиралу М. Ф. Рейнеке [10, л. 7 об.]. За все непродолжительные годы службы командир кораблей аттестовали его хорошо: «поведения благородного, должность знает, усерден... в отпуску не бывал..., отличить себя случаю не имел» [7, л. 117]. «Случаи» на тот период времени закончились заграничными походами 1813–1814 гг., участвовать в которых Михаил не мог по малолетству.

В «Северное общество» Бестужева вовлек в 1824 г. капитан Константин Петрович Торсон, вместе с которым он работал по усовершенствованию строящегося линкора «Эмгейтен» и с ним же готовил проект экспедиции на Северный полюс.

Накануне восстания, в 1825 г., он перешёл на службу поручиком в 3-ю роту лейб-гвардии Московского полка. Получил звание штабс-капитана. Солдаты уважали и безоговорочно доверяли своему командиру (в роте отменил телесные наказания). Из Донесения следственной комиссии, представленного 30 мая 1826 г. императору Николаю I, явствует, что «возмущение» началось как раз с Московского полка. И большую активность здесь проявил штабс-капитан Михаил Бестужев. Наряду с братом Александром, князем Щепиным-Ростовским и еще двумя офицерами, они ходили по 2-й, 3-й, 5-й и 6-й ротам, «стараясь ослепить» рядовых, уговаривали их не присягать Николаю Павловичу: «... всё обман, нас заставляют присягать, а Константин Павлович не отказывался; он в цепях...» [9, л. 37 об.]. Лгали! Михаил Бестужев взывал к солдатам: «Царь Константин любит наш полк и прибавит вам жалованья: кто не останется верен ему, того колите», – и приказал им брать боевые патроны и заряжать ружья. Ему удалось вывести свою роту на Сенатскую площадь. Восстание потерпело крах. Но Михаил Александрович для захвата Петропавловской крепости ещё пытался собрать своих солдат на замерзшей Неве, лёд которой крушили пушечные ядра. Солдаты тонули, проваливались в ледяные полыньи. Как провалился и государственный переворот.

Начались аресты. Петербургская полиция быстро раскрыла, что братья: капитан-лейтенант Николай Бестужев и штабс-капитан Московского полка Михаил Бестужев скрываются в Кронштадте. Об этом сообщил 16 декабря начальник Морского штаба, ви-

це-адмирал А. В. фон Моллер главному командиру Кронштадтского порта вице-адмиралу Ф. В. фон Моллеру. Он просил о том, чтобы были употреблены самые деятельные и строгие меры к их поимке, «укрывающихся, вероятно, под чужими именами, в не принадлежащем, а может быть и в женском платье», добавив при этом, что «... первый имеет там любовницу» [3, л. 3]. Раскрыть местонахождение братьев Бестужевых петербургской полиции не стоило больших усилий, ибо «родная мать Бестужевых объявила, что они, т. е. капитан-лейтенант и штабс-капитан отправились в Кронштадт в 7 часу вечера третьего дня» [Там же, л. 2]. Каким же ужасом и растерянностью была охвачена их бедная мать, Прасковья Михайловна, что, стремясь помочь своим любимым сыновьям сказала, где они скрываются. Из документов того же дня – 16 декабря 1825 г., узнаём, что «прислан от Государя императора к начальнику морского штаба нарочный штаб-офицер с уведомлением, что штабс-капитан Бестужев... явился» [Там же]. Так повествует документ. Хотя принято считать, что его арестовали в тот же день, 14 декабря, прямо на Сенатской площади. Через несколько дней Бестужева, как и брата Николая, заключили в одиночные камеры Петропавловской крепости, затем перевели в Шлиссельбургскую крепость. Находясь в крепости, он разработал стенную азбуку – особый способ алфавитного перестукивания по стене между заключёнными декабристами. Изобретенная им тюремная азбука впоследствии использовалась политическими заключёнными до самой революции.

Верховный уголовный суд постановил, что «штабс-капитан Михайло Бестужев принадлежал к тайному обществу с знанием цели оного; лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и привел на площадь роту» [2, л. 15]. Суд, согласно II разряду по степени тяжести вины, вынес следующий приговор: «капитан-лейтенанта Николая Бестужева 1-го и штабс-капитана Михаила Бестужева, по лишению чинов и дворянства, сослать вечно в каторжную работу» [Там же, л. 20]. Вечная каторга была сокращена до 13 лет. В сентябре 1827 г. братья Бестужевы Михаил и Николай были отправлены в Сибирь за озеро Байкал и через четыре месяца прибыли в Читинской острог. А через три года, в сентябре 1830 г. декабристы были переведены в Петровский Завод, в специально построенный для государственных преступников каземат. И только в 1839 г. они были обращены на поселение в Селенгинск Иркутской области. На поселении

Михаил Александрович построил дом, занимался овцеводством, написал трактат о буддизме, обучал грамоте и ремеслам детей.

После перевода братьев Бестужевых на поселение, их мать Прасковья Михайловна настойчиво ходатайствовала о разрешения приехать к сыновьям в сибирскую ссылку. К сожалению, высочайшее разрешение было даровано только после ее смерти. И нелёгкое бремя ссылки любимых братьев пожелали разделить три их благородные сестры – Елена, Мария и Ольга. Приехав в 1844 г. в Селенгинск, они жили там с теми же ограничениями, что и «добровольные изгнанницы» – жены государственных преступников.

В РГАВМФ хранится три письма Михаила Александровича Бестужева, адресованные давнему другу вице-адмиралу Михаилу Францевичу Рейнеке – ученому-гидрографу, академику, мореплавателю. Михаил Александрович очень ценил эту переписку с Рейнеке, так как ему крайне дороги были известия «обо всех морях – как о родных, о флоте – как о родине».

К счастью, эти письма довольно пространственные и позволяют многое узнать о жизни Михаила Александровича в Сибири. «Мы с жадностью следили за каждым шагом в области ума и науки. Мы поглощали с ненасытимой жаждой всё, что мир духовный творил; ... я изучил более шести языков; я был попеременно портной, сапожник, переплётчик, слесарь, кузнец, лудильщик, шорник и ювелир. Брат мой избрал часовое мастерство», – писал Михаил Бестужев своему другу [10, л. 14]. Они занимались изобретательством, придумали удобный двухколесный конный экипаж-«сидейку», ставший очень популярным в Забайкалье. Этой лёгкой повозке-двуколке местное население дало название – «бестужевка». «Теперь нет ни одной горной тропы, по которой бы самый бедный бурят не ездил на экипаже, который они называют бестужевкой. Этот же экипаж... до крайности простой и дешевый, во всех городах Забайкалья и даже в притязательном на моды Иркутске – в большом употреблении» – с гордостью писал Михаил Бестужев. Также в письме он представил проект гидравлического парового двигателя, не требующего «щательного надзора», рисунок которого тут же начертил по тексту [Там же, л. 16 об.]. Бестужева очень интересовало современное состояние флота: «К сожалению, следить за успехами его не так-то легко заброшенным за семь тысяч верст на край обитаемого мира. ... мы выписываем «Морской сборник»; прошлый год он присылался исправно. Нынешний год мы не получили ни одного номера. О нашем

флоте мы более узнаем из иностранных газет, но всегда ли им можно доверять».

Коронационный манифест императора Александра II от 26 августа 1856 г. провозгласил «впавшим в преступления» амнистию [6, л. 2, 3]. «Монаршая милость развязала нам руки и ноги; нам возвратили свободу действовать, но это легко сказать, да нелегко сделать. Пути, связывавшие нас слишком тридцать лет, глубоко въелись, и в тело, и в душу нашу» – горестно писал Бестужев [10, л. 14]. Внося большой вклад в развитие Забайкалья, Бестужев, тем не менее, считал себя «лишенным возможности быть существенно полезным обществу», называя годы ссылки – «30-летней летаргической смертью». В эти годы шла героическая Крымская война. Бестужев с жадностью следил за военными событиями на Черном море: «Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский, и в особенности каждый моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед. К сожалению, подобная слава не покупается дешево: Россия потеряла трёх героев, черноморские моряки – трёх славных адмиралов...», – писал он в январе 1856 г. в своём письме к Рейнеке [Там же, л. 7].

Россия стремилась укрепить своё влияние не только на Балканах и в Закавказье, но также и на Дальнем Востоке, где активизировались военные действия англо-французских флотов. Именно в эти годы начал активно осваиваться Амурский бассейн. С 1854 г. под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева было осуществлено пять сплавов войск и казаков по реке Амур, в результате которых доставлялись грузы, ставились русские поселения, казачьи посты и станицы. В историю они вошли, как Амурские сплавы. Решалась важнейшая геополитическая задача не только заселения левого берега Амура, но и установления судоходства по этой величественной дальневосточной реке, соединяющей Восточную Сибирь с Тихим океаном. Михаил Бестужев тоже был вовлечен в такое важное государственное дело по освоению огромных районов Приамурья. 20 декабря 1856 г. Бестужев пишет военному губернатору Забайкальской области М. С. Корсакову с просьбой ходатайствовать о нем перед Н. Н. Муравьевым. Поскольку компания сибирских купцов Серебренникова и Земина взялась доставить казенные грузы в устье Амура и пригласила Бестужева «препроводить этот транспорт... до места назначения; – и потом смотря по обстоятельствам войти в торговые сношения с иностранными державами для заграничной торговли» [1, л. 47]. Эту же

тому он продолжает в письме к Рейнеке: «Компания иркутских купцов, приняв на свою ответственность доставку 150 000 пудов тяжести на устье Амура, предложила мне почётный титул адмирала 60-ти больших барж, для препровождения их в Мариинский и Николаевский посты. По сдаче там грузов они поручили мне отправиться в Америку для того, чтоб купить там речной пароход для плавания по Амуру и ещё одно морское судно для плавания по Тихому океану» [10, л. 13]. Михаила Бестужева огорчало только одно – торговый характер поездки: «Как досадно, что моё плавание чисто коммерческое, и потому время – как капитал чужой – я не имею права тратить на более подробное изучение этой реки и её жителей». Однако, как известно, он всё же вёл подробный амурский дневник с художественным описанием изобилия природы Забайкальской и Амурской областей, где «за солдатскую пуговицу дают по соболю».

Михаил Бестужев дал себе «непременный» зарок: для увековечивания памяти героев Крымской войны посадить по всему течению Амура, на каждой остановке, по несколько семечек севастопольской акации. Это были семена акаций из сада адмирала П. С. Нахимова, присланные ему М. Ф. Рейнеке. «...и когда эта великолепная амурская аллея разрастётся, то грядущее поколение юных моряков, отправляясь Амуром на службу в будущий Севастополь на Тихом океане, будет отдыхать под их сенью; незабвенная слава трех погибших под Севастополем адмиралов навеет на душу их благородную решимость подражания к таким высоким образцам, и они поблагодарят старого моряка, посадившего эти деревья», – поэтически пишет об этом Михаил Александрович [10, л. 15, 15 об.]. Он вообще много писал, и в прозе, и в стихах, только всё его творчество оставалось в рукописях. Какое-то время сотрудничал с газетой «Кяхтинский листок». Все братья-декабристы Бестужевы обладали писательским даром. Очевидно, сказалось влияние их отца Александра Федосеевича, тоже писателя, и та атмосфера в их доме, где собирались композиторы, художники, писатели. Его старший брат Александр, писавший под псевдонимом «Марлинский», вообще был очень популярным литератором того времени. Михаил Александрович оставил о нем свои воспоминания «Детство и юность А. А. Бестужева

(Марлинского). 1797–1818». В 1830 г. – в год юбилея событий на Сенатской площади, Бестужев написал стихотворение со словами: «Пережить нельзя мысли горестной, /Что не мог купить кровью вольности!». Это стихотворение, посвященное Черниговскому полку, было очень популярным среди декабристов в период ссылки.

В составе архивного фонда «Материалы по истории русского флота» в деле «Материалы для биографии чинов флота», хранится короткая биография Михаила Бестужева, написанная к «рисованному портрету», которого в деле... нет! Биографии собирал историк военно-морского флота Н. А. Коргуев, принимавший участие в создании «Русского биографического словаря» под редакцией А. А. Половцева. На документе с биографией Михаила Александровича простым карандашом проставлена строгая резолюция без подписи: «Полагаю, что портрет такой личности вовсе не должен храниться в музее» [4, л. 15]. И портрет изъяли. И через три четверти века после восстания царская цензура считала декабристов нежелательными персонками для увековечивания. Впрочем, на страницах «Русского биографического словаря» статья о Михаиле Бестужеве, написанная библиографом А. Венгеровым, всё-таки нашла своё место.

В сибирской ссылке Михаил Бестужев был женат на сестре казачьего есаула Марии Николаевне Селивановой. В браке родились два сына и две дочери. С 1855 г. началась страшная череда смертей. Не дожив год до Манифеста об амнистии, умер брат Николай. Вслед за потерей любимого брата на Михаила Александровича обрушилось тройное горе: в 1867 г. умерли супруга Мария Николаевна и двое их детей: Елена, 13-ти лет и Николай, 11-ти лет. Всё то, что держало его на поселении, все те «путы», которые «глубоко въелись, и в тело, и в душу» теперь уже не препятствовали к отъезду из Селенгинска. К тому же, с 1862 г. с него был снят запрет на проживание в Москве. И в 1867 г. Михаил Бестужев покинул Сибирь [11, с. 21]. Он умер последним из пяти братьев Бестужевых – в 1871 г. от холеры, свирепствовавшей тогда в Москве. Ненадолго пережили отца и двое младших его детей: в 1873 г. умерла дочь Мария, 13-ти лет, а в 1876 г. – сын Александр, тоже 13-ти лет.

«Старый моряк» – декабрист М. А. Бестужев покоится на Ваганьковском кладбище.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 (общ.). Оп. 1. Д. 229.
2. РГАВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского Флота). Ф. 8. Оп. 3. Д. 303.
3. РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1214.

4. РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 740.
5. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1476.
6. РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5884.
7. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 144.
8. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 163.
9. РГАВМФ. Ф. 935. Оп. 2. Д. 186.
10. РГАВМФ. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 4.
11. Декабристы: Биографический справочник / изд. подг. С. В. Мироненко; под ред. акад. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 450 с.

Сведения об авторе

Карчанова Л. М. – главный специалист, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург, Россия, zulay.331@mail.ru

УДК 070 (571.54)

Материалы к биографии и краткий анализ творческого наследия Александра Андреевича Зензинова-Фучана (1852–1911)

Александр Юрьевич Литвинцев

Нерчинский краеведческий музей, г. Нерчинск, Россия
nerchinec1976@yandex.ru

В статье на основе доступных источников предпринята попытка собрать воедино весьма скудные элементы биографии одного из выдающихся нерчинских и забайкальских журналистов Александра Андреевича Зензинова, публиковавшего свои статьи в 1902–1911 гг. в целом ряде сибирских и дальневосточных газет и журналов под псевдонимом «Фучан». Кроме того, автору удалось выявить и объединить в хронологический список 164 корреспонденции, фельетона и очерка героя повествования, а также дать краткий анализ их тематики и содержания.

Ключевые слова: Зензинов-Фучан, Нерчинск, Забайкалье, журналистика, газета, публицистика, корреспонденция, очерк, фельетон

В истории забайкальской журналистики и публицистики Александр Андреевич Зензинов сыграл короткую, но весьма существенную роль. Его биография, по причине отсутствия архивных источников, совершенно не изучена, и вряд ли сия данность изменится в будущем, поэтому сейчас её можно выстроить лишь на основе косвенных сведений и предположений. К счастью, это не относится к творческому наследию Александра Зензинова, которое довольно обширно и, можно сказать, разнотипно, поскольку представлено несколькими жанрами. В предлагаемом сообщении мы постарались обобщить и кратко проанализировать все имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении материалы.

Родился Александр Зензинов 14 марта 1852 г. в Нерчинске [3, л. 5 об.], в семье вельского, а затем нерчинского 1-й гильдии купца, потомственного почётного гражданина Андрея Андреевича Зензинова (3.07.1816 [2] – до 1894) и его супруги Марии Никитичны, происходившей из рода кяхтинских купцов Сабашниковых (1825–5.03.1898 [10, л. 40]). Он был восьмым из четырнадцати их детей, четверо

из которых умерли в младенческом возрасте. Помимо Александра, наиболее известными из его братьев и сестёр стали Софья Андреевна – первая жена нерчинского купца, заводчика, золотопромышленника и мецената Михаила Дмитриевича Бутина, и Сергей Андреевич – один из первых книготорговцев Владивостока рубежа XIX–XX вв.

Андрей Андреевич Зензинов, в 1830–1870-е гг. один из крупнейших нерчинских купцов, занимал довольно значительное положение в местном обществе: избирался старостой Воскресенского собора и мировым судьёй, был членом нескольких попечительств и областного статистического комитета, занимался благотворительностью, в его доме часто останавливались проезжие именитые гости. Во второй половине 1860-х гг. он предпринял попытку заняться золотодобычей, а в 1873 г. стал соучредителем Благовещенского общественного банка [8]. Старшая сестра его супруги, Марфа Никитична Сабашникова, вышла замуж за селенгинского 1-й гильдии купца Николая Хрисанфовича Кандинского (младшего). Вскоре они перебрались в г. Москву, а в

1860-е гг. Зензиновы гостили у них там, как минимум, один раз, о чём свидетельствуют фотопортреты, сохранившиеся в семейном альбоме Кандинских, где запечатлены Андрей Андреевич, Мария Никитична и их юные сыновья Андрей, Александр и Сергей [7]. Несмотря на то, что в Нерчинске существовало уездное гражданское училище, Андрей Зензинов решил организовать своим детям домашнее образование. По крайней мере, так произошло со старшими его сыновьями Иннокентием и Андреем, которых обучал приехавший в город из Екатеринославля молодой учитель Андрей Гаврилович Савенко [9, л. 63, 63 об.], и, скорее всего, младший Александр пошёл по их стопам. В свободное от учёбы время мальчики помогали вести торговые дела приказчикам и продавцам в отцовской лавке.

К середине 1870-х гг. Андрей Андреевич Зензинов решил покинуть Нерчинск и вместе с семьёй переехал в древнюю столицу России, где записался во временно московские 2-й гильдии купцы [11, л. 182; 12, л. 170]. Туда же, по всей вероятности, уехал и Александр Андреевич, что фиксируется двумя архивными документами, датируемыми 1879 и 1885 гг., где, к сожалению, он фигурирует лишь в статусе потомственного почётного гражданина без указания рода занятий [13, л. 283; 14, л. 69]. Здесь можно предположить, что Александр входил в состав Торгового дома «Братья Зензиновы», организованного его кузенами Николаем и Михаилом – сыновьями его дяди, выдающегося нерчинского краеведа, литератора и естествоиспытателя Михаила Андреевича Зензинова. Также, вполне возможно, что после Москвы Александр Андреевич какое-то время мог жить во Владивостоке, где, как уже упоминалось, имел книжный магазин его младший брат Сергей, и тоже совершенно точно несколько лет проживал старший брат Андрей. Следующее документальное упоминание о Александре Зензинове встречаем 2 июля 1899 г., когда он, уже вновь находясь в Нерчинске, в возрасте 47 лет впервые женился на кяхтинской мещанской девице Евдокии Николаевне Соколовой, которая была младше его на 15 лет [4, 118 об.]. Через год, 15 июля 1900 г. у супругов родилась дочь Нонна [5, л. 64 об.], а 19 сентября 1902 г. ещё одна дочь – Нина [6, л. 109 об.]. Таким образом, в самом конце XIX в. Александр Андреевич навсегда вернулся в родной город, но, несмотря на все наши попытки выяснить его социальный статус и то, на какие средства он содержал семью, сделать это пока не удалось.

Свои первые статьи Александр Зензинов опубликовал в мае 1902 г. в читинской газете

«Забайкалье». Это были довольно объёмные корреспонденции из Нерчинска, в которых автор отражал разные аспекты жизни города. Несколько из них он посвятил нерчинским садам, а наиболее подробно рассказал об истории возникновения и развития усадебного сада Бутиных, а также о состоянии городского сада, отметив, что и тот, и другой очень часто подвергаются вандализму. Примечательно, что, касаясь этой темы, А. А. Зензинов неоднократно приводит примеры садоводства в Японии, и отсюда возникает предположение, что он лично бывал там, равно как мог побывать и в Китае, рассказы о традициях и порядках которого также содержатся в ряде текстов. На эту же мысль наталкивает и выбор Александром Александровичем псевдонима «Фучан», а это, как известно, название одной из провинций Китая, откуда на протяжении XIX в. в Россию завозились лучшие сорта чая. Кроме того, данный факт в определённом отношении подтверждает наши предположения и о том, что до возвращения в Нерчинск Александр Зензинов состоял в Торговом доме «Братья Зензиновы», основой коммерции которого была именно чайная торговля. Из других затронутых им тем стоит отметить вопросы о состоянии нерчинских кладбищ и добыче в Забайкалье каменного угля. В это же время Александр Андреевич осваивает ещё один публицистический жанр – фельетон. Такие короткие рассказы были явно написаны им по мотивам личных наблюдений, а главными их героями чаще всего становились простые люди со своими радостями и горестями.

В 1903 г., помимо «Забайкалья», Александр Зензинов начинает сотрудничать с издававшейся в Кяхте газетой «Байкал». В этот период его корреспонденции в большинстве своём стали похожи на сборники нерчинских новостей, но были и сюжеты, к которым он возвращается вновь и вновь. Например, праздновавшееся в том году 250-летие Нерчинска и, отдельным особняком, тема степных палов и лесных пожаров, которая для нашего региона во все времена была и остаётся актуальной. В 1904 г. Александр Андреевич совершил водное путешествие в Приамурье, по итогам которого опубликовал несколько корреспонденций из Сретенска и Джалинды. В этом и следующем 1905 г. одной из главных его тем становится освещение последствий для Нерчинска Русско-Японской войны: мобилизация, дороговизна всех товаров, экономические проблемы и бедность населения, эвакуация в город Владивостокской гимназии и многое другое. Это были последние годы его сотрудничества

с газетами «Забайкалье» и «Байкал», которые вскоре были закрыты.

Новыми адресатами Александра Зензинова в 1906 г. стали читинская газета «Даурский вестник» и издававшийся во Владивостоке журнал «Природа и люди Дальнего Востока», где он публиковал как новостные корреспонденции, так и фельетоны. Существовали эти издания всего по несколько месяцев, и в условиях ужесточившейся после Революции 1905 г. цензуры, очень быстро исчезли. Та же участь постигла и читинскую газету «Омуль», в которой в 1907 г. Александр Андреевич успел опубликовать заметки о М. Д. Бутине и судебном процессе над своим двоюродным племянником Фёдором Фёдоровичем Зензиновым, обвинённым в причастности к побегу из нерчинской больницы революционера В. К. Курнатовского, а также одну корреспонденцию и небольшой рассказ.

Ярким событием для Нерчинска в 1907 г. стало появление городской газеты «Нерчинский вестник». Сотрудничая с ней, Александр Зензинов развивает опробованный им чуть ранее жанр историко-краеведческих очерков, став, в каком-то смысле продолжателем дела штабс-капитана нерчинской конвойной команды Фёдора Дмитриевича Соседко, служившего в нашем городе в 1902–1904 гг., и опубликовавшего в газете «Забайкалье» большую серию статей, основанных на случайно найденных архивных документах. В своих очерках Александр Андреевич поведал легенду о Стариковых столбах близ деревни Шивки, рассказал о Бутинской музыкальной школе, о древностях Воскресенского собора и старогородской Троицкой церкви, о епископе Иннокентии, краеведах М. А. Зензинове, И. А. Юренском и А. К. Кузнецове, а также о природных достопримечательностях Даурии и её ископаемых богатствах.

«Нерчинский вестник» был закрыт уже в конце 1907 г., а в январе следующего 1908-го ему на смену пришла газета «Нерчинская жизнь», в которой А. А. Зензинов продолжил начатую тему и поведал читателям о приезде в 1820 г. в город сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, о забайкальском журналисте И. В. Багашеве, и о расположенных близ Нерчинска минеральных источниках. Его новостные обзоры касались всех тем местной жизни, но особое внимание Александр Андреевич уделял событиям, связанным со строительством Амурской железной дороги, которая по первоначальному плану должна была пройти через Нерчинск. В этой связи он опубликовал и приличное число фельетонов, которые содержали в себе критику сложив-

шихся в этом отношении дел и определённую долю иронии. Начиная с № 86, Александр Зензинов стал редактором «Нерчинской жизни», которая к тому времени уже сократилась всего до двух страниц и стала терять подписчиков, а уже 30 июня 1908 г. вышел её последний номер. В этом же году А. А. Зензинов опубликовал несколько заметок в троїцкосавской газете «Наш голос» и одну в читинской «Забайкальской нови», все они были посвящены железнодорожной тематике. Ещё одна его статья о сибирских предпринимателях была размещена в благовещенском издании «Амурский вестник».

В следующих 1909–1910 гг. в газете «Забайкальская новь» вышли четыре заметки Александра Андреевича, которые были посвящены текущим нерчинским новостям. Но здесь необходимо отметить, что подшивки данного издания нами пока не исследованы в полной мере, поэтому в дальнейшем количество выявленных в нём публикаций А. А. Зензинова может возрасти, равно как таковые ещё могут быть обнаружены в других газетах Сибири и Дальнего Востока. Основной же информационной площадкой для него в это время стала иркутская газета «Восточная зоря», формат которой, по большей части, позволял публиковать лишь короткие новостные дайджесты в рубрике под названием «Нерчинская жизнь», тем не менее и в таком виде они несут в себе много интересной информации.

Последние три небольшие статьи Александра Зензинова появились в марте-апреле 1911 г. в «наследнице» «Восточной зари» – иркутской газете «Наша мысль». К тому времени он уже несколько лет страдал от саркомы почек и скончался 25 июля этого года. «Покойный, живя в Нерчинске, проявлял сочувствие к печатному слову, сотрудничая в большинстве случаев бесплатно во всех местных газетах, освещая жизнь и нужды города Нерчинска и всего Нерчинского края, – отмечал в некрологе корреспондент «Забайкальской нови», – Достаточно было появиться где-нибудь в Забайкалье или в соседних с последним городах новой газете, как Александр Андреевич уже посылал туда свои корреспонденции с приветствием новому органу местной печати. И всякий, кому приходилось начинать новую газету, знает, насколько ценно всякое сочувствие со стороны местных деятелей, очень редкое у нас в то время, как не доверия к новому делу и сомнения в его прочности сколько угодно... Со смертью Александра Андреевича город Нерчинск потерял одного из видных своих деятелей, долгое время и скромно ратовавшего за интересы родного города, и края без какой-

либо корыстной цели. Мир праху твоему, хороший человек!» [1].

На сегодняшний день в общей сложности нам удалось выявить 164 публикации Андрея Андреевича Зензинова-Фучана. В 2027 г. исполнится 175 лет со дня его рождения. Пла-

нируем, как минимум, подготовить сборник этих статей для основанной Нерчинским краеведческим музеем в 2014 г. серии «Нерчинские краеведы и литераторы», ну а если всё сложится благополучно, то и издать эту книгу в надлежащем виде.

Список литературы

1. А. А. Зензинов [Некролог] // Забайкальская новь. 1911. № 1185. С. 3.
2. ВКМ (Вельский краеведческий музей). КП 1410. Л. 5.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 282. Оп. 1. Д. 1164.
4. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 3. Д. 632.
5. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 3. Д. 638.
6. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 3. Д. 654.
7. ГИМ (Государственный исторический музей). И VI 25118/9, 10, 52, 53, 89.
8. Зуева Е. А., Литвинцев А. Ю., Бакалдина Е. В. Зензиновы // Кяхта торговая (XVIII – начало XX века) / координатор проекта Т. А. Бояркина; отв. ред.-сост. Е. В. Комлева; авт. коллектив: К. А. Абдрахманов [и др.]. Улан-Удэ: Республ. тип., 2025. Ч. I. Материалы для биографического словаря. С. 69.
9. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 108. Карт. II. Ед. хр. 51.
10. ЦГАМ (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. 203. Оп. 776. Д. 40.
11. ЦГАМ. Ф. 2126. Оп. 3. Д. 146.
12. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 756. Д. 6.
13. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 768. Д. 34.
14. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 776. Д. 17.

Сведения об авторе

Литвинцев А. Ю. – заместитель директора по научно-методической работе, Нерчинский краеведческий музей, г. Нерчинск, Россия, nerchinesc1976@yandex.ru

УДК 622(571.5)

От инженеров Нерчинского горного округа до современных исследований каменных изваяний долины р. Урулюнгуй

Сергей Борисович Верецагин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
forevich@inbox.ru

Публикация посвящена истории исследований каменных изваяний в долине р. Урулюнгуй. В настоящее время данная территория является одним из центров сосредоточения этих объектов в пределах всего Забайкальского региона. В научной литературе за ними закрепилось название «сторожевых камней» или «сэргэ». Они входят в категорию объектов древнего камнетесного искусства и связаны с погребально-поминальными комплексами культуры плиточных могил, выполняя в них сакрально-ритуальные функции.

Ключевые слова: каменные изваяния, «сторожевые камни», «сэргэ», культура плиточных могил, река Урулюнгуй, Нерчинский горный округ, горные инженеры

Долина реки Урулюнгуй расположена в юго-восточной части Забайкальского края, в пространстве между хребтами Нерчинский и Кличкинский с северо-восточным простиранием и имеет протяженность 189 км [7, с. 585]. Река является левосторонним притоком р. Аргунь и входит в систему водосбора Амурского бассейна. Для многих древних народов и племенных объединений она являлась своеобразным природным коридором, снабжённым хорошим травостоем и источниками воды,

для продвижения в долину р. Онон и далее на Шилку и Ингоду.

Долина р. Урулюнгуй была первым местом за Байкалом, где в 1724 г. были научно зафиксированы археологические объекты, а на протяжении с XVIII в. и до настоящего времени она является своеобразным научно-исследовательским полигоном по изучению древних объектов.

В настоящее время в долине известно более 80 объектов археологического наследия,

представленных памятниками средневековья: дворцовым комплексом, городом, усадьбами, каменоломнями, производственными площадками, некрополем, поселенческими и культовыми объектами от каменного до бронзового веков, пещерными памятниками, а также погребально-поминальными объектами культуры плиточных могил (далее КПМ). Именно последние имеют здесь своеобразные сателлиты в виде каменных изваяний, получивших в научной литературе наименование как «сторожевой камень» или «сэргэ».

Первые упоминания о каменных изваяниях, связанных с объектами КПМ долины р. Урулунгуй принадлежат инженерам, служащим Нерчинского горного округа. Научная деятельность в XIX веке хорошо известна благодаря печатным трудам авторов, опубликованных в Известиях Восточно-Сибирского отделения ИРГО [6; 8] и архивных исследований ряда забайкальских учёных, в том числе Татьяны Андреевны Константиновой [3; 4].

В середине XIX в. в долине р. Урулунгуй проводил свои изыскания горный инженер Антон Иванович Павлуцкий. Им предприняты раскопки одного из крупнейших по своим линейным размерам погребального комплекса КПМ (9х6 м) на горе Кара-Боян у с. Хутор (ныне с. Васильевский хутор Александро-Заводского района). В ходе работ Павлуцким были зафиксированы и каменные изваяния, расположенные севернее каменной ограды погребения. Им оставлено следующее их описание: «врыты в землю совершенно перпендикулярно две каменные плиты с закругленными верхними концами. Вышина от земли этих плит 1 аршин и 11 вершков, ширина $\frac{3}{4}$ аршина и толщина до $\frac{1}{4}$ аршин, а расстояние между ними 1 аршин 2 вершка. Они как заметно, показывают явные следы обтески, равно как и плиты, огораживающие саму могилу, надобно предполагать, были вывезены из-за расстояния, не ближе 7 верст, где только и встречается в обнажениях такая порода (гнейс) в – узкой долине Коновалки. От одиноко врытых двух плит, называемых местными жителями – воротами, оказалось по периметру 7 сажень и 2 аршина» [4, с. 238; 8, с. 485]. Так же горным инженером был составлен и натурный эскиз вида на ограду и расположенными с ней рядом двумя каменными изваяниями. Им определена и порода, из которой они были изготовлены и место её происхождения, но не обращено внимание на наличие выбитых на них изображений [8, с. 485].

Спустя 20 лет полевые работы по изучению погребения на горе Кара-боян продолжил горный инженер и начальник Нерчинского гор-

ного округа Михаил Нестеров. Им как раз и было отмечено наличие изображений на одной из каменных стел. До нас дошёл план и профиль погребальной ограды, составленной Нестеровым, а также эскиз каменных изваяний с обозначенным на одном из них сохранившимся рисунком [1, с. 12, 108; 6].

В 1889 г. долина р. Урулунгуй была посещена А. К. Кузнецовым. В окрестностях с. Кондуй и развалин Кондуйского городка им была изучена серия разновременных и разнохарактерных археологических объектов, в том числе 6 погребально-поминальных комплекса КПМ, 3 из которых включали в себя и каменные изваяния. Для последних он применил термины «сторожевой камень» и «коновязь» и провёл раскопки окружающего их пространства: «Против трёх маяков, на расстоянии 10 арш. Возвышаются на $\frac{1}{2}$ арш. По одному врытому необтёсанному камню, называемому «сторожевым», а по-бурятски «коновязью», так как они служили, по их понятиям, для привязывания коней» [5, с. 48]. «Под сторожевым камнем здесь, как и при раскопках в других местах, ничего не оказалось» [Там же, с. 50].

На одном из объектов КПМ, обследованного Кузнецовым в районе устья распадка Мехачиниха, были обнаружены изваяния с остатками изображений «в 5 саженьях также на восток от того и другого врыты сторожевые камни из светлого песчаника, высотой 12 верш., шириной 7 верш., и толщиной 4 в., превосходно вытесанные, с полукруглым верхом (похожие на 2 сторожевых камней могилы Карабоян); стороны их по всей вероятности были покрыты письменами, но впоследствии неблагоприятных атмосферных влияний, от знаков не осталось ни каких следов» [Там же, с. 55].

А. К. Кузнецовым также посещалась гора Кара-бояна и проводились раскопки внутри каменной ограды. Им дано и описание стоящих там каменных изваяний: «в расстоянии 7 саж. на N врыты 2 плиты в расстоянии один арш. 2 верш. друг от друга, такой же высоты, обтесанные и наверху закругленные и с высеченными на стороне, обращенной к могиле, неясными знаками, похожими на кресты, плиты эти местные жители называют воротами» [Там же, с. 56].

После значительного перерыва исследования древностей долины р. Урулунгуй проводит комплексная экспедиция под руководством академика С. В. Киселева. Один из его отрядов во главе с Л. А. Евтюховой провёл раскопки открытого А. К. Кузнецовым погребально-поминального комплекса КПМ у утеса Бойца. Исследователем было отмечено, что на момент раскопочных работ зафиксирован-

ные Кузнецовым каменные изваяния отсутствовали на обозначенных им позициях: «Во время посещения этих мест А. К. Кузнецовым в трех саженях от могил стояли «сторожевые камни», которых теперь нет» [2, с. 244].

Современный этап изучения объектов КПМ и их сателлитов урулюнгульской долины связан с полевыми работами Верхнеамурского археологического отряда Забайкальского краевого отделения ВОО ВООПИиК под руководством А. А. Номоконова, С. Б. Верещагина. В верховьях долины р. Урулюнгу, в пади Икэ-Булак, ими был зафиксирован разновременный комплекс археологических объектов, в состав которого входили и прямоугольные ограды из поставленных на ребро каменных плит, с восточной стороны которых было установлено наличие 7 каменных изваяний, 4 из которых лежали на земле. Благодаря особенностям современной дислокации каменных изваяний исследователями была зафиксирована их полная анатомия. Две стелы были оформлены в виде плоских плит с округлым, полусферическим верхом и клиновидным окончанием, остальные столбообразные, заканчивались конусом и также имели округлые навершия. На одной из поваленных стел столбообразной формы удалось зафиксировать выбитые изображения, в виде двух параллельных линий в районе «пояса» и «шеи», и косой линии в районе «груди» изваяния.

Важным открытием в вопросе изучения архитектурных особенностей установки изваяний и их функционального назначения стали раскопки плиточной ограды и её сателлитов в приустьевой части долины р. Могойтуй, впадающей в Урулюнгу в районе села Васильевский Хутор. Полевые работы проводились под руководством А. А. Номоконова. Каменное изваяние возвышалось над современной поверхностью на 0,4 м и представляло собой плоскую мраморную плиту с округлым верхом. После расчистки стелы от грунта была выявлена крепида из уложенных плашмя и подогнанных плотно друг к другу каменных плит и ещё одно изваяние такой же конфигурации, как и первое, но меньших размеров. Раскопки плиточной ограды показали, что она не подвергалась внешнему вмешательству, не содержала останков умершего и сопроводительного материала. Данный комплекс можно считать кенотафом с памятными стелами, посвящёнными умершим, но по определённым причинам не погребённым здесь людям.

В целом, долину р. Урулюнгу, наряду с верховьями руч. Анхобай, окрестностями с. Чиндалей, озером Ножий, можно считать одним из основных районов распространения каменных изваяний в комплексах КПМ на территории Восточного Забайкалья, но с более представительной историей исследований.

Список литературы

1. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: [б. и.], 1958. 140 с.
2. Евтюхова Л. А., Терехова Н. Н. Плиточные могилы Кондуйской долины / Л. А. Евтюхова, Н. Н. Терехова // Новое в Советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения: материалы и исследования археологии СССР. № 130: сборник / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 244–248.
3. Константинова Т. А., Константинов М. В. Горные инженеры и литераторы о древностях Забайкалья // Материалы науч.-практ. конф. к 100-летию государственной архивной службы России. Воронеж: Фаворит, 2018. С. 110–113.
4. Константинова Т. А., Константинов М. В. Павлуцкий Антон Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 237–238.
5. Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестностей. Владивосток: Книжное дело, 1925. 61 с.
6. Нестеров М. Могила Кара-Баяна // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества. 1885. Т. XXVI, № 1–3.
7. Обязов В. А. Урулюнгу // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 585.
8. Павлуцкий А. И. Краткое описание называемых чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их в др. местах Нерчинского горного округа // Известия Восточно-Сибирского отделения ИРГО. Иркутск, 1867. Кн. 9, 10. С. 485.

Сведения об авторе

Верещагин С. Б. – специалист Научно-образовательного музейного центра, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, forevich@inbox.ru

УДК [378+94] (571.5)

В. А. Алмазов: художественно-педагогическое наследие в контексте становления высшей школы Забайкалья (1921–1923 годы)

Владимир Викторович Резников*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*
reznikovv@zabgu.ru

Становление профессионального искусства и высшего образования в восточных регионах России в начале XX века представляло собой сложный, противоречивый и во многом героический процесс. Особое место в этой истории занимает период существования Дальневосточной Республики, когда Чита превратилась в уникальный культурный и научный центр, аккумулировавший интеллектуальные силы, вытесненные из центральных регионов Гражданской войной. Одним из ярких представителей этой «интеллектуальной миграции» был Владимир Алексеевич Алмазов (1877-?), выдающийся художник, скульптор и педагог, чья деятельность в Государственном институте народного образования и художественно-промышленных школах стала важным вкладом в формирование культурного слоя Забайкалья.

Ключевые слова: В. А. Алмазов, Читинский государственный институт народного образования, Дальневосточная Республика, Забайкалье, Чита, скульптура, педагогика, художественное образование, история высшей школы

Владимир Алексеевич Алмазов родился в 1877 г. в Тамбове [5], городе с богатыми культурными традициями, однако его профессиональное становление неразрывно связано с Москвой. В 1901 г. он окончил Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище – одно из самых передовых учебных заведений того времени, практиковавшее синтез высокого искусства и прикладного ремесла [2]. Строгановская школа начала века была уникальным явлением: она не просто готовила художников, но формировала мастеров, способных работать с материалом, понимать законы промышленного производства и интегрировать эстетику в повседневную жизнь.

Образовательная программа, которую прошёл Алмазов, включала в себя глубокое изучение академического рисунка, пластической анатомии, композиции и технологии обработки различных материалов – от дерева до металла и камня. Этот универсализм стал определяющим для всей его последующей карьеры. После завершения обучения Алмазов начал свою педагогическую деятельность в четырёхклассном училище Сергиева Посада, центре знаменитых игрушечных промыслов, что, несомненно, обогатило его понимание народных традиций. Вскоре он вернулся в родное училище уже в качестве преподавателя, передавая основы «строгановского стиля» новым поколениям студентов [Там же].

В 1903 г. Алмазов переезжает на Урал, в Екатеринбург, что открывает новую, чрезвычайно плодотворную страницу его творческой биографии. Урал начала века был регионом бурного промышленного роста, где традици-

онное камнерезное искусство соседствовало с мощным металлургическим производством. Здесь Алмазов реализует себя не только как педагог Екатеринбургской художественно-промышленной школы, но и как серьёзный скульптор-монументалист [1].

Особое значение в его наследии занимают работы, выполненные для Каслинского завода архитектурно-художественного литья. Несколько произведений Алмазова были отлиты в чугуне, что свидетельствует о высоком уровне его мастерства: каслинское литье предъявляло жесточайшие требования к чистоте формы и проработке деталей модели. В Свердловской картинной галерее до сих пор хранится одна из его тончайших работ – бронзовая головка девушки, демонстрирующая лирическую сторону его таланта и владение техникой бронзового литья.

В этот же период Алмазов создаёт серию бюстов для детской библиотеки Екатеринбурга, увековечивая образы великих просветителей и писателей: В. Г. Белинского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и Ф. Решетникова. Эти работы выполнены в традициях психологического реализма, где внешнее сходство сочетается с глубоким внутренним содержанием персонажа. Амбиции Алмазова как скульптора выходят за рамки региона: в 1910-е гг. он активно участвует во всероссийских конкурсах проектов памятников, получая первые премии за проекты памятников композитору М. И. Глинке и писателю Н. В. Гоголю. Вершиной его признания в дореволюционный период стало участие в конкурсе проектов памятника К. Минину и Д. Пожарскому в 1912–1913 гг. [Там же].

К 1919 г. судьба приводит Владимира Алмазова в Забайкалье [4; 5]. Летом 1919 г., под ударами Красной Армии, правительство А. В. Колчака начало эвакуацию Екатеринбурга. Вместе с государственными учреждениями вывозились и учебные заведения. Екатеринбургская художественно-промышленная школа была эвакуирована в Читу. Для Владимира Алексеевича Алмазова это означало крушение устоявшегося быта. В возрасте 42 лет, обременённый семьёй (женой и пожилой матерью) [2], он был вынужден отправиться в тяжелейший путь по Транссибу. Этот исход интеллигенции на Восток был массовым явлением, превратившим железнодорожные составы в «университеты на колёсах», где профессура и художники ехали в теплушках вместе с тифозными больными и остатками армии. Чита в этот период находилась в эпицентре бурных событий Гражданской войны. Город последовательно переходил от одного политического режима к другому, что создавало атмосферу крайней нестабильности. Однако именно в это время, в 1919 г., Алмазов включается в работу Читинской художественно-промышленной школы (ЧХПШ) [6].

ЧХПШ, основанная ещё в 1913 году М. А. Рутченко-Короткоручко, была первым профессиональным художественным учебным заведением в крае [Там же]. Алмазов стал частью выдающегося педагогического коллектива, в который в разные годы входили Г. Я. Комаров, В. Н. Пальмов и другие представители русской художественной интеллигенции. В условиях «читинской пробки» и последующего провозглашения Дальневосточной Республики (ДВР) в 1920 г., школа стала оплотом классического образования в регионе.

Ситуация в Чите в начале 1920-х гг. была парадоксальной. С одной стороны, крайняя бедность и разруха инфраструктуры: правительство ДВР, будучи «буферным» государством, располагало крайне скудными средствами. С другой стороны, небывалый интеллектуальный подъём, вызванный концентрацией в столице республики учёных и художников из Казани, Томска и Иркутска. Этот процесс был назван современниками «третьей волной» академической миграции. Именно в этой среде рождается идея создания Читинского государственного института народного образования (ГИНО).

Читинский ГИНО был открыт в 1921 г. как высшее педагогическое учебное заведение нового типа. Его миссия состояла не только в подготовке учителей, но и в формировании культурного кода молодой республики. Владимир Алмазов, уже имевший колоссальный педагогический опыт, был приглашён в инсти-

тут для ведения курсов лепки и графических искусств. Его назначение, утверждённое Советом института, было логичным шагом: ГИНО остро нуждался в специалистах, способных реализовать принципы «единой трудовой школы», где искусство рассматривалось как инструмент творческого развития личности.

В ГИНО Алмазов работал в окружении блестящей плеяды ученых. Первым ректором вуза был историк В. И. Огородников, деканом гуманитарного факультета – экономист П. П. Маслов. Алмазов, отвечая за практическую часть художественной подготовки, внедрял в учебный процесс методики Строгановского училища, адаптируя их к суровым реалиям Забайкалья [3]. Алмазов умудрялся не только вести занятия, но и организовывать художественные выставки, которые в 1920-е гг. становились событиями городского масштаба. Его педагогический метод базировался на глубоком понимании формы и материала. Студенты вспоминали, что на занятиях по лепке Алмазов требовал не простого копирования натуры, а понимания архитектоники объекта [Там же].

Особой вехой в деятельности Алмазова стал 1923 г. После вхождения ДВР в состав РСФСР и смерти В. И. Ленина, по всей стране развернулась кампания «монументальной пропаганды». В Чите был объявлен конкурс проектов памятника вождю пролетариата. Владимир Алмазов, признанный мастер монументальной пластики, принял в нём участие и получил 1-ю премию [1]. Его проект бюста Ленина был признан наиболее удачным с художественной и идеологической точек зрения. Бюст работы Алмазова был тиражирован и установлен во многих учреждениях города и области. Это был пример того, как дореволюционный мастер, воспитанный на классических канонах, смог органично вписаться в новую советскую эстетику, сохранив при этом высокий уровень профессионализма. Работа над образом Ленина стала последним крупным триумфом Алмазова в Чите.

Судьба Владимира Алмазова после 1923 г. остаётся одной из самых печальных загадок в истории забайкальского искусства. В официальных справочниках и энциклопедиях лаконично указывается: «после 1923 судьба неизвестна». Эта дата совпадает с моментом ликвидации Читинского университета (преобразованного из ГИНО в марте 1923 г.) и его физическим переводом во Владивосток.

Ликвидация вуза в Чите была продиктована политическими и экономическими причинами. Дальревком счёл нецелесообразным содержание двух университетов в регионе, и Чита, потерявшая столичный статус, лишилась своего главного интеллектуального центра. Пе-

реезд во Владивосток был тяжёлым испытанием: из 1 500 студентов переехать смогли лишь 180 чел. Преподавательский состав также был рассеян.

Ректор В. И. Огородников уехал во Владивосток, профессор М. К. Азадовский позже вернулся в центральную Россию. Владимир Алмазов, согласно документам ГИНО, подал в отставку по собственному желанию летом 1923 г. Возможно, он планировал вернуться на Урал или перебраться в Харбин, куда уехали некоторые его коллеги (например, археолог В. Я. Толмачев), но никаких документальных подтверждений этому не найдено.

Интересен тот факт, что в некоторых коллекциях упоминаются его работы, датированные 1932 г., например, скульптурные книжные упоры «Рабочий и крестьянин» из майолики. Если это действительно работы того самого Алмазова, то это означает, что он выжил в вихрях 1920-х гг. и продолжал работать в центральной России, возможно, в области декоративно-прикладного искусства, вернувшись к своим «строгановским» корням. Однако это лишь гипотеза, требующая подтверждения в центральных архивах.

Владимир Алексеевич Алмазов оставил глубокий след в истории российского искусства первой четверти XX в. Его путь от академических конкурсов на памятники Гоголю и Глинке до создания первого бюста В. И. Ленина в Чите – это путь русского художника, стремившегося сохранить профессиональное достоинство в эпоху великого слома.

Деятельность В. А. Алмазова в Чите и Забайкалье имела существенное значение для региона: он участвовал в становлении профессионального художественного образования и содействовал формированию местной скульптурной традиции, войдя в первый преподавательский состав Читинского ГИНО. Произведения скульптора, представленные в музейных собраниях Екатеринбурга и частных коллекциях, отражают его профессиональное мастерство и приверженность просветительским идеалам. Педагогическая работа Алмазова в ГИНО является значимой частью истории высшей школы Дальнего Востока, иллюстрируя роль образования и искусства как факторов социальной устойчивости в кризисные периоды начала XX в.

Список литературы

1. Алмазов Владимир Алексеевич. Текст: электронный // Архив. URL: <https://arhive.com> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Владимир Алексеевич Алмазов: биография. Текст: электронный // Культурное наследие Свердловской области. URL: <https://dk303.esgms.ru/services/item/463> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-1565. Оп. 1. Д. 267.
4. Иманакова Е. Г. В. А. Алмазов: к 110-летию со дня рождения // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1997 г. Чита: [б. и.], 1997. С. 238–241.
5. Иманакова Е. Г. Алмазов В. А. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 2. А – З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. С. 43.
6. Иманакова Е. Г. Читинская художественно-промышленная школа // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 4. С – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 334.

Сведения об авторе

Резников В. В. – старший преподаватель кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, reznikovv@zabgu.ru

УДК [94 + 374.7] (571.54)

Курсы строителей в Чите в 1920-е годы

Сергей Анатольевич Насибулин

Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса, г. Чита, Россия
Nasibulin78@mail.ru

В середине 1920-х гг. в Советском Союзе, в т. ч. и Забайкалье, началась индустриализация, затронувшая и строительную отрасль. Обеспечить строительную индустрию должны были рабочие кадры. Подготовка профессионально-технических работников для строительных организаций осуществлялась в Чите.

Ключевые слова: строительная индустрия, Чита, рабочие кадры, строители, курсы, трест

В период революции 1917 г. и Гражданской войны строительная деятельность в Забайкалье практически остановилась. В 1927–1928 гг. началась реконструкция шахт Черновских угольных копей, Главных железнодорожных мастерских, Петровского металлургического завода, строительство новых цехов Читинского овчинно-шубного завода и ТЭЦ [1, с. 20]. В первой половине 1920-х гг. на территории Забайкальской губернии отсутствовали постоянно действующие крупные строительные организации. В связи с этим почти все строительные работы выполнялись «хозяйственным способом», когда организация, нуждавшаяся в проведении каких-либо строительных работ сама нанимала работников, организуя из них строительные бригады. В плане на строительный сезон 1924–1925 гг. Отделение коммунальных владений Читинского горисполкома планировало «мелкий и текущий ремонт производить своим аппаратом, крупный и капитальный ремонт сдавать с торгов разным строительным артелям и учреждениям...» [2, л. 45]. В связи с этим, качество строительных работ, выполняемых хоз. способом, было низким. Поэтому ещё в 1924 г. Забайкальское губернское отделение Всероссийского Союза Строительных рабочих ставило вопрос о создании в Забайкальской губернии крупной строительной организации [6, л. 11].

Читинское отделение Иркутской строительной конторы (ул. Бутинская, 5) было создано 16 декабря 1926 г. [10, л. 2]. В 1929 г. преобразовано в Читинский государственный окружной строительный трест «Читстрой» (в этом же году реорганизован в Читинское отделение Дальневосточного краевого государственного строительного треста – «Дальстройтреста»). Другими крупными подрядными организациями выступали Забайкальская железная дорога и Военвед (Военное ведомство). Одновременно было образовано Объединение силикатной промышленности Читинского округа («Заб. Силикат»). В него вошли два кирпичеделательных завода «Белый Яр», вырабатывавший красный кирпич, огнеупорный, простой и шамотный, и завод «Титовский», выпускающий красный кирпич [4, л. 3]. В довоенный период в Забайкалье широкомасштабное строительство не велось. Ограниченные капитальные вложения в развитие региона в значительной мере были вызваны неспокойной приграничной обстановкой (конфликт на КВЖД в 1929 г.). Трудностями для развития строительной индустрии являлись суровый климат, слаборазвитая инфраструктура, в т. ч. транспортная, недостаточная освоенность региона и дефицит кадров.

Тем не менее, осуществлялось строительство отдельных объектов и происходил ремонт уже существующих зданий. Например, ремонтировались здания жилого фонда в Чите, ремонтировались и возводились мосты через реки Ингода и Читинка, осуществлялось оборудование колодцев, строились здания Пожарного Депо, производилось замощение улиц. В г. Петровск-Забайкальске строился металлургический завод и городская больница. На ст. Даурия и ст. Зилово возводились военные объекты. В отчёте Читинского горсиполкома за 1925 г. отмечалось необходимость капитального ремонта 153 домов и текущего 450 домов, однако удовлетворение этих нужд упиралось в недостаточное финансирование [2, л. 200].

О проблеме нехватки квалифицированных строительных кадров сообщалось в отчёте Читинского окружного отдела труда за 1928 г.: на строительных работах в округе было занято 2 000 рабочих, в т. ч. 300 рабочих, прибывших из других округов [8, л. 32]. Вопросы обеспечения строительных работ рабочими обсуждались при Окружном отделе труда на совещаниях организаций, работающих в строительной сфере. В частности, 10 августа 1929 г. на совещании объявили о нехватке 480 чел. на строительных работах. Правлению Треста «Читстрой» в январе 1929 г. недоставало 906 работников по строительным специальностям [12, л. 4]. Всего численный состав рабочих силы по Читинскому округу составлял до 2 000 чел.: большая часть из них были местными, до 300 чел. приезжие из других регионов, сезонных рабочих (в основном землекопов) насчитывалось 450 чел., также имелось несколько десятков восточных рабочих, в основном китайцев [8, л. 32].

На совещаниях отдельно ставился вопрос о подготовке квалифицированных кадров. Если в первой половине 1920-х гг. в строительных бригадах внедрялась система ученичества, то во второй половине 20-х гг. проблема нехватки кадров строителей решалась путём организации краткосрочных курсов. Курсы организовало Читинское окружное управление Союза строительных рабочих. В декабре 1926 г. был поставлен вопрос об организации по повышению квалификации рабочих строительных специальностей. В докладе секции ИТС Союза отмечалось, что «прохождение программы будет затруднительно, ввиду малого знакомства строителей с основными арифметическими правилами». Курс программы в 192 часа с проведением в течении 4-х мес. с января по апрель по 12 лекционных часов в неделю [3, л. 11]. В декабре 1927 г. было принято решение об организации краткосрочных курсов

подготовки рабочих строительных специальностей. Содействие оказывали организации «Читстрой» и Забайкальская железная дорога. На организацию и обучение было затрачено 4 400 руб., выделенных Читинским окружным отделом труда. Первый выпуск составил 30 рабочих, освоивших профессию каменщика, из них 22 чел. по 6 разряду, 7 чел. по 5 разряду и 1 чел. по 7 разряду. Опыт признали успешным и поставили задачу увеличить число слушателей курсов. В письме, отправленному из Союза строительных рабочих за подписью председателя Путрина, отмечалось, что имея уже опыт переобучения и потребность промышленности в квалифицированных рабочих «Окр. Отдел во избежание значительных затрат хоз. организаций на привоз из центра квалифицированных рабочих», ставит вопрос об организации курсов на 72 чел., из них обучить: «15 бетонщиков, 15 печников, 30 каменщиков и 12 формовщиков кирпича». Смета курсов строителей составила 5752 руб. Аналогичные курсы открылись и в других организациях Читы. При Союзе деревообработчиков открылась Трудовая школа, переданная впоследствии Союзу Строителей [5, л. 298–308]. Также действовали временные курсы при Читинской Бирже Труда, где готовили каменщиков, печников, маляров и штукатуров. За 1928 г. на курсах в Чите было подготовлено 136 чел. [8, л. 263, 147]. При Союзе строителей с 1928 г. действовали 6-месячные курсы десятников. Программа курсов была рассчитана на 432 часа и включала такие предметы как арифметика, начальная геометрия, черчение, архитектурные части, строительные материалы, строительная механика, сметы и урочное положение. Заведовал курсами представитель Треста «Читстрой» Макаров [12, л. 409].

На заседании Президиума Читинского окрисполкома 30 декабря 1928 г. отмечалось, что невыполнение плана работ на 23 %, наличие внеплановых работ 17,8 %, а также не выполнение директивы правительства – на 15 % снижения стоимости строительства, несвоевременное начало работ в составлении проектов и смет, медленные темпы строительных

работ, неполный и несвоевременный отпуск средств и перебои в финансировании, неподготовленность к строительному сезону норм выработки [8, л. 241].

В Отчёте районного комитета ВКП(б) станции Чита II за 1929 г. указаны итоги работы курсов по подготовке строительной рабочей силы до 700 чел., индивидуальным бригадным обучением охвачено до 170 чел. и доклад Трудовой школы по подготовке строительной рабочей силы, где обучалось до 120 человек. В отчёте отмечались факты несоблюдения охраны труда, нехватки помещений для лекционных и практических занятий, отсутствие программ бригадного и индивидуального обучения, а также случаи девиантного поведения (пьянство мастеров с курсантами), проблемы питания и быта (ученики Трудовой Школы, в большинстве беспризорные, получали всего 18 руб. в месяц) [12, л. 257].

Аналогичные курсы строительных бригадиров были открыты при строительстве Петровск-Забайкальского металлургического завода. Программа обучения включала 562 часа учебных занятий. Занятия вели инженер-строитель И. П. Зелинский (зав. курсами), инженер-гидротехник А. И. Суворов, инженер М. Р. Гуммерт, инженер-экономист А. С. Былышев, инженер-строитель П. В. Специ, техник-строитель А. Н. Коробейников, техник-строитель Н. Ф. Нестеров, землемер Н. В. Белявский [Там же, л. 450–451].

Таким образом, к концу 1920-х гг. стало ясно, что кустарными методами подготовить квалифицированную рабочую силу для строительных организаций не представляется возможным. Попытки решить проблему обеспечения строительной отрасли квалифицированными кадрами в Забайкалье в 1920-х гг. не имели системный характер. С одной стороны, ограниченные ресурсы региона, с другой – отсутствие опытных преподавателей и мастеров производственного обучения, не позволяли поставить вопрос об открытии профессиональных учебных заведений для подготовки кадров для строительной индустрии.

Список литературы

1. Баев В. Д., Бунтовский Н. Н., Мартынюк Г. П., Полупан О. И., Царьков Ю. Е., Шегера А. И. Очерк истории архитектуры и строительства в Забайкалье // Малая энциклопедия Забайкалья. Архитектура и строительство / гл. ред. Н. Н. Жданова. Новосибирск: Наука, 2016. С. 14–30.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 13.
3. ГАЗК. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 88.
4. ГАЗК. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 101.
5. ГАЗК. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 187.
6. ГАЗК. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 29.
7. ГАЗК. Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 209.
8. ГАЗК. Ф. Р-500. Оп. 1. Д. 82.

9. ГАЗК. Ф. Р-570. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАЗК. Ф. Р-570. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАЗК. Ф. Р-570. Оп. 1. Д. 17.
12. ГАЗК. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 337.

Сведения об авторе

Насибулин С. А. – преподаватель истории, Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса, г. Чита, Россия, Nasibulin78@mail.ru

УДК [329.15+791] (571.5)

Деятельность первичной партийной организации Управления кинофикации Читинской области в 1949–1950 годы

Марина Владимировна Пряженникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
Klichca85@yandex.ru

Статья основана на материалах Государственного архива Забайкальского края. Изучено дело фонда Ф. 1652 «Центральный районный комитет ВКП(б) города Читы». Автор анализирует деятельность первичной партийной организации Управления кинофикации Читинской области, указывает на численный состав, характеризует имевшиеся недостатки в работе парторганизации, а также агитационно-пропагандистскую деятельность, которую проводили члены партийной организации среди населения г. Читы.

Ключевые слова: партийная организация, Управление кинофикации, Чита, Читинская область, деятельность, стенгазета, агитационно-пропагандистские мероприятия, кружок

В 1938 г. в Читинской области был создан трест кинофикации, который занимался открытием в регионе киноустановок, а также строительством новых кинотеатров. В августе 1939 г. его функционал перешёл Управлению кинофикации, образованному при Читинском областном исполнительном комитете. Характеризуя изучаемый период, мы не можем отрицать идеологическую составляющую, которой были пронизаны все сферы жизни и деятельности Советского Союза. Как известно, в учреждениях, учебных заведениях и других организациях при наличии не менее трёх членов партии создавались первичные партийные организации. При Управлении кинофикации Читинской области имела парторганизация, во главе которой стоял А. Соломин. Вся её деятельность в 1949–1950 гг. полностью была подчинена идеям послевоенной пятилетки.

Анализируя результаты пятилетки, Н. А. Булганин в своём докладе на Торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1950 г., ярко показал, что главный итог, с которым страна пришла к 33-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, состоял в том, что ещё более возросла и укрепилась политическая и экономическая сила советского государства [1]. Пятилетним планом было установлено, что

продукция всей промышленности Советского Союза должна была увеличиться на 48 % в 1950 г. по сравнению с 1940 г. Этот уровень был значительно превзойдён в 1949 г. За 1 месяц 1950 г. довоенный выпуск валовой продукции промышленности был превышен на 70 %. Валовый урожай зерновых культур в 1950 г. составил 7,6 млрд пудов и превысил уровень 1940 г. на 300 млн пудов. Успешно был выполнен план полезащитных лесонасаждений, внедрение правополюсных севооборотов, строительство прудов и водоёмов в степных и лесостепных районах Европейской части СССР [Там же]. Исходя из решений Торжественного заседания Московского Совета депутатов трудящихся, вся страна, все сферы жизни должны были наращивать темпы производства и вести народ к коммунизму. Основной движущей силой в этом деле являлась коммунистическая партия и соответствующие политические органы на местах.

В партийных органах Читинской области с 3 января 1951 г. проводились отчётно-выборные собрания, на которых партийные руководители проходили проверку своей работы. Систематическое проведение отчётов и выборов партбюро, партийных комитетов, секретарей партийных организаций и их заместителей было закономерным явлением внутри партийной жизни государства, исходящее

из организационных основ коммунистической партии [2, л. 8].

За 1950–1951 г. парторганизация при Управлении кинофикации свою работу проводила под руководством вышестоящих партийных органов г. Читы, практически осуществляя задачи, поставленные перед областной парторганизацией. По своему составу партийная организация по состоянию на 15 января 1951 г. имела 9 чел. членов ВКП(б), кандидатов – 3 чел. Из них членов ВКП(б): мужчин – 7 чел.; женщин – 2 чел., кандидатов: женщин – 1 чел., мужчин – 2 чел. За 1950–1951 г. было из парторганизации 2 чел. из числа членов ВКП(б) (Белопухов и Герасимова). За этот же период прибыло 2 чел. – членов ВКП(б) (П. Г. Комаров и А. Д. Боровая) и 2 чел. – кандидатов в члены ВКП(б) (Ю. Н. Сычев, Ф. Е. Солдатов) [Там же, л. 9].

В 1950 г. было проведено 8 общих собраний, на которых рассмотрено 19 вопросов, из них 4 вопроса, рекомендованных РК ВКП(б) или 21 % всех вопросов: «Отчётный доклад о работе парторганизации за 1949 год»; «Об итогах V областной, XI городской и VIII районной парторганизации»; «О задачах парторганизаций, вытекающих из закрытого письма ЦК ВКП(б) о проведении сбора подписей под воззванием»; «Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Читинского обкома ВКП(б)», итоги работы II пленума Читинского обкома ВКП(б)». Два вопроса были выдвинуты самой парторганизацией: «Итоги обследования состояния жалоб трудящихся»; «О состоянии агитационно-массовой работы на закреплённом участке № 5» [Там же, л. 10].

Руководящее положение на ответственных участках в органах кинофикации занимали коммунисты партийной организации, в их числе Матанцев, работавший начальником областного управления кинофикации, который, вступив в данную должность, принимал все необходимые меры по устранению имевшихся в областном Управлении кинофикации недостатков. К таковым можно отнести тот факт, что принимаемые решения партийным собранием не проверялись, а соответственно, и результаты не докладывались, кроме того, партийные собрания проводились нерегулярно [Там же, л. 10].

Что касается работы отдельных членов партийной организации, то стоит отметить С. Г. Летникова, который практически всегда выполнял план своей работы. Неплохо справлялся с порученной работой по руководству агитколлективом Бородин. Однако в его работе был небольшой недостаток: он мало работал с коллективом, всё брал на себя, поэто-

му беседы и читки в коллективе проводились редко, стенгазета выпускалась нерегулярно. Члены парторганизации Петрукова, Леонтьев, Солдатов имели отдельные поручения. Комаров, совмещавший пост народного заседателя и агитатора среди коллектива кинотеатра «Забайкалец», работу почти не проводил; Волкова – домохозяйка и агитатор на закреплённом участке № 38; Боровая – домохозяйка, по своим семейным обстоятельствам активного участия в партийной организации не принимала; Сычев – председатель месткома кинотеатра «Пионер», но в 1950 г. допустил аморальный поступок, который был обсуждён на партийном собрании, кроме того, он проявлял недисциплинированность, не являясь на партсобрания, не регулярно посещая партийную школу [Там же, л. 14]. В основном же партийный коллектив был морально устойчив и идеологически выдержан.

В 1949–1950 гг. при парторганизации был создан кружок из 16 чел. по изучению Краткого курса истории ВКП(б), в число которого входило: членов ВКП(б) – 2 чел., членов ВЛКСМ – 4 чел., беспартийных – 10 чел. К концу 1950 г. кружок по своему численному составу сократился до 13 чел. При подведении итогов занятий представители партийных органов предложили расширить данный кружок большим количеством коммунистов. Решением общего партийного собрания от 10 октября 1950 г. был утверждён состав кружка в количестве 9 чел., из них: членов ВКП(б) – 6 чел., членов ВЛКСМ – 3 чел. На первых занятиях кружка явка слушателей составляла 80–90 %. Руководил кружком Матанцев [Там же, л. 15].

При коллективе Управления кинофикации было создано 2 комсомольских организации: непосредственно при самом Управлении, объединявшей кинотеатры «Пионер» и «Забайкалец» (9 комсомольцев); при Читинской областной конторе главкинопроката (11 комсомольцев). В 1949–1950 гг. комсомольцы главкинопроката, входившие в состав кружка, изучали государственное устройство СССР; в 1950–1951 гг. – биографию В. И. Ленина.

В декабре 1950 г. в комсомольских организациях были проведены отчёты и переборы. К руководству пришли комсомольцы, не имевшие достаточного опыта и практики, им была нужна серьёзная и постоянная помощь со стороны партийной организации, однако последняя мало уделяла внимания их внутрикомсомольской работе, а отсюда, как результат: низкая активность, безынициативность в проведении любого мероприятия; отсутствие роста комсомольских рядов за счёт несоюзной молодёжи. За 1950–1951 гг. на партсобрании

ни разу не слушали доклад о работе комсомольской организации [2, л. 16].

Что касается агитационно-массовой работы, то здесь парторганизация делала попытки расширить её среди населения на закреплённом участке, а также в коллективах. Если в 1949 г. массовых мероприятия (лекций, вечеров) было проведено 6, с охватом 604 чел., то в 1950 г. их уже было проведено 16 с охватом 2541 чел., в том числе 3 лекции на темы: «В чём наше счастье», «150-летие со дня смерти А. В. Суворова», «Международное положение» [Там же, л. 17]. Несмотря на некоторое увеличение как по количеству массовых мероприятия, так и по охвату, положение с массовой работой в коллективах было на недостаточном уровне. Основным недостатком состоял в том, что не была налажена регулярность организации и проведения мероприятий.

Для осуществления агитационной работы среди коллективов парторганизацией были утверждены агитаторы в количестве 5 чел.: Солдатов, Комаров, Леонтьев, Шилов и Пахомова. В 1950 г. агитколлективом проведено 82 беседы и читки, на которых присутствовало 540 чел. Регулярность проведения подобных мероприятий среди коллектива добился Шилов, который в 1950 году провел 40 бесед и читок с охватом 320 чел. Крайне нерегулярно проводил работу среди коллектива кинотеатра «Забайкалец» Комаров [Там же, л. 17].

Агитаторы свою работу строили на материалах текущих событий. Среди населения работу проводили сезонно. В период подготовки и выборов в Верховный Совет СССР парторганизация сумела мобилизовать свой коллектив на проведение агитационно-массовой работы среди населения на закреплённом участке № 38, через своих представителей, вышедших в агитколлектив в количестве 6 чел. (Бородин, Волкова, Герасимова, Бондарева, Дружинина, Леонтьев). За период с 17 января по 12 марта 1950 г. среди населения было проведено 43 беседы, на которых присутствовало 376 чел. Но как только была закончена работа по выборам в Верховный Совет СССР, агитаторы перестали посещать 38-й участок до момента начала выборов в местные советы. На этих выборах агитаторами работали Бородин, Волкова, Скачкова, Алферова, которые с развёртыванием работы окружных избирательных комиссий включились в работу последних и на участке № 18 из агитаторов никого не осталось. Агитколлективом в период подготовки к выборам было проведено 27 бесед с охватом 249 чел. [Там же, л. 18]. Основным недостатком – сезонность работы агитаторов среди населения.

Партийная организация пыталась ликвидировать его путём систематизированной работы: через улучшение качества агитаторского состава; регулярность семинаров; контроль и отчётность за работой агитаторов.

Что касается стенгазет, издание которых было тоже важным показателем работы партийной организации, то всего в изучаемый нами период в коллективе было организовано 3 редколлегии: при Управлении кинофикации выпустили 4–5 газет (редактор Бородин); при Главкинопрокате выпущено 6 газет (редактор Ласкин); при кинотеатре «Забайкалец» редколлегия бездействовала. Эти показатели по трём редколлегиям красноречиво говорят о состоянии в парторганизации дела по руководству стенной печатью. Кроме того, что стенгазеты плохо выпускали, члены парторганизации не принимали участия в создании и организации по обеспечению материалами для стенгазет [Там же, л. 19].

Коллектив Управления кинофикации принимал участие в различных мероприятиях и кампаниях. В мае 1950 г. участвовал в подписке на газеты, показав следующие результаты: 100 % охват всех работников, 103 % к фонду зарплаты или в абсолютных цифрах 97 935 руб. По призыву Петровск-Забайкальских металлургов в поход за благоустройство своих городов, коллектив Управления отработал около 280 человеко-часов, проведя расчистку засыпки пола здания кинотеатра «Родина». Таким образом, парторганизация под руководством вышестоящих партийных органов области, города, района работала в направлении осуществления задач, стоявших перед областной парторганизацией. Основными документами в работе всей областной партийной организации было Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Читинского обкома ВКП(б)», в котором было предложено улучшить работу культурно-просветительных учреждений [3] и решения II пленума обкома ВКП(б) [Там же, л. 22]. В соответствии с этими решениями, была определена дальнейшая работа партийной организации Управления кинофикации, направленная, главным образом, на устранение имевшихся недостатков.

В кратчайшие сроки следовало создать все необходимые условия для работы киномехаников, вникать в их проблемы при затруднительных обстоятельствах (болезнь). РК ВКП(б) следовало принимать участие в составлении репертуарных расписаний для кинофестивалей, заслушивать директоров по вопросам выполнения плана, коммунистам парторганизации Управления кинофикации принимать активное участие в городских и областных тор-

жественных собраниях. Следовало также регулярно заслушивать директоров кинотеатров по выполнению плана, охватить всех работников соцсоревнованием. Коммунистам парторганизации, секретарю и заместителю необходимо было коренным образом улучшать руководство комсомольской организацией, принимать активное участие в выпуске стенгазет [3, л. 27]. Секретарю парторганизации рекомендовали активизировать агитационно-массовую работу на предприятии, а также по месту жительства населения на закреплённом участке, добиваться, чтобы каждый агитатор проводил с избирателем не менее двух бесед и читок в неделю. Следовало также периодически заслушивать отдельных агитаторов на партийных собраниях.

Таким образом, деятельность первичной партийной организации при Управлении кинофикации Читинской области в 1949–1950 гг. была на недостаточно высоком уровне. Отсутствовала должная поддержка со стороны райкома партии, особенно это касалось комсомольской организации. Кроме того, ряд членов парторганизации халатно относились к своим обязанностям. Мало выпускали стенгазет, слабо охватывали агитационными мероприятиями население города. Однако стоит отметить, что парторганизация сумела на достаточно высоком уровне провести агитационную кампанию и выборы в Верховный Совет СССР на закреплённом участке, члены парторганизации принимали участие в благоустройстве города, а также в кампании по подписке на газеты.

Список литературы

1. 33-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад Н. А. Булганина на торжественном заседании Московского Совета. Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://clck.ru/3Suj5D> (дата обращения: 28.01.2026).
2. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 5.
3. Система культурно-просветительных учреждений Читинской области и их деятельность (1945–1965). Текст: электронный // Я Студик. URL: <https://clck.ru/3Suj6H> (дата обращения: 28.01.2026).

Сведения об авторе

Пряженникова М. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, klichsa85@yandex.ru

УДК 902/904+930

А. С. Лукашкин – от гимназиста в г. Чите до создателя музея русской эмиграции в г. Сан-Франциско

Сергей Владимирович Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
alkin-s@yandex.ru

Анатолий Степанович Лукашкин окончил мужскую гимназию в г. Чите, высшее образование получил в г. Харбине. Открыл ряд археологических памятников, включая комплексы, являющиеся и сегодня опорными в изучении археологии Северо-Восточного Китая. После переезда в США стал одним из инициаторов сбора архивов русской эмиграции и организаторов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско. В работе делается анализ деятельности исследователя с привлечением не публиковавшихся ранее данных из переписки А. С. Лукашкина и В. Е. Ларичева, а также даётся характеристика этих материалов как источника для изучения истории русской археолого-краеведческой школы в Маньчжурии.

Ключевые слова: Забайкалье, Маньчжурия, Общество изучения Маньчжурского края, археологические памятники, неолит, история русской эмиграции

Финансирование: доклад и статья выполнены по проекту НИР № FWZG-2025-0002.

Анатолий Степанович (Стефанович) Лукашкин входит в ту группу исследователей российского происхождения XX в., чья юность пришлась на годы формирования русской эмиграции в Маньчжурии, а после репатриации из

Китая они внесли ощутимый вклад в развитие не только отечественной, но и мировой науки. Существенной частью работы представителей гуманитарных наук и наук естественнонаучного цикла в Северной Маньчжурии были археоло-

го-краеведческие исследования в рамках деятельности Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК). Будучи по своим научным интересам и основной специализации биологом, А. С. Лукашкин также проявил себя активным участником, по существу, пионерного археологического поиска, который организовали в Маньчжурии русские археологи В. В. Поносов и В. Я. Толмачев [1; 2]. Несмотря на то, что до конца 1920-х гг. результаты этих исследований благодаря сохранявшимся контактам с коллегами в Советской России становились известны и использовались специалистами в области археологии Сибири и Дальнего Востока, в дальнейшем вклад русских археологов и краеведов в Маньчжурии замалчивался. Только в конце 1960-х гг. В. Е. Ларичев (1932–2014 гг.) – признанный авторитет в области историографии российской археологии и отечественного востоковедения – первым всесторонне изучил и по достоинству оценил вклад русских в изучение каменного века, эпохи ранних металлов и средневековья Северного и Северо-Восточного Китая. Фактически благодаря этому имена русских исследователей-эмигрантов были реабилитированы, а их достижения стали вводиться в научный оборот отечественной науки.

По инициативе А. С. Лукашкина в 1963 г. началась его переписка с В. Е. Ларичевым. Впоследствии архив этой переписки был передан автору настоящей работы. Это девять писем, набор фотоотпечатков маньчжурского периода жизни Лукашкина и рукопись под названием «Сведения об исторических памятниках Маньчжурии», в которой приводятся данные о работах на памятниках археологии региона пяти русских исследователей – коллег А. С. Лукашкина с обозначением хронологии и работ и перечислением памятников с указанием их с обозначением хронологии и работ и перечислением памятников с указанием их хронологии и культурной принадлежности.

Помимо этих материалов в настоящее время для исследователей доступны следующие архивные материалы, раскрывающие биографические данные о жизненном пути А. С. Лукашкина и о его научной карьере: 1) гимназическое дело, хранящееся в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) [3]; 2) Дело из архива Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи [5]; 3) фонд материалов Лукашкина в Музее русской культуры в г. Сан-Франциско (США), копии которого имеются в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и в Центре изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета (АмГУ) (г. Благовещенск) [4; 7; 16].

Вклад А. С. Лукашкина в зоологию и орнитологию подробно проанализирован Е. Э. Шергалиным [17]. Что касается роли исследователя в археологическом изучении Маньчжурии, то впервые он был представлен в историографической работе В. Е. Ларичева об изучении палеолита Азии [10]. Его имя упоминается в обзорных работах по истории археолого-краеведческого изучения Маньчжурии как в нашей стране, так и в Китае [6, с. 135–164; 13–15].

Родился А. С. Лукашкин в китайском г. Ляоян 20 апреля 1902 г. (3.05.1902 г. по старому стилю) в семье железнодорожного служащего. Во время русско-японской войны семья переехала на станцию Хайлар Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). А после окончания хайларской школы родители отправили сына в Читу, где он с 1912 по 1918 г. обучался в Читинской мужской гимназии. Затем А. С. Лукашкин вернулся в Хайлар. Но он ещё возвращался в г. Читу, поскольку ему было необходимо закончить обучение в Горном техникуме, что и случилось в 1920 г. В Харбине он поступил в Институт ориентальных и коммерческих наук, но закончить его не удалось. До начала 1930-х гг. служил на разных должностях на железнодорожной станции Хайлар.

Интерес к науке у юного Лукашкина проявился ещё во время учёбы в Читинской гимназии. Тогда он познакомился с деятельностью местного краеведческого музея и туда же он передавал свои первые естественнонаучные и археологические сборы из района Хайлара [17, с. 3641–3642]. Таким образом, вполне естественным было то, что в Китае А. С. Лукашкин стал одним из активных деятелей Общества изучения Маньчжурского края (1923–1929), где с 1927 г. он был секретарём секции естествознания и проявил себя как талантливый натуралист. В Музее Особого района восточных провинций (по существу, это была новая форма деятельности Музея ОИМК, а в дальнейшем в эпоху Маньчжоуго это харбинское подразделение «Института Далю») Лукашкин с 1932 до 1939 г. был вторым после зоолога Б. П. Яковлева директором, а затем хранителем и заведующим экспозиционным отделом, где проявил себя как великолепный организатор музейной деятельности, что позволило в полной мере перенять у ОИМК эстафету краеведческой и научной работы по изучению Северной Маньчжурии [8; 11]. Административная работа сочеталась с организацией экспедиционных выездов, основной целью которых являлось пополнение музейных фондов. И это были не только орнитологические экскурсии, но и целенаправленная работа по археологии региона. Кроме этого, он несколько раз пред-

ставлял Музей на научных съездах и конференциях в Европе и США.

Общественная деятельность по изучению и популяризации научных знаний о Северной Маньчжурии была продолжена во вновь созданном после ликвидации ОИМК Клубе естествознания и географии при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ) в Харбине, в организации которого Лукашкин наряду с В. В. Поносовым и другими принимает активное участие. Деятельность клуба была чрезвычайно важна для привлечения к краеведческой работе подростков и молодежи из числа эмигрантского сообщества.

После начала японо-китайской войны в 1939 г. начинается новый этап и истории русской эмиграции в Маньчжурии. Многие покидают Харбин. В 1941 г. А. С. Лукашкин с семьей выехал в США. Туда ему удалось вывезти весь свой архив. Начался новый не менее насыщенный период жизни. Из Америки он вел обширную переписку со своими друзьями и коллегами по ОИМК и Клубу естествознания и географии, инициировал написание ряда воспоминаний харбинцев, собирал архивы и был их хранителем архивов, начал составление каталога периодических изданий на русском языке в Китае, Японии, Монголии, странах Юго-Восточной Азии и Австралии в период с 1898 по 1952 г. В 1954–1965 гг. был председателем Совета Музея русской культуры в Сан-Франциско, куда он передал весь свой вывезенный из Китая архив. Умер 6 октября 1988 г. и был похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

А. С. Лукашкин открыл ряд археологических памятников, включая комплексы, являющиеся и на сегодня опорными в изучении археологии Северо-Восточного Китая [9; 12]. Поддерживал связи с забайкальскими краеведами и археологами, пока это было возможно. Поэтому советские исследователи включали эти данные в собственные историко-культурные схемы каменного века Сибири и Дальнего Востока.

Как зоолог А. С. Лукашкин не мог обойти вниманием местонахождение Гусянтунь в районе Харбина, где помимо остатков древних млекопитающих были обнаружены позднепалеолитические материалы. Этим работам были посвящены его доклады на конференциях в США (1933 и 1937 гг.), которые также были опубликованы.

Подробные воспоминания об археологических исследованиях в Маньчжурии представлены в переписке А. С. Лукашкина с археологом В. Е. Ларичевым.

Началась она с письма от 29 августа, 1963 г.:

«Дорогой доктор Ларичев!

Случайно я узнал о появлении Вашей статьи в первом томе Трудов Дальневосточной археологической экспедиции, 1960 г. «Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура (Ананци, Дунбэй)». Я обратился к профессору А. Г. Банникову (Банников Андрей Григорьевич (1915–1985) – советский и российский биолог, автор книги о первых русских путешествиях в Монголию и Северный Китай – С. А.), с которым состою в научной переписке, с просьбой достать и выслать мне том с Вашей работой. На прошлой неделе я получил книгу и с большим интересом прочитал Вашу статью-анализ, как равно и статьи других авторов.

С поставленной Вами задачей Вы справились блестяще, но сожалею, что Вы сами не побывали на местах обнаруженной мною 35 лет тому назад неолитической культуры, а ещё больше сожалею, что Вы не имели возможности осмотреть материалы, хранящиеся в Харбинском музее, куда я передавал все, что привозил из Цицикара (ныне Ананци) как до опубликования своего последнего отчёта, так и после того (1934–1940). Насколько мне помнится, мои сборы из Цицикара зарегистрированы как коллекция № 38 Археологического отдела музея. Там же хранились и другие собранные мною археологические материалы с устья р. Уршуна, Далай Нора, Баин Хошуна и Хайлара.

Примите моё искреннее поздравление за Ваш анализ и критическое отношение к материалу, которым Вы пользовались.

В моём архиве имеется папка, относящаяся к моим археологическим изысканиям в Маньчжурии, есть много фотографий, негативы и два последних экземпляра отдельного оттиска моей статьи, помещённой в «Вестнике Маньчжурии», 1934 г. Если что-либо из этого Вам потребуется, я с удовольствием передам Вам.

Не откажите уведомить, какие ещё работы Дальневосточной археологической экспедиции ожидаются к выпуску в томах Трудов этой экспедиции?

С наилучшими пожеланиями, Уважающий Вас Анатолий Лукашкин

П. С. Пожалуйста отвечайте воздушной почтой».

В рукописи А. С. Лукашкина «Сведения об исторических памятниках Маньчжурии» содержатся сведения о деятельности по изучению археологии региона В. Я. Толмачева, В. А. Кормазова, К. В. Гроховского, В. В. Поносова и Д. П. Пантелеева. Они в значительной степени расширяют информацию, известную по обзор-

ным работам В. Н. Жернакова, В. В. Поносова и китайских исследователей.

Письма и другие материалы А. С. Лукашкина из архива В. Е. Ларичева готовятся нами к публикации. Это небольшое документальное собрание является чрезвычайно информативным источником по истории изучения Северной Маньчжурии в первой половине XX в.

Благодаря помощи и деятельному участию Т. А. Константиновой мне удалось

узнать о наличии гимназического дела А. С. Лукашкина в Государственном архиве Читинской области (ГАЧО) (в настоящее время – Государственной архив Забайкальского края (ГАЗК)). Татьяна Андреевна была замечательным человеком, интересным и вдумчивым исследователем. Она автор многих книг и статей, к которым обращаюсь и буду обращаться в своей работе. Эта статья – дань её памяти.

Список литературы

1. Алкин С. В. Археолог Владимир Яковлевич Толмачев // На пользу и развитие русской науки. 2-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. А. Д. Столяр, Ю. В. Иванова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 90–100.
2. Алкин С. В. В. В. Поносов – историограф русской археолого-этнографической школы в Маньчжурии // Учёные и идеи: страницы истории археологического знания: тезисы докладов междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 февраля 2015 г.) / сост. С. В. Кузьминых [и др.], отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 7–8.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 61. Оп. 1. Д. 1981.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10143. Коллекция микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско. Текст: электронный // Государственный архив Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/3SujZ2> (дата обращения: 20.02.2026).
5. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 27784.
6. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. 1. Древнейшая и древняя история Китая (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука – Вост. лит., 2016. 960 с.
7. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Список доступных описей архивных коллекций. Лукашкин Анатолий Стефанович (Опись 2) Текст: электронный // Музей русской культуры в Сан-Франциско. URL: <https://clck.ru/3Suj44> (дата обращения: 20.02.2026).
8. Жернаков В. Н. Краткая история Музея провинции Хэйлунцзян // Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыли и вэнь цзи = Сборник переводных материалов по археологии и этнографии пр. Хэйлунцзян. Харбин: Хэйлунцзян боугуань, 1991. Вып. 1. С. 193–200.
9. Ларичев В. Е. Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура (Ананци, Дунбэй) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 86. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 1. Древние культуры Дальнего Востока. С. 81–126.
10. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии: в 2 ч. Ч. 2: Азия и проблема локальных культур (исследования и идеи) / отв. ред. академик А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1972. 416 с.
11. Лукашкин А. С. Музей северной Маньчжурии в Харбине // Вестник Маньчжурии. 1943. № 1.
12. Лукашкин А. С. Исследования неолитической стоянки близ ст. Цицикар // Вестник Маньчжурии. 1934. № 2. С. 135–164.
13. Поносов В. В. История археологического изучения Северной Маньчжурии // Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыли и вэнь цзи = Сборник переводных материалов по археологии и этнографии пр. Хэйлунцзян. Харбин: Хэйлунцзян боугуань, 1991. Вып. 1. С. 182–191.
14. Тан Инцзе Русские в научных обществах Хэйлунцзяна до Освобождения и их археологическая деятельность // Бэйфан вэнь. 1986. № 2. С. 24–30.
15. Хэйлунцзян шэн боюань 1923–1993 (Музей провинции Хэйлунцзян 1923–1993). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1993. 139 с.
16. Центр изучения дальневосточной эмиграции АмГУ. Текст: электронный. URL: <https://clck.ru/3SujcD> (дата обращения: 20.02.2026).
17. Шергалин Е. Э. Анатолий Стефанович Лукашкин (1901–1988) – русский орнитолог, зоолог и видный общественный деятель Русского Зарубежья // Русский орнитологический журнал. 2015. Т. 24. Экспресс-выпуск 1200. С. 3639–3662.

Сведения об авторе

Алкин С. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, alkin-s@yandex.ru

Научное издание

ЗАБАЙКАЛЬЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства

Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 27.04.2026
Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Arial. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 15,8. Заказ № 26005.
Тираж 50 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30